

ISSN 00130 350

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

საქართველოს
ლიტერატურა

1981

3

10.33.5
1981

«В работе каждой партийной организации есть немало ценного, поучительного...»

...Добилась значительного повышения темпов экономического и социального развития республики Компартия Грузии».

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Из Отчетного доклада ЦК XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза.

10.330
1981

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Издается с июня 1957 года

СОДЕРЖАНИЕ

XXVI СЪЕЗД КПСС

- «Будущее — главный делегат съезда...» . . . 3
- ГУРАМ ПАНДЖИКИДZE. Боевой жанр. Грузинская публицистика в десятой пятилетке . . . 7
- Л. ДОЛИДZE. Творческий поиск продолжается. О книге «Делегат пришел на съезд» . . . 28

ПОЭЗИЯ

- ЗУРАБ ЛОРТКИПАНИДZE — Из новых стихов. Перевод Леонида Темина . . . 31
- ОТАР МАМПОРИЯ. Стихи. Перевод Владимира Еременко . . . 34
- ТЕДО БЕКИШВИЛИ. Стихи. Перевод Натальи Гениной . . . 68
- ШОТА КAVTAPADZE. Стихи. Перевод Юрия Анохина . . . 142

ПРОЗА

- ГУРАМ ГЕГЕШИДZE. Рассказы. Переводы Эммы Пивоваровой и Вахтанга Федорова-Циклаури . . . 38

3

1981

ГАМАЗ БИБИЛУРИ. Помогите! — сказал он. Роман. Окончание. Перевод Ушанги Рижина	151
ЛЮДМИЛА ТЫРКБА. Рассказы	151

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ГУРАМ ҚАНҚАВА. Высокий нравственный потенциал	160
БЕЖАН БАРДАВЕЛИДЗЕ. Типизация национального характера. На примере персонажей Даида Клдиашвили	177

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

ЛАЛИ АВАЛИАНИ. «Грузия... навсегда останется в моей памяти...». Литературное турне Федора Сологуба и Игоря Северянина по Грузии	191
---	-----

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

МАРК ЗЛАТКИН. Наш современник	199
-------------------------------	-----

ИСКУССТВО

ИРИНА КУЧУХИДЗЕ. Поэзия и реальность. Некоторые тенденции развития современного грузинского кино	208
НАГРАДЫ РОДИНЫ	220
ХРОНИКА	221
ОБ АВТОРАХ ЭТОГО НОМЕРА	223

XXVI СЪЕЗД КПСС

«БУДУЩЕЕ — ГЛАВНЫЙ ДЕЛЕГАТ СЪЕЗДА...»

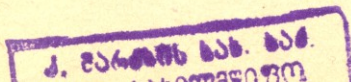
В течение восьми дней все помыслы и чувства советских людей, всего прогрессивного человечества были прикованы к Москве, к Кремлевскому Дворцу съездов, где проходила работа XXVI съезда Коммунистической партии Советского Союза.

С высокой трибуны партийного съезда были провозглашены грандиозные планы и предначертания грядущего, воплощенные в важнейших партийных документах.

Отчетный доклад, сделанный Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым, — это документ неocenимой политической и теоретической значимости, в котором сконцентрирован глубокий анализ внутренних проблем нашей страны и международного положения на пороге 80-х годов, содержится развернутая программа дальнейшего развития общества зрелого социализма, борьбы за мир и социальный прогресс на земле.

О могучем движении вперед нашей страны за период, минувший между съездами, на всех направлениях созидания материально-технической базы коммунизма красноречиво свидетельствуют строки доклада «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года», с которым выступил Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. А. Тихонов.

Кто бы ни выступал с трибуны съезда — рабочий, колхозник, ученый, деятель культуры, хозяйственный или партийный руководитель, он говорил о больших достижениях, о трудностях, которые приходится преодолевать, о нерешенных проблемах и неиспользованных резервах, и в каждом выступлении была кровная заинтересованность каждого в разрешении этих проблем, в росте экономического потенциала страны, от которого зависит успех коммунистического строительства. Каж-

дое выступление было убедительным и волнующим подтверждением того, что источником могучей силы советского общества было и остается нерушимое единство партии и народа.

Все положения и выводы важнейших партийных документов, принятых на XXVI съезде КПСС, получили горячую и единодушную поддержку миллионов советских людей, потому что в них сосредоточена неустанная работа партии, ее Центрального Комитета и Политбюро ЦК во главе с Л. И. Брежневым о процветании социалистической Отчизны, о народном благе и счастье.

Каждая строка докладов и решений сейчас внимательно изучается и осмысливается советским народом.

Решения съезда партии обретают реальный смысл во всех сферах народной жизни, в тех больших и ответственных делах, которые советским людям предстоит осуществить в новой, одиннадцатой пятилетке.

Как заповедь восприняли работники литературы, культуры, искусства замечательные слова Л. И. Брежнева о высокой ответственности художника перед своим народом: «Жить интересами народа, делить с ним радость и горе, утверждать правду жизни, наши гуманистические идеалы, быть активным участником коммунистического строительства — это и есть подлинная народность, подлинная партийность искусства».

Высокая оценка партией роли советской литературы и труда художественной интеллигенции вдохновляет ее на создание новых произведений, посвященных народу, его прекрасному будущему.

Наглядным подтверждением достижений нашей Родины в развитии экономики и культуры является жизнь каждой из братских республик.

В отчетном докладе Л. И. Брежнева прозвучала высокая оценка трудовых побед и свершений в нашей республике.

«Добилась значительного повышения темпов экономического и социального развития республики Компартия Грузии», — сказал он.

Труженики нашей республики четко осознают необходимость повысить свою трудовую отдачу для того, чтобы внести максимальный вклад в борьбу за дальнейшее укрепление экономической мощи нашей страны.

В своей речи на XXVI съезде КПСС первый секретарь ЦК КП Грузии товарищ Э. А. Шеварднадзе отметил:

«Компартия Грузии считает своей боевой задачей вести всю деятельность во исполнение требований Центрального Комитета, Леонида Ильича Брежнева так, чтобы везде и во всем торжествовали святые принципы справедливости, честности, гуманизма, скромности, ленинской партийности, чтобы верховный авторитет труда, глубокий демократизм и сознательная дисциплина, величайшая ответственность перед нашим могучим Союзом стали визитной карточкой коммунистов республики».

Знаменательно, что в дни работы съезда передовики пятилетки были удостоены высокого звания Героев Социалистического Труда.

Во всех значительных успехах хозяйственного и культурного строительства большая и неоценимая заслуга принадлежит партийной организации республики, возглавляемой первым секретарем ЦК КП Грузии товарищем Э. А. Шеварднадзе. И то, что он удостоен высокой награды Родины — звания Героя Социалистического Труда, все трудящиеся республики восприняли с огромной радостью и гордостью.

Перед нами развернута грандиозная перспектива, и только от нас, от нашего труда зависит воплощение в жизнь планов партии, осуществление экономической стратегии партии, высшей целью которой является неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа.

В речи на XXVI съезде КПСС первый секретарь ЦК Компартии Грузии тов. Э. А. Шеварднадзе сказал:

«70-е годы научили нас многому. Вовсе небезразлично было, товарищи, какими путями и методами получали высокий экономический эффект. Главное заключалось в том, чтобы положения, содержащиеся в постановлении ЦК КПСС по Грузии, переплавить в умах людей, превратить их в конкретную материальную и духовную силу...»

...Социалистическая демократия, как мы это понимаем, — это истинно творческая атмосфера, это освобождение личности от всего наносного, эгонистичного. В ней, социалистической демократии, высшая органи-

зация общества и самодисциплина каждого его члена. Это — подлинная гармония общественных и личных интересов, максимальное самовыражение человека. И она не может уживаться с консервативным стилем, сохранившимися кое-где отжившими методами работы, устаревшими формами взаимоотношений руководителя и руководимого, бюрократическими извращениями и формализмом, что в корне противоречит ценностям, утверждаемым развитым социализмом».

Атмосфера внутрипартийной демократии, взыскательного товарищества, деловитости, высокой требовательности и самокритичности, активности и сплоченности, утвердившаяся в повседневной жизни нашей партии, особенно ярко проявилась в работе съезда.

И еще одна из основных черт атмосферы съезда — это его устремленность в завтра, оптимизм, желание в едином строю бороться за высокие и светлые идеалы коммунизма.

«Все свои силы мы намерены сконцентрировать на двух взаимосвязанных направлениях. Одно из них коммунистическое созидание, другое — упрочение мира», — так четко определил величественную цель нашей партии в своей речи при закрытии съезда Л. И. Брежнев.

«Отстаивая мир, — сказал на съезде товарищ Л. И. Брежнев, — мы работаем не только для ныне живущих людей, не только для наших детей и внуков; мы работаем для счастья десятков будущих поколений.

Если будет мир, творческая энергия народов, опираясь на достижения науки и техники, наверняка решит те проблемы, которые сейчас волнуют людей».

Как обращение в грядущее прозвучали слова, завершающие речь на XXVI съезде КПСС первого секретаря ЦК КП Грузии тов. Э. А. Шеварднадзе:

«Мы, коммунисты, у Ленина научились мечтать, а мечта ведет в будущее.

Будущее — главный делегат нашего съезда, честь и слава ему!»

Забота о людях, о мире, о будущем — таким войдет в историю XXVI съезд КПСС.

БОЕВОЙ ЖАНР

ГРУЗИНСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА В ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

«...В том, что духовная жизнь советского общества становится все более многообразной и богатой, — бесспорная заслуга наших деятелей культуры, нашей литературы и искусства...

...Партия приветствует свойственные лучшим произведениям гражданский пафос, непримиримость к недостаткам, активное вмешательство искусства в решение проблем, которыми живет наше общество».

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Из Отчетного доклада ЦК XXVI съезду
Коммунистической партии Советского
Союза.

Мы вступили в 1981 год, первый год одиннадцатой пятилетки.

Уже произошло историческое событие — состоялся XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза, который стал знаменательной вехой в жизни всего нашего народа.

В основе работы XXVI съезда КПСС и XXVI съезда КП Грузии были нацеленность в завтрашний день, четкая ориентация на безусловное выполнение задач одиннадцатой и двенадцатой пятилеток, углубленное осмысление путей нашего движения к намеченным ленинской партией рубежам.

А этому предшествовал самоотверженный труд нашего героического рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции, молодежи нашей республики и всего советского народа в десятой пятилетке.

На XXVI съезде Коммунистической партии Грузии десятилетняя пятилетка с гордостью была названа Краснознаменной пятилеткой республики.

В конце минувшего года в Грузии был большой праздник трудящихся республики, которые широко развернули социалистическое соревнование за претворение в жизнь решений XXV съезда КПСС, досрочно выполнили задания по темпам роста общего объема промышленного и сельскохозяйственного производства, предусмотренные основными направлениями развития народного хозяйства на десятую пятилетку.

Хочу вспомнить одно событие. В 1975 году для альманаха «Гантиади», который я в то время редактировал, я попросил критика Эдуарда Елигулашвили организовать беседу в Гурджаани. В беседе участвовали украинский поэт Виталий Коротич, Джансуг Чарквиани и тогдашний первый секретарь Гурджаанского райкома партии Шота Эцадшвили. Беседа была посвящена успеху гурджаанских виноградарей, которые в 1974 году вместо запланированных 55.380 тонн собрали 57.903 тонны винограда. В беседе подчеркивалось, что такого количества винограда еще никогда не сдавал на переработку ни один район Кахетии.

После этого прошло шесть лет, и вот одни только гурджаанцы сдали на винные заводы в прошлом году более 150 тысяч тонн винограда!

Все эти успехи — результат осмысленной, дальновидной, энергичной и самоотверженной работы, которую осуществляет Центральный Комитет Компартии Грузии.

Панорама побед, одержанных в пятилетке, окажется весьма односторонней, если мы не оценим и вклад представителей литературы, искусства, науки, который был особенно значителен именно в силу того, что благодаря усилиям Центрального Комитета Компартии Грузии в республике была создана поистине творческая атмосфера.

В отчетном докладе ЦК КП Грузии XXVI съезду Коммунистической партии Грузии кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Грузии тов. Э. А. Шеварднадзе отметил:

«Создание атмосферы, всемерно стимулирующей появление высококачественных и высокохудожественных произведений, — одно из крупных завоеваний Компартии Грузии за последние годы...

...Именно такая атмосфера способствует рождению подлинно талантливых, новаторских произведений литературы и искусства».

Сегодня все грузинские писатели, вся литература стали надежной поддержкой и опорой новому руководству республики в ответ на все, что было сделано для грузинской литературы в эти последние годы: вновь созданные альманахи «Гантиади», «Саундже», «Критика», «Мартве», выходящая в Сухуми «Рица». Вспомним, что уже в увеличенном объеме выходит «Литературная Грузия», а с нынешнего года удвоился объем нашего самого живого органа «Литератури Сакартвело». Добавим ко всему этому те многочисленные творческие

командировки, которыми воспользовалось большинство наших писателей, премии, которыми отмечены наиболее значительные достижения в литературе.

Я как писатель хочу отметить, что мы сейчас трудимся в обстановке большой теплоты, доброжелательства и заботливого отношения к нам. Но с неменьшей гордостью хочу сказать и то, что не было ни одного случая, когда грузинские писатели допустили бы неверный шаг на намеченном ленинской партией пути, оказались в стороне от основных ее позиций — они всегда были с партией и родным народом.

Наши писатели в этот период создали много замечательных произведений, получивших признание не только в нашей республике, но и во всей Советской стране, а также за ее пределами.

Большим признанием грузинской литературы был и тот факт, что Нолару Думбадзе присвоено почетное звание лауреата Ленинской премии.

Я не собираюсь идти по опасному пути перечисления авторов тех многих стихотворений, которые навсегда останутся в нашей литературе, тем более, что целью и задачей моей статьи вовсе не является обзор созданной за последние пять лет литературной продукции.

Я ограничусь обзором произведений в области лишь одного литературного жанра — публицистики.

Публицистика не является устойчивым, фундаментальным жанром литературы, ставящим целью (разумеется, исключая редкие случаи) одолеть время. Но и у нее есть свое преимущество — это оперативность, тактическая гибкость, злободневная острота, ритмичность, страстность. Публицистика способна параллельно с высокохудожественной прозой раскрыть перед читателем важные события и ход их течения. Публицистика может (естественно, подразумевается талантливая публицистика) способствовать молниеносному созреванию определенных ситуаций, может создать общественное мнение, сформировать определенные позиции. Причем, у публицистики больше всего возможностей стать литературным посредником между реальной личностью и читателем, между читателем и реальным фактом. Правда, во время стратегической борьбы публицистика выполняет тактическую функцию, но зато ничто не может сравниться с ней в гибкости и документальной точности. Я имел возможность еще раз утвердиться в этой мысли, когда вновь обратился к публицистическим произведениям последних пяти лет на страницах газет «Комунисти», «Литერатурули Сакартвело», журналов «Мнатоби», «Цискари» и альманаха «Гантиади». К этому прибавились три десятка книг очерков, выпущенных нашими издательствами, и можно с удовлетворением сказать, что грузинские писатели и в самом деле плодотворно поработали.

Очень трудно сказать о каждом публицистическом выступлении или очерке, даже вскользь, в одной-двух фразах отметить их литературные достоинства и недостатки. Впрочем, я и не ставлю перед собой подобную цель, а пытаюсь представить одну общую картину, целостную панораму, созданную

усилиями грузинских литераторов в области публицистики на протяжении пяти лет, наглядно раскрывающую позиции и планомерную, целеустремленную работу как наших писателей, так и отдельных редакций и издательств.

Острые, напряженные, но в конце концов преисполненные радости победы дни и годы десятилетия пятилетки нашли достойное отражение в творчестве грузинских писателей всех поколений. Правда, не все очерки одинакового литературно-художественного достоинства, но когда я прочел их последовательно и одновременно, передо мной в самом деле с поразительной ясностью предстали героические дни десятилетия пятилетки и самоотверженная трудовая деятельность тружеников нашей республики. Еще более наглядно выкристаллизовалась четкая картина планомерного, логического и закономерного продвижения вперед, достигнутого под руководством Коммунистической партии и правительства Грузии.

Начнем с ведущей газеты нашей республики «Коммунисти» и с большого очерка «Что произошло в Абаше?», созданного поистине с юношеской энергией и задором выдающимся грузинским писателем старшего поколения Константином Лордкипанидзе, — произведения, сразу ставшего популярным. Газета «Коммунисти» опубликовала его на своих страницах в 1977 году, вызвав сразу же поток живых читательских откликов. До этого писатель шесть месяцев жил рядом с абашскими тружениками, знакомился с прошлым района, его плачевными экономическими показателями, затем глубоко изучил причины невиданных успехов абашцев.

Константин Лордкипанидзе глубоко проанализировал продуманный, смелый, обоснованный эксперимент районной партийной организации и ее руководителя Гурама Мгеладзе, эксперимент Абашского района, которому сопутствовал такой почти невероятный скачок вперед. Писатель наглядно показал две Абаша: отсталую, разоренную, а впоследствии на протяжении всего лишь нескольких лет — возрожденную, цветущую, благоустроенную, ставшую в ряды передовиков. Очерк написан с характерным для Константина Лордкипанидзе рафинированным мастерством, но главной причиной его воздействия я лично считаю глубокое изучение протекающих в районе процессов и их тонкий, умный анализ.

Сколько времени прошло с той поры? И вот неутомимый писатель уже переместился в Кахетию, влился в хоровод жизни Гурджаанского района. Несколько месяцев провел он в этом крупнейшем и богатейшем районе Грузии. Вновь со свойственным ему усердием, вниманием, завидной энергией, глубоким проникновением в суть явлений он ознакомился с жизнью района, с деятельностью трудящихся, руководителей. И вот совсем недавно на страницах «Коммунисти» вновь появился большой очерк Константина Лордкипанидзе «Горец вернулся в горы».

Несмотря на это, писатель не прервал свои связи с Абашским районом, его тружениками. Он вновь частый гость обновленной Абаша, а жители района и сейчас продолжают свои деловые взаимоотношения с писателем, пишут ему, делаются

своими радостями и бедами. Именно результатом одного из таких писем и был прекрасный, заставляющий задуматься проблемный материал, опубликованный совсем недавно в «Коммунисти» под названием «Исповедь».

В этой статье Константин Лордкипанидзе ставит очень актуальную морально-этическую проблему, которая сегодня требует исчерпывающего ответа.

Человек преступил закон. За это был наказан по заслугам. Потом по истечении времени, отбыв наказание, человек полностью преобразился, внутренне перестроился, стал одним из самых передовых тружеников в районе. Все признают его успехи, но... и не забывают его прошлого, на упоминание его имени по старой инерции наложено табу.

Справедлив ли такой подход к этому человеку? Правда, писатель не раскрывает до конца свой замысел, как будто хочет сверить ответ по безошибочному компасу времени, но лично для меня и, вероятно, для всех читателей, позиция Константина Лордкипанидзе абсолютно ясна.

«Горец вернулся в горы» — это ведь только первая половина книги пока в пять или чуть больше печатных листов, которая будет очень скоро выпущена издательством «Сабчота Сакартвело».

В этой книге с точки зрения жанра К. Лордкипанидзе раскрыл перед читательской аудиторией еще более широкий диапазон своего мастерства. Он сам пишет:

«Новелла, художественный очерк, публицистическая статья, иногда даже и простой репортаж. Форму мне диктовала природа и глубина материала. Так была написана эта книга о бедах и радостях грузинской деревни».

И в самом деле, история горного села Череми, покинутого без всяких причин, читается с большим волнением. Эта книга Константина Лордкипанидзе воспринимается как предупреждение, как сигнал тревоги, чтобы подобные ошибки не повторялись в будущем.

В ближайшее время в том же «Коммунисти» будет напечатан очерк Реваза Джапаридзе объемом в пять печатных листов «Большая Алазани». Писатель глубоко изучил жизнь Цителцкарройского района, его экономику, проблемы и задачи, стоящие перед районом, которые предстоит решить, перспективы развития. Этот весьма интересный очерк, как мне кажется, читатели прочтут с таким же вниманием, как и опубликованные прежде, высокохудожественные, глубокие и острые публицистические статьи и очерки Реваза Джапаридзе.

«Большая Алазани» выйдет в этом же году отдельной книгой в издательстве «Сабчота Сакартвело».

Газета «Литератули Сакартвело» на протяжении пяти лет опубликовала много интересных публицистических статей и очерков, в которых живо отражены сегодняшняя жизнь трудящихся Грузии, их славные успехи. Портреты многих героев пятилетки были показаны на страницах газеты, многие злободневные проблемы были широко обсуждены ею. Не остались неосвещенными и нравственные, моральные проблемы.

Целенаправленное чередование тем и проблем показывает планомерную работу газеты, исключая стихийность. Очень часто написанные на высоком художественном уровне статьи или передовицы ложатся в основу уже более полных, широко развернутых писательских выступлений, впоследствии также находящихся себе места на газетных страницах. Вот несколько примеров.

«Литературули Сакартвело», год 1979, № 33. Передовая статья газеты называется «Село». Редакция делает глубокий обзор проблем сегодняшней деревни, ее чаяний, ее радостей. Эта статья и есть тот ключ и краеугольный камень опубликованных на трех страницах газеты материалов, касающихся злободневных проблем грузинского села. Это выступления Мераба Элиозишвили «Шел я лесом», Тамаза Бибилури — «Театр приехал», Тедо Бекишвили — «Во дворе у нашего хозяина», Александра Коркоташвили — «Как строится наше село». Последнее выступление даже сопровождается проектами рекомендованных для строительства в деревне домов. Здесь же напечатан написанный на сельскую тему прекрасный рассказ Реваза Инанишвили «Завещание».

Пример второй: «Литературули Сакартвело», 1979 год, № 5. В передовой статье «Столица» хорошо определены функции столичного города, продуманные еще издревле народом, а потом намечены продиктованные этими функциями проблемы. Там же напечатана обширная статья архитектора Нодара Мгалоблишвили «Тбилиси, набережная, Рике».

Пример третий: «Литературули Сакартвело», 1980 год, № 6. Заголовок передовой — «Образ коммуниста». Ее конкретное развитие — развернутый репортаж Т. Абулашвили «Герой — наш современник».

Пример четвертый: «Литературули Сакартвело», 1979 год, № 12. Название передовой статьи «Широкое поприще». Она касается интернационализма, литературных взаимоотношений и дружбы между братскими народами и, как иллюстрация, — целая газетная полоса, посвященная традиционной дружбе русских и грузинских писателей. Авторами статей являются Григол Абашидзе, Серго Клдиашвили, Сандро Шаншиашвили, Реваз Маргиани. Газета напечатала много проблемных редакционных выступлений. Широкий масштаб их публицистический пафос и диапазон. Среди них мне хочется выделить статьи «Коммунисты, вперед!», «Порядок», «Дружба — величественная действительность», «Вдохновение художника» и многие другие.

В газете под разнообразными рубриками печатаются публицистические статьи, очерки, репортажи, диалоги, интервью, «круглые столы», посвященные проблемам сегодняшнего и завтрашнего дня.

Для полноты картины перечислим эти рубрики: «Писатель в командировке», «Люди пятилетки», «Ритм пятилетки», «В ногу с пятилеткой», «В свете решений пленума», «Размышления после пленума», «Думы о завтрашнем дне», «Актуальный диалог», «Думы о нашем селе», «Литературули Сакартве-

ло» в деревне», «Контуры будущего», «Хроника наших дней», «Трибуна писателя».

В газете был опубликован ряд масштабных материалов. Среди них в первую очередь надо отметить диалог первого секретаря Аджарского обкома Компартии Грузии товарища Вахтанга Папунидзе и поэта Фридона Халваши под заголовком «Аджария сегодня и завтра». В диалоге по-деловому раскрываются все актуальные проблемы, стоящие сегодня перед партийной организацией и трудящимися Аджарии.

С большим интересом читается также отчет о заседании Союза писателей Грузии и Госкомитета Грузинской ССР по охране природы, которое состоялось 26 июля 1978 года. Редакция сохранила в нем полемический тон, экспрессию, и потому он воспринимается как острое и деловое обсуждение за «круглым столом». Весьма лаконично и по существу «схвачена» основная суть выступлений участников. А участниками прений были Гр. Абашидзе, Н. Кецохели, Г. Цицишвили, В. Качарава, Ф. Давитая, Г. Очиаури, А. Гомиашвили, Л. Мрелашвили, Р. Табукашвили, М. Элиозишвили, А. Кикнадзе и другие.

Думаю, что читателям запомнился большой материал под заголовком «Дорогое имя — строитель», который газета напечатала в № 8 за 1978 год под рубрикой «Гости в редакции «Литературули Сакартвело». Гости поистине были достойные: редакцию вместе со своей бригадой посетил знатный домостроитель Тамаз Галдава. Вместе с ним были его коллеги А. Дихтырь, Б. Коридзе, Л. Дохнадзе, Ш. Отиурудзе.

Помимо работников редакции, их принимали С. Клдишвили, Р. Маргиани, М. Лебанидзе, Р. Джапаридзе, О. Чхеидзе, О. Иоселиани, С. Цаишвили, Дж. Гвинджилия, Т. Бекишвили. Автор репортажа Г. Джохадзе лаконично и рационально преподнес нам основную мысль этой чрезвычайно интересной встречи. Грузинские писатели близко познакомились с героями пятилетки, с их взглядом на многие жизненные явления и вопросы, в свою очередь сами рассказали много интересного героям пятилетки.

Также значителен развернутый репортаж «Праздник в Махарадзе», посвященный выездному пленуму Союза писателей Грузии, и диалог с министром лесного хозяйства Грузинской ССР Ш. Чалаганидзе.

Многообразна сфера тех вопросов, которые так взволнованно и с такой заинтересованностью обсуждают грузинские писатели. В «Литературули Сакартвело», так же как и в других газетах и журналах, вы встретите письма, репортажи, очерки, статьи о дружбе, интернационализме, сельских проблемах, патриотическом воспитании молодого поколения, о школе, передовых людях пятилетки, долге художника и его убеждениях, о сохранности исторических памятников, о вопросах этики, нравственности...

Показательно, что об этих проблемах свободно и со всей серьезностью высказываются представители всех поколений и рангов нашей литературы. Я еще раз хочу сказать: возмож-

но, не все публицистические статьи и очерки звучат с одинаковой силой, но в этих статьях вырабатывается позиция грузинских писателей в отношении всех проблем современности, подлежащих решению, выковывается их активное, единодушное стремление — быть с партией и народом.

За этот период Григол Абашидзе опубликовал несколько очень значительных публицистических статей. В первую очередь хочу выделить статью под названием «Душа народа». В этой обширной статье, которая фактически выполняет роль передовой, взволнованно говорит он о родном языке, о национальном духе. Писать об этом сложном вопросе так же нелегко, как пройти множество мостков, висящих на волоске, чтобы не дать одолеть себя ложному узкому патриотизму и не допустить в тоне провинциальных интонаций. И совсем не удивительно, что писатель такого ранга и общественный деятель — Григол Абашидзе совершенно беспрепятственно прошел через эти шаткие мостки.

Замечателен его диалог с корреспондентом под заголовком «Изобильный 1975-й», а также обширная статья под названием «Всегда с народом, всегда с партией».

Несколько интересных статей опубликовал Нодар Думбадзе. Его публицистика сохраняет характерные для стиля автора тепло и юмор и проявляет при этом способность совершенно реального восприятия событий и явлений. Замечательно его «Возвращение Одиссея», которое газета опубликовала в виде трех статей. Острый глаз Н. Думбадзе хорошо подметил пороки американского быта, подметил и положительные стороны. Именно поэтому к критике Н. Думбадзе читатель относится с большим доверием, поскольку он поверил в его объективность. А создание атмосферы объективности требует от писателя большого мастерства. Именно так и должны делаться пропагандистские статьи. К сожалению, подобные материалы публикуются редко, а слабые статьи или очерки чаще вызывают обратную реакцию и не достигают той цели, во имя которой они написаны.

В совершенно иной тональности, проникнутая глубокой взволнованностью и страстностью, написана другая статья Нодара Думбадзе «Будем, воспоем, создадим!» Эта статья — образец политической публицистики, и, чтобы мои слова не остались голословным заявлением, приведу отрывок из этой статьи:

«На протяжении всей моей жизни я стоял на многих трибунах, но вот так лицом к лицу — если сказать словами Ленина — перед совестью, честью, разумом, — перед лицом нашей партии — я стою впервые, и вы поймете мое волнение. Ведь эта трибуна не является той трибуной, откуда можно сказать пустое или живое слово. Сказанные здесь слова все должны воплотиться в дела, все должны быть взвешены по золотнику и, что самое главное, они должны быть отлиты из благородного металла».

Джансуг Чарквиани — художник, который постоянно находится в гуще жизни. Сейчас, как мы договорились, не будем вести речь о его поэзии, а заострим внимание только на

его публицистических выступлениях. В 1977 году был опубликован сибирский дневник Джансуга Чарквиани «В оленьих унтах по тайге», где он взволнованно рассказывает о встрече с бамовцами, строителями Нии-Грузинской. Если в сибирском дневнике Дж. Чарквиани много поэтических напластований, необходимых для раскрытия романтической приподнятости на стройке века, то весьма деловой и конкретной выглядит его статья «Если крестьянин крепок». Она напечатана под рубрикой «Размышления после пленума» и является замечательным образцом писательских раздумий о проблемах современного грузинского села, его социальном лице, положительных и отрицательных сторонах его развития.

Поэтично и изящно его выступление «Первого октября, Сухуми», посвященное большому форуму чаеводов Грузии, который был проведен в столице Абхазии.

Приведу один отрывок из этой статьи:

«Солнечный день стоит в Грузии. На небе такое же солнце, что украшает наш национальный флаг и вплетено в наш герб. Да не иссякнет энергия солнца в чае, вине, разуме, теле, окне в доме. Солнце мое, говорил всегда грузин, клялся солнцем и поклонялся солнцу. «Солнце в доме и солнце снаружи, о солнце, войди в дом, отца ребенка дома нет, солнце, заходи домой», — пела у колыбели грузинская мать. Не было дома отца мальчика потому, что он находился на поле брани, народ был в беде. Сейчас все дома, и отец мальчика и дед, все сейчас дома. Сейчас мир, наше поле боя — трудовое поле. Думы о том, как заполнить закрома Грузии, — вот наше поле битвы».

Мы уже упоминали о публицистической деятельности Реваза Джапаридзе, но необходимо еще вернуться к этому имени и к ряду других, поскольку их деятельность не исчерпывается страницами одной лишь «Литературили Сакартвело».

С присущим ему мастерством Реваз Джапаридзе написал большую статью «Возрождение», опубликованную в 6-м и 7-м номерах за 1978 год. Речь в ней идет об успехах маленького Тержольского района, завоевавшего всесоюзное переходящее Красное Знамя. Писатель, находясь в Тержольском районе, со свойственной ему серьезностью, глубиной изучил, проанализировал, обобщил «секреты» их успеха и вынес на всеобщий суд. Очерк заканчивается так: «Таким я увидел Тержольский район после приема делегации трудящихся района в Союзе писателей Грузии и глубоко верю, что завтра и послезавтра увижу его еще более окрепшим и на еще большей высоте».

Насколько же радостно писателю сознавать, что его слова сбываются! Ведь Тержольский район был одним из самых первых, кто рапортовал о выполнении пятилетнего плана по всем показателям.

Трудовым победам тех же тержольцев, в частности виноградарей, посвятил свой очерк «Браво, тержольские виноградары!» Давид Квициридзе. К этой теме впоследствии

он вернулся вновь, и, видимо, обращение к этой теме писателя не случайно.

Велика доля участия в этом славном литературном труде во имя достижений пятилетки и женщин-писательниц.

Тина Донжашвили порадовала нас интересным очерком «Так создается песня», который посвящен труженикам Сагареджойского района и их партийному руководителю Мееде Мезвришвили. Специальной статьей откликнулась писательница также и на открытие в Гурджаани мемориала славы. Плодотворно поработала Мееда Кахидзе. На этот раз я перечислю только те статьи, которые поэтесса опубликовала в «Литературули Сакартвело»: «Браво, родные мои!», «Мост дружбы», «Председатель — проворная женщина». М. Кахидзе поздравила с успехом своих земляков — крестьян кварельского села Шилда, женщину-председателя Зинаиду Окрочедлидзе и нашего славного Михако Оравелидзе.

Со многими интересными очерками предстала перед читателем Этери Сахвадзе. Многообразна тематика ее статей, интересно и решение поставленных вопросов. В первую очередь хочу напомнить статьи и очерки поэтессы: «В горах», «Базалетские дни», «Дорога», «Дороги, мосты, тоннели». Но случайно, должно быть, поэтессу заинтересовали проблемы наших горных районов, но есть и статья «Лоза и деревня», которая, как свидетельствует заголовок, касается совсем иной проблемы.

Задачам и обнадеживающим перспективам новой пятилетки посвятил свою статью «Жажда!» Георгий Натрошвили. Он останавливается и на роли писателей в большой трудовой деятельности. Он пишет: «Где место поэта в том большом труде, что развернулся сейчас на грузинской земле? Рядом с тружениками, плечом к плечу с ними — как и всегда. Приветствовать издали мы не привыкли, да это ничего и не даст».

Прекрасную статью напечатал Морис Поцхишвили под названием «Да здравствует ваше гражданство, тбилисец!». Поэт с очень большой остротой и озабоченностью поставил вопрос о принадлежности человека к родному городу, о его гражданских чувствах. Тбилиси — столица Грузии, ее сердце. Так каким же должен быть истинный тбилисец? Вот на чем останавливает наше внимание Морис Поцхишвили.

Лично для меня несколько неожиданным было выступление в жанре очерка Отара Чхеидзе и Арчила Сулакаури, но «Гори—Вологда» первого и «Тушети, любовь моя» второго дают все основания требовать, чтобы оба писателя более активно трудились в этом ответственном направлении.

Истинное удовольствие снова доставил нам Реваз Ианишвили своими статьями и очерками «Пусть прибавляется радости», «Цитадель». И тоже хочется, чтобы Реваз Ианишвили более интенсивно работал в этом жанре.

Злободневным был и материал Реваза Мишвеладзе «Так хотят, так заботятся», который был опубликован под рубрикой «В ногу с пятилеткой». Он посвящен особенностям развития Кобулетского района.

С глубоким знанием вопроса написан Тамазом Бибилури «Репортаж солнечного дня», рассказывающий об одном ходе гурджаанских тружеников. Писатель сумел не только ознакомить нас с тем, как происходил этот слет, но и передать непосредственное настроение участников слета. Прекрасный очерк Тамаза Бибилури заканчивается словами: «В этот светлый, солнечный день в одном маленьком, но богатом уголке Грузии произошло большое событие. Люди говорили о красоте земли». Таким же значительным был большой очерк Тамаза Бибилури «Элегия о Черемгороде», который «Литератури Сакартвело» опубликовала в № 31-м за 1978 год.

Газета напечатала два очерка Вану Урджумелашвили. Один был посвящен рабочей семье кутанца Михако Вашакмадзе, а второй — «Ширакское солнце» — ширакским труженикам.

Очень плодотворно работает в жанре публицистики и очерка Георгий Санадирадзе. Он опубликовал много проблемных статей в периодической прессе республики. Из многих его статей, помещенных на страницах «Литератури Сакартвело», по актуальности проблемы и мастерству я все же выделю «Добрый след», «Сюда стремится человек», «Время сдвигов», «Наследники бахвского «манifestа», «Имя — жизнь». Этот последний создан писателем после командировки в Казахстан.

Мы уже упоминали о работах Мераба Элиозишвили. Хочу еще упомянуть его очерк «Дверь в природу в Каралети».

С интересным очерком предстал перед читателем Мамука Циклаури — «Села мохевцев». Уже сам заголовок говорит о злободневности и остроте проблем, поставленных в этом экспрессивно написанном очерке.

Заслуживают одобрения очерки «Первый в мире» Элизбара Майсурадзе, «Гремит лилео» Тедо Бекишвили, «Посади тигра в мотор» Мурмана Джгубурия, «Пастух поднялся в горы Вахтанга Горганели, «Самтацкаро» Карло Коберидзе, «Директор» и «На путях обновления» Тагу Мебуришвили, «Малая земля — великая земля» Теймураза Джангулашвили и Элизбара Майсурадзе, «История овца и овцевода» Алуда Арабули и Реваза Дanelия, «Праздник у Рухской крепости», «Хроника наших дней» Гиви Джохадзе, «Сигнахи в 2000-м году» и «Мечта в горах» Темура Абулашвили, «Ферма-гигант» Багатера Арабули, «Мои односельчане» Миндиа Арабули, «В Ксилиси» Нугзара Шатаидзе, «Грузинские писатели у абашских колхозников» Давида Мчедлури...

Не должно показаться случайным, что в грузинской публицистике уверенно утвердились целина и БАМ. Естественно, это логический результат славной деятельности и большого труда наших земляков-грузин как в освоении целины, так и в деле строительства магистрали века. В этой связи мы должны с одобрением отметить очерк «На берегах Нии», Сосо Сигуа, «Знаете, как стоят деревья в тайге?» Нодара Джалагония, «Письма с целины» Вану Чхиквадзе и Нугзара Шатаидзе.

Широк и мужественен кругозор нашей молодежи в чисто географическом смысле этого слова, и надо думать, что такими же широкими и мужественными будут и образовательные средства их публицистики.

Не знаю, насколько полно я обрисовал картину опубликованной на страницах «Литератури Сакартвело» публицистики, которая в основном и составляет тот большой вклад нашей литературы в дело отображения творческих деяний десятой пятилетки, но факт один: публицистика органа грузинских писателей — это большая и серьезная доля современной грузинской художественной публицистики вообще.

Впечатляюще выглядит публицистика журнала «Мнатоби». Критерий оценки и требования к очерку в толстом журнале уже иные — здесь писатель может развернуться, подойти к проблеме с учетом гораздо более широкого и панорамного ее раскрытия.

В 1976 году «Мнатоби» поместил пять крупных художественных очерков: «Репортаж с магистрали века» и «Спросим и у пловоода» Георгия Санадирадзе, «Дневник сталеваара» Карпе Мумладзе, «Рабочий человек» Вану Урджумелашвили и «Марткопские овцеводы» Георгия Папуашвили.

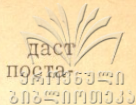
Очень интересен очерк Георгия Санадирадзе «Спросим и у пловоода». Он касается пловоодства в Карельском районе, хотя вопрос поставлен масштабно, поскольку это общая проблема почти для всех пловоодческих районов Грузии. Дело в том, что в 1975 году карельские пловооды продали из общественного сектора государству 56.389 тонн фруктов, тогда как частный сектор дал почти столько же — 50.882 тонны! Если сравнить площади общественных садов и приусадебных участков, станет ясно, за решение какой серьезной проблемы взялся автор.

Георгий Санадирадзе вообще плодотворно работает в публицистике. В том же «Мнатоби» были напечатаны его очерк «Взгляд на одну жизнь» и диалог с председателем Союза охотников и рыболовов Грузии Нико Мгелиашвили под заголовком «Олень и волк».

В редакционной вводке к диалогу сказано: «Редакция «Мнатоби» решила посвятить серию статей экологическим проблемам, в частности проблемам правильного использования ресурсов природы». Что ж, прекрасная идея, которая достойно воплощена в отмеченном диалоге, открывающем эту серию.

Очерки Ладо Мрелашвили всегда выделялись не только культурой письма, но и глубоким знанием вопроса, постановкой проблемы под правильным углом. И сейчас писатель также не изменил самому себе. Его очерк «Сотни и тысячи гурджаанцев сегодня», опубликованный в четвертом номере «Мнатоби» за 1978 год, вводит нас в гущу событий жизни гурджаанцев. Ладо Мрелашвили интересно рассказывает как о решенных проблемах, так и о тех, которые еще предстоит решить. Рассказывает он в привычной для него манере крепко сколоченными фразами. Мастерски построена композиция

очерка. Приведу один отрывок, который, возможно, даст ясное представление о стиле писателя и своеобразии новки освещаемой им проблемы:

Национальная библиотека Грузии
№ 1155040
2022011033

«Если мы не увеличим заготовительные цены на виноград, то, быть может, в сердце Кахетии, в частности в Гурджаани, мы упустим виноградники на приусадебных участках; к такой самой дорогой культуре, какой является для грузина виноград, часть населения уже повернулась спиной, вырубил лозу и сейчас разводит на ее месте арбузы, дыни, огурцы и другие овощи, то есть то, что на базаре и в заготовительных пунктах имеет большую, чем виноград, цену. Да и ухаживать за ними легче, чем за лозой. В этом году, например, заготовительные пункты приобретали у населения арбузы по 45 копеек, такую же цену дают и за килограмм ркацителы в заготовительных пунктах по приему винограда. Если раньше в вырубке виноградников мы обвиняли только Шах-Аббаса, — то теперь сам хозяин собственного виноградника стал объектом обвинения в этом преступлении. Я думаю, что это тревожное явление должно заставить крепко задуматься. Если мы вовремя не увидим и не пресечем на корню все это, за гурджаанцами последуют и другие районы, и тогда не только за обязательства, а за выполнение одного лишь плана придется нам обнажать голову. Вымерз виноградник — потому и вырубил его, — это только повод; ну и что, если на обработанной под виноградник земле я временно посею арбузы? — тоже повод; что случится, если я подсею на винограднике огурцы и дыню? — и это отговорка. Лучшим компонентом для виноградника считается лобии, которое накапливает азот, как и вообще бобовые, которые размещаются в междурядьях лозы так же, как лук и чеснок. Что же касается теперешнего подсева арбуза и дыни, то это грозит вырубкой виноградников».

В разное время в «Мнатоби» были напечатаны материалы Симона Цварава «Ленинский субботник на заводе» (посвященный известному рабочему электровагоноремонтного завода имени И. Сталина Константину Илуридзе и его друзьям), Джемала Мехришвили «Ширакские животноводы», Венора Квачахия «И материальный, и моральный». В этой статье автор откликнулся на книгу Константина Лордкипанидзе «Что произошло в Абаше?»

В четвертом номере за 1979 год Илья Руруа предстал перед читателями с большим очерком «Проблемы горного района». Писатель обстоятельно знакомит нас с жизнью Хулойского, Шуахевского и Кедского районов, с их радостями и наболевшими вопросами. Этот очерк, я уверен, читатель прочел с большим удовлетворением, потому что эти районы за последние годы были обойдены вниманием писателей и очеркистов и не было другого такого крупного и проблемного материала.

Особо хочу отметить очерки Мирона Хергиани. Писатель и в самом деле плодотворно поработал в жанре очерка. Только в «Мнатоби» были опубликованы следующие его очерки: «Что мне было нужно в Джавахети», «Го

рец — хозяин своего слова», «Ты, Тианети, хорош». Последний очерк так велик по объему, что его публикация состоялась в трех номерах. Он и по существу наиболее значителен, и потому я считаю нужным особо заострить на нем внимание читателя. При очень емкой и экспрессивной композиционной структуре в нем имеют место и беседы с отдельными личностями, и энергичный комментарий самого автора. Перечислим только часть тех людей, беседа с которыми так органически включена в композицию очерка. Это первый секретарь Тианетского райкома партии Иовел Мерлани, второй секретарь Элберд Миделашвили, секретарь Нанули Шиомгвдlishвили, председатель райисполкома Серго Гонджилашвили, заместитель председателя Иосиф Гечуашвили, академик Нико Кецховели, тогдашний первый заместитель министра просвещения Ушанги Оболадзе, директор совхоза Михаил Горелашвили, начальник управления сельского хозяйства Эдишер Кочламазашвили, заместитель редактора газеты «Ахали Тианети» Темур Цалугелашвили, начальник конторы газификации Шота Джангирашвили, пенсионер Иванэ Мгелиашвили, уроженец района Сопрон Гулбаташвили и другие.

Из этого простого перечисления мы можем заключить, о каких проблемах пойдет речь в обширном и интересно написанном очерке, который кончается следующими словами первого секретаря Тианетского райкома партии Иовела Мерлани:

«Здесь, в Сапшавло, где в каждое время года «неистовствует поэзия» и у всех — большого или малого — на устах имена славных поэтов, где «родники Важа» покрывают округу и величайшим праздником считается «Мирзаоба» и как каждым солдатом владеет мечта стать генералом, каждым школьником — быть поэтом, так и нами, работниками партийного и хозяйственного фронта, движет одно высшее устремление — быть верными знаменосцами Грузии, близко к сердцу принимать боль и нужды трудящихся, быть подлинными патриотами, политиками или хозяйственниками, словом, быть Важа Пшавела и Мирзой Геловани нашего дела».

В нескольких номерах «Мнатоби» опубликованы персодые статьи, которые очень точно определяют направление и перспективу развития литературы. Назову некоторые из них: «На рубеже задач нового года», «Новые горизонты», «Наша боевая действенная идеология». Приведу цитату из последней:

«...Следует отметить, что наряду с рассказами и романами серьезная задача стоит перед гибким и оперативным жанром очерка. В этой сфере «Мнатоби» накопил определенный опыт — за последние годы опубликовал целую серию очерков, в которых подняты крайне актуальные проблемы экономики и хозяйственной жизни республики. Здесь, понятно, мы не сможем перечислить все, но для примера нельзя не назвать отдельные очерки, в частности «Сотни и тысячи гурджаанцев сегодня» Ладос Мрелашвили, «Ноэ» и «Сохраним красоту деревни» Нодара Цулейскири, «Дороги мирные»,

«Быть и крестьянами, и учеными», «Ты, Тианети, хорош» Мирона Хергиани, «Проблемы горных районов» Ильи Рубца и многие другие. Не одно конкретное, деловое предложение выдвинули наши писатели, но серьезным недостатком в работе редакции «Мнатоби» надо считать то обстоятельство, что, печатая проблемные статьи, редакция не сумела проследить до конца, насколько эффективными были та или иная статья или выступление публициста — без этого слово писателя не имеет достаточной силы действенности. В таких случаях ни редакция, ни автор не смогут считать, что они полностью выполнили свой долг и довели свою миссию до конца. Начиная с этого момента, мы должны соответственно перестроить работу, чтобы более активно, более оперативно вторгаться в жизнь, ввести новые рубрики — «Возвращаясь к напечатанному» или «По следам наших выступлений». Выдающийся советский писатель Ал. Толстой говорил: что за писатель тот, кто не сунул нос в кипяток. Под «кипятком» он подразумевал повседневность, бурлящую жизнь.

Надо надеяться, что редакция «Мнатоби» выполнит это обещание.

Журнал «Цискари» тоже никогда не стоял в стороне от бурлящей жизни. Это ощущается в каждом номере журнала, если проследить за его публицистикой, опубликованной на протяжении пяти лет. Перечислим рубрики, которые сполна дадут представление о целенаправленной работе «Цискари». Вот они: «Равнение на коммунистов», «Колокола «Цискари», «Ленин учит», «Комсомолу Грузии — 60», «Под знаменем Октября», «Навстречу XXVI съезду КПСС», «Люди пятилетки» и др.

Надо отметить, что отнюдь не всегда авторами публицистических выступлений являются писатели. Мой же обзор касается непосредственно активного участия писателей в нашей общественной жизни. Но чтобы картина была более полной, я все же перечислю статьи, напечатанные в «Цискари». Вот они: Джансуг Чарквиани — «Эстафета поколений» и «Люди высокого духа», Г. Натрошвили — «Народ написал, народ захотел». Статья Г. Натрошвили посвящена Конституции Грузинской ССР.

Под рубрикой «Под знаменем Октября» в девятом номере за 1977 год опубликована статья Нодара Швелидзе и Дурмишхана Цинцадзе «Грузия на пути нового подъема».

Среди значительных статей вспомним следующие материалы: Иванэ Кобалия — «Ленин о коммунистическом воспитании молодежи», Серго Курашвили — «Документы эпохи», Г. Кварелашвили — «Праздник светлого будущего», Генри Кобидзе — «Кавкасиони раскрывает сердце», Медеи Шавлиашвили — «Светлый путь», Соломона Демурханашвили и Соломона Самхараули — «Овца и овцевод», Маквалы Гонашвили — «Говорят — село большое», Иmedi Джахуа — «Передовик села», ГиИ Каджая — «Охрана природы и современная экология», Эки Приваловой — «Чилаант-замок в Душети».

Заслуживает внимания статья Героя Социалистического Труда, сталевара мартеновского цеха Руставского металлургического завода Отара Ломидзе «Дисциплина прежде всего», которая посвящалась декабрьскому пленуму 1977 года.

Интересными были передовые статьи в последних номерах — «В ожидании большого события» и «Тбилиси — оправленный рубин».

Думается, журнал «Цискари» должен более активно привлекать к публицистической деятельности молодых грузинских писателей.

Альманах «Гантиади» — один из первенцев тех больших и интересных начинаний, которые были характерны для Грузии последних лет, и ему больше, чем кому-либо, необходимо было активно отразить протекающую в республике большую преобразовательную работу.

Чтобы меня, первого редактора «Гантиади», не обвинили в пристрастном к нему отношении, я только перечислю опубликованные на страницах «Гантиади» публицистические материалы. Редакция и редколлегия «Гантиади» с самого же начала поставили целью сделать как можно шире круг злободневных проблем и чтобы разговор, ведущийся по рассматриваемым вопросам, был бы как можно более глубоким, обоснованным и профессиональным, использовали для этого по мере необходимости все формы современной журналистики: репортаж, очерк, интервью, диалог, «круглый стол»... «Гантиади» старался широко осветить как героические достижения тружеников нашей республики, актуальные вопросы жизни города и деревни, так и нравственные, моральные, научные, атеистические и другие проблемы.

В третьем номере за 1976 год «Гантиади» опубликовал два важных диалога. Один из них назывался «Профессионализм, компетентность, актуальность, острота». Это был диалог с тогдашним председателем Госкомитета Грузинской ССР по телевидению и радиовещанию Гурамом Енукидзе. Второй — «Задачи будут успешно решены» — с тогдашним министром сельского хозяйства Нодаром Читанава.

Я думаю, что читатель хорошо помнит эти серьезные беседы.

В 1976 году Центральный Комитет КПСС дал высокую оценку деятельности коммунистов Грузии за последние три года. Именно этому вопросу посвящается интересная беседа Григола Абашидзе с корреспондентом «Гантиади», опубликованная в четвертом номере альманаха за 1976 год.

Значительным был также диалог с первым секретарем Кутаисского горкома партии Нугзаром Рухадзе, с первыми в то время секретарями Цагерского райкома КП Грузии Михаилом Гвишиани, Маяковского — Анзором Чаркселiani, Ванского — Джемалом Ахметели, Боржомского — Шота Чалаганидзе.

Атеистической теме был посвящен диалог академика Владимира Чавчанидзе и доцента Теймураза Панджикидзе «К эффективности атеистической пропаганды».

«Гантиади» стремился довести разговор, начатый во-
круг поставленной проблемы, до конца.

Для примера напомним статью Нодара Мгалоблишвили
«Архитектура против природы?». За ней последовала статья
Вахтанга Давитая «Архитектура — никакого компромисса».
А затем редакция организовала «круглый стол», в котором
приняли участие известные архитекторы Грузии. Материалы
«круглого стола» были опубликованы под заголовком «Чтобы
радовать весь народ».

Вообще, «круглый стол» очень гибкая и емкая форма
современной журналистики. Вот почему редакция «Гантиади»
всегда стремилась использовать этот журналистский прием.
Здесь я перечислю только те «круглые столы», которые не-
посредственно касаются рассматриваемого вопроса. В первую
очередь напомним «круглый стол», который «Гантиади» органи-
зовал совместно с всесоюзным журналом «Литературное
обозрение». В беседе участвовали тогдашний первый секретарь
Кутаисского горкома партии тов. Солико Хабеишвили,
поэты Виталий Коротич и Джансуг Чарквиани.

Очень важным был разговор, развернутый по вопросам
животноводства, материалы которого под названием «Грузия,
республика животноводства» были напечатаны в шестом но-
мере 1975 года. В работе «круглого стола» участвовали
профессора Г. Агладзе, П. Жгенти, в то время заместитель
министра сельского хозяйства Т. Джапаридзе, работавшие
тогда первыми секретарями Гурджаанского и Самтредского
райкомов партии Ш. Эцадшвили, Н. Рухадзе и первые сек-
ретари Тержольского и Абашского райкомов КП Грузии
А. Бурджанадзе и Г. Мгеладзе.

Интересным был «круглый стол», материалы которого
увидели свет под названием «Внимание — врач!». В работе
этого «круглого стола» приняли участие профессор Константин
Вирсаладзе, Бидзина Нанеишвили, Дмитрий Гургенидзе,
доцент Тенгиз Месхи, Джангир Мамаладзе и начальник ап-
течного управления Гурам Хантадзе.

С большим вниманием ознакомился читатель с материа-
лами «круглого стола», напечатанными под заголовком «Суд —
храм законности». В его работе участвовали тогдашний
Прокурор республики Лери Талаквандзе и министр юстиции
Александр Шушанашвили.

Читатель с интересом воспринял материалы «круглого
стола» под названием «Будет ли у нас второе солнце».
Участниками этого «круглого стола» были академики Евгений
Харадзе и Вахтанг Гомелаури, профессора Джумбер Ломи-
надзе и Нодар Цинцадзе, доцент Николай Полиевтков-Ни-
коладзе.

Назову лишь наименования нескольких «круглых столов»:
«Табак — враг человечества», «Куда идет грузинская эс-
традная музыка», «Автомобиль — друг, автомобиль — враг»,
«Грузинская скульптура, пути и тенденции ее развития»,
«Театр — проблемы», «Завтрашний день грузинского кино»,
«Будем действовать энергично и обдуманно».

Значительной была беседа, которую «Гантиади» организовал совместно с «Литературной газетой» при участии тогдашнего первого секретаря Гурджаанского райкома партии Шота Эцадшвили, Виталия Коротича, Джансуга Чарквиани и Эдуарда Елигулашвили.

Из публицистических статей в первую очередь хочу вспомнить «Беречь землю, нашу кормилицу» профессора Нико Иашвили, «Ты, виноградник мой» Чабуа Амирэджиби, «Уж если соблазнился» Георгия Санадирадзе, «Едины мысль и дело» Гиви Тевзадзе, «Говорят герои пятилетки» Георгия Санадирадзе. Эти два последних очерка посвящены знатным в нашей республике людям — Борису Вашакидзе, Арсену Кобаидзе, Маквале Папаскуа, Владимиру Асатиани, Кетеван Гогитидзе, Георгию Курганидзе, Владимиру Метрели.

За последний период «Гантиади» предстал перед читателями с очень проблемной и интересной публицистикой. В первую очередь это диалог корреспондента «Гантиади» и первого секретаря Махарадзевского райкома партии Демура Двалишвили. Это и статья работавшего тогда первым секретарем ЦК комсомола республики Жюли Шартава «Награда всех поколений», а также диалог корреспондента альманаха с председателем Госкомсельхозтехники Грузинской ССР Давидом Саришвили.

Успехам пятилетки, людям пятилетки, проблемам и наиболее важным вопросам посвящено и много книг. Издательство «Мерани» под рубриками «Десятая пятилетка», «Ритм десятой пятилетки», «Грузинские писатели в ногу с пятилеткой» выпустило восемь книг. В их числе в первую очередь надо выделить «Страну зеленой зимы» Реваза Джапаридзе. Это великолепная документальная книга о проблемах осуществления и освоения Колхидской низменности, о прошлом, настоящем и будущем Колхиды — этого прекраснейшего уголка Грузии. Книга — настоящий образец того, с какой глубиной, серьезностью, профессиональным знанием вопроса и использованием изобразительных средств современной журналистики должны быть освещены проблемы сегодняшней жизни.

На таком же высоком уровне написан обширный очерк Реваза Джапаридзе «Аресская роща», посвященный жизни горного региона Грузии — Рачи. Эти книги, как я думаю, одни из самых лучших в публицистике последних лет.

Из изданных «Мерани» книг следует перечислить «Трудовую славу», «Большой виноградник Гурджаани», «Лиса Фенен и зеленый покров», «Мысль, за тобою проследил я», «Блюминг и огород», «Магистраль века», «Победившая Тержола».

Авторами этих книг и отдельных отрывков являются Григол Абашидзе, Джансуг Чарквиани, Георгий Натрошвили, Чабуа Амирэджиби, Ладо Мрелашвили, Давид Квициани, Ладо Сулаберидзе, Карло Коберидзе, Темур Абулашвили, Заза Вацелашвили, Реваз Мишвеладзе, Сосо Сигуа, Энвер Нижарадзе, Георгий Санадирадзе, Нугзар Церетели, Шалва Амису-

лашвили, Нодар Цулейскири, Георгий Хоргуашвили, Темгиз Гоголадзе, Автандил Курашвили, Степане Мхаргрдзели, Чиапа Гвинепадзе, Гиви Гогичаишвили, Вахтанг Горганели и другие.

Естественно, большинство этих очерков публиковалось сначала в периодической прессе.

Отдельной книгой выпускает издательство «Сабчота Сакартвело» очерки Амираана Абшилава.

С удовольствием хочу отметить, что Амираан Абшилава в новом для него жанре добился замечательных успехов. С первого же своего очерка он предстал перед читателем как опытный, профессиональный публицист. Следует подчеркнуть, что тематика его многобразна. Все статьи писателя написаны очень добротнo, с глубоким знанием вопросов. Считаю необходимым напомнить несколько важных его статей. Это «Дилемма Колхиды», «Время воспоминаний», «Талант, воля, интеллект», «Бичвинта... проблемы», «Обслуживание... парадоксы» и многие другие.

Издательство «Сабчота Сакартвело» охотно берет на себя издание опубликованных в прессе публицистических статей, но это не является его главным курсом. Соответствующие редакции заказывают писателям и издают совершенно новые произведения. Так появились книги «Колокола Гареджи» (авторы Медея Кахидзе, Георгий Санадирадзе и Заза Бацелашвили), «Зеленый горизонт» (Валериан Сулакаури), «И дороги зацветут» (Шота Ходашнели), «Зеленые холмы моря» (Зураб Кухианидзе), «Там, у золотистого горизонта» (Георгий Санадирадзе). Эта последняя книга, написанная по заказу издательства, касается дружбы трудящихся Тержольского района и их коллег из Атбасарского района Казахстана. А дружба эта родилась после выхода книги Л. И. Брежнева «Целина». Очерк был встречен с большим одобрением. Он уже выходит на русском языке, а потом выйдет и на казахском.

Совсем недавно Кутаисский филиал издательства «Сабчота Сакартвело» выпустил сборник очерков «Дорога идет к солнцу», посвященных передовым людям нашей республики.

Для того чтобы еще нагляднее стало участие наших писателей в сфере публицистики и очерка, сказанное выше дополним теми очерками и статьями, которые были опубликованы другими журналами и газетами республики, а также теми радио- и телепередачами, сценарии и тексты которых принадлежат нашим писателям. Например, поскольку мы обозревали публицистику, опубликованную на страницах литературных журналов и газет и в «Комунисти», то ничего не сказали о прекрасном очерке Марики Бараташвили, напечатанном в «Сакартвелос кали», и об очень острой статье Серги Чилая «Сотворение правды», опубликованной 31 октября 1980 года в газете «Тбилиси». Можно привести много примеров.

Как, вероятно, уже заметил читатель, моя статья в основном сложилась под позитивным знаком, и сделано это совершенно сознательно. Мы ставили целью подвести итог нашей писательской пятилетки в сфере публицистики и очерка. Надо было определить позиции грузинских писателей, их

вклад и заслуги. Этот ретроспективный обзор, как я думаю, наглядно показал, что грузинские писатели энергично и творчески поддерживали партийное руководство и правительство республики, наших славных трудящихся, интеллигенцию, молодежь.

Все это совершенно естественно, поскольку писатели, находясь на службе народной, выполняли свой гражданский долг — были выразителями дум, переживаний и радостей своего народа.

Но это вовсе не означает, что все очерки были написаны на одном уровне. И если мы проследим рассматриваемые очерки или публицистические статьи с точки зрения их литературных достоинств, то станем свидетелями крайне сложного интегрального ряда. Ради будущего мы обязаны серьезно думать о профессиональном уровне этих литературных жанров. Разумеется, это замечание не относится к тем грузинским писателям, в творчестве которых журналистика занимает значительное и достойное место.

Мои замечания будут носить общий характер не потому, что я не решаюсь сделать конкретные замечания — все они в большей или меньшей степени касаются всех нас, — но меня больше занимают общие вопросы жанра, нежели критика отдельных произведений.

К сожалению, вокруг определения жанровых особенностей художественного очерка, публицистической статьи продолжают споры.

Естественно, очерк, написанный поэтом, бывает поэтичным, а прозаиком создан по законам прозы, но я усматриваю в этом порок. И очерк, и публицистическая статья должны создаваться собственным языком и средствами. Они раз и навсегда должны выкристаллизоваться как самостоятельный жанр, имеющий свою литературную структуру, экспрессию, изобразительные средства и ритм.

Часто блестяще написанный очерк или публицистическая статья могут жить всего лишь несколько дней или в лучшем случае несколько месяцев. Что поделать, такая участь у этого литературного жанра, но зато они способны максимально «сработать» — донести свой замысел до читателя, до всего народа, выявить определенные позиции. Очерк или публицистическая статья по сути своей конкретны, а талант и умение писателя заключаются в том, чтобы суметь воспринять и почувствовать эту конкретность и дать ее ощутить читателю, причем воспринять не только факт, но и настроение. Нелепо предлагать рецепты, как именно должен писатель добиться такого счастливого сочетания, — это индивидуальное и интуитивное свойство каждого художника. Главное же одно — создавая очерк или публицистическую статью, писатель должен ясно представлять и ощущать те особенности, какими этот жанр отличается от других жанров литературы.

Вторым качеством очерка, репортажа или вообще современной писательской журналистики является ритм. Я уже сказал, что, возможно, блестящие образцы журналистическо-публицистических произведений устареют за несколько месяцев.

Более того, может быть то, что нам так понравилось сегодня, завтра уже покажется неинтересным из-за быстрой смены событий и явлений. Вот почему ритм и экспрессивность обязательны для этого жанра. Это нужно для того, чтобы произведение, написанное для сегодняшнего дня, сегодня же было прочитано.

Мы уже сказали, что очерк и публицистическая статья конкретны. А раз конкретны, то они требуют глубокого знания вопроса, самой жизни. И в очерке, и в публицистической статье, так же как и в других жанрах журналистики, будь то репортаж, зарисовка, диалог, интервью или «круглый стол», на первый план выдвигается проблема. Все художественные приемы должны служить раскрытию этой проблемы и донесению ее до читателя, все излишние сравнения, описания картин природы как самоцель, образы или различные лирические отступления, которые сбивают, снижают ритм, все, что сглаживает остроту проблемы, является лишь балластом. Хочу напомнить одно положение знаменитого архитектора Райта: самолету не нужно ни одно лишнее украшение. Он сам и все в нем рассчитано так, чтобы летать как можно надежнее и быстрее. Точно так и в архитектуре. Я бы добавил, что то же самое — и в литературе, тем более в таком конкретном жанре, как публицистика.

Творя в этом жанре, писатель должен обладать верным инструментом — тонко прочувствованным языком. Современный очерк или публицистическая статья большей частью посвящается сегодняшнему дню, нынешней повседневности. Поэтому и язык такого произведения, и его строй и изобразительные средства должны быть сегодняшними.

Писателю следует ощущать ту грань, то особое чувство меры, когда достигнут максимум того, что необходимо сказать читателю. Он должен чувствовать, в какое время надо прекратить разговор о проблеме, поскольку наступает момент, когда пропаганда вопроса, пусть глубокая и высокопрофессиональная, вызывает обратную реакцию.

Писатель обязан взвешивать каждое слово, чтобы, хваля или критикуя, правильно положить гирю на чашу весов.

Наверное, нужно родиться под счастливой звездой, чтобы обладать всеми этими способностями, а, как известно, под счастливой звездой родиться дано очень немногим.

Но это вовсе не означает, что мы не должны быть строги и требовательны к литературе публицистического жанра. Нам следует стремиться поднять ее на еще большую высоту, чтобы она была достойна уровня всей грузинской литературы.

Заканчивая свою статью, я, наверное, выражу мнение грузинских писателей, что мы, как всегда, и впредь будем тесно связаны с нашим народом и нашей партией. Потому что дело партии и дело писателей — это одно общее дело.

ТВОРЧЕСКИЙ ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

О КНИГЕ «ДЕЛЕГАТ ПРИШЕЛ НА СЪЕЗД»

Во многом необычная эта книга, в которой коммунисты делятся опытом и рекомендациями, родилась в дни работы XXVI съезда Компартии Грузии, проходившего с 22 по 24 января 1981 года. Плод коллективного труда множества людей, она являет собой итог большой, напряженной, целенаправленной и глубоко продуманной деятельности не только партийных работников, но и представителей самых разных профессий и видов приложения сил и знаний человека, лучшие из которых, выдвинутые делегатами, пришли со своими мыслями и соображениями на очередной высший партийный форум республики.

Отсюда и название сборника — «Делегат пришел на съезд», написанного и выпущенного в рекордно короткий срок (между XXVI съездом КПГ и XXVI съездом КПСС) издательством ЦК КП Грузии на русском языке в комплекте с фотоальбомом и радиорепортажем на двух грампластинках.

Это — коллективный репортаж работников прессы с заседаний пятнадцати рабочих групп, рассказы о которых своего рода главы с предпосланными им соответствующими выдержками из Отчетного доклада ЦК КП Грузии XXVI съезду Компартии республики, выявляющие самую суть работы каждой из них. Все названия этих разделов, естественно, привести здесь невозможно, поэтому упомяну хотя бы некоторые: «Начало всех начал», «Компетентность — черта профессиональная», «Главный резерв — заинтересованность», «Хозяйским глазом» и другие, способные, хотя бы отчасти, дать представление о характере и направленности обсуждавшихся вопросов.

Книгу открывает статья «Поиски и находки» с подзаголовком «Вместо предисловия», вводящая читателя в курс дела, знакомящая с характером и значением такой новой формы, как рабочая группа.

Включен в коллективный репортаж и отчет о работе комиссии по реагированию на письма и заявления в адрес съезда, озаглавленный «Внимание: человек!», достаточно ясно формулирующий смысл деятельности названной комиссии.

И наконец, завершающее все издание «Интервью с будущим!», в котором молодые, олицетворяющие его, говорят сами о себе и тем логически резюмируют разговор, устремленный в будущее. В выноске к интервью прямо сказано, что пока мы не можем подвести черту под все, о чем говорилось в ходе съезда, ибо «работа только начинается».

Судя по богатому и многообразному материалу, представленному в книге, фундамент под нее подводился исподволь и она имела своих «предшественников» в виде датированных нынешним годом сборников, названия которых говорят об их содержании, что видно по кратким аннотациям, помещенным под рубрикой «Новые книги». Сконцентрированная

в них информация позволила делегату, пришедшему на свой партийный форум, быть настолько сориентированным и осведомленным в нужных аспектах, чтобы достаточно компетентно разбираться в рассматриваемых на съезде вопросах.

И это не замедлило сказаться на атмосфере высокой активности, коллективного творчества, в которой проходили съезд и заседания созданных на нем рабочих групп, выработавших рекомендации по наиболее актуальным проблемам дальнейшего экономического и социального развития нашей республики, совершенствованию организаторской и политической работы Компартии Грузии, повышению уровня партийного руководства ее хозяйственным и культурным строительством.

Из всего высказанного на заседаниях групп многочисленный авторский коллектив книги извлек, если позволительно так выразиться, квинтэссенцию суждений их участников, изложенных ими в сугубо реалистическом плане, под критическим углом зрения. Такой деловой, разумный подход к делу, безусловно, будет способствовать улучшению всей нашей народнохозяйственной системы, росту благосостояния населения.

Как вытекает из коллективного репортажа, делегаты, подводя в рабочих группах съезда итоги сделанному, своими конкретными разработками помогли наметить научно обоснованную перспективу на ближайшее будущее в рамках одиннадцатой пятилетки и вплоть до девяностого года. А это значит, творческий поиск продолжается...

Да и сама книга «Делегат пришел на съезд», так же как и примененная на нем, доселе не используемая, но полностью себя оправдавшая форма работы делегатов в рабочих группах, систематизированных по кругу вопросов, охвативших по существу все главные сферы народнохозяйственной жизни республики, несомненно, результат творческого поиска, плоды которого, налицо.

При всем разнообразии «почерков», творческих индивидуальностей большого количества людей, подготовивших репортаж, богатстве форм подачи материалов, он, благодаря изобретательности всех создателей этого коллективного труда, начиная с редакторов и составителей, кончая теми, кто смакетировал и художественно оформил его, решен в едином ключе, сконцентрирован вокруг основного смыслового стержня, чему способствует умело поданное весьма серьезное и важное содержание, в силу чего книга читается с живым интересом.

Тон доверительной беседы с читателем обо всех близких ему явлениях и проблемах вызывает ответную реакцию активного отношения к ним.

Кроме того, это еще и очень полезное пособие, имеющее не только познавательную ценность, но и представляющее собой свод жизненно необходимых сведений. Образно говоря, это родник, из которого черпай и черпай...

И потому, надо полагать, оно достойно стать настольной книгой не только партийных и советских работников, а также журналистов, но и всех, кому дороги интересы родного края, кого заботит его завтрашний день.

Книга демонстрирует высокий профессионализм, мастерство, оперативность, творческий взлет наших журналистов, партийных публицистов, полиграфических работников, их большие потенциальные возможности.

Вдохновленные творческой атмосферой, господствовавшей на съезде, на заседаниях его рабочих групп, они трудились с подъемом, выразившемся в реализации всех их знаний, умения, творческого потенциала.

И вот перед нами объемистый (267 стр.) томик квадратного формата, на прекрасной бумаге, который приятно взять в руки, полистать, насладиться высокой культурой, вкусом, современностью исполнения. Так и хочется назвать его эталоном по всем параметрам — от содержания до формы.

Мысли, соображения, наметки и предложения делегатов — участников рабочих групп — переданы журналистами по принципу «чтобы словам было тесно, а мыслям свободно». И все это во множестве жанровых проявлений. Единый репортаж вобрал в себя и беседу, и диалог, и корреспонденцию, и отчет, и фельетон, и письмо делегата, и штрихи к его портрету, и этюды о нем...

Богатство рубрик, под которыми классифицируются многообразные фактические данные и сведения в сочетании с точно сформулированными выносками и подзаголовками служат выявлению основной мысли, устремленной в будущее.

«...Надо идти вперед, надо смотреть вперед, надо принести на съезд продуманный и внимательно общим трудом, общими усилиями всех членов партии **переработанный практический опыт** хозяйственного строительства».

Эти ленинские слова, произнесенные словно сегодня и поставленные в один из эпиграфов книги, проходят по ней основным лейтмотивом, с которым смыкается высказывание Л. И. Брежнева, также являющееся эпиграфом, о том, что «важнейшее условие успеха партии и руководства заключается в **ленинском стиле работы**».

Именно этот стиль определил деловой, творческий, конструктивный характер работы съезда, составной частью которой и явились рабочие группы. Самое ценное в их деятельности, по мнению члена бюро, зав. отделом оргпартрabоты ЦК КП Грузии С. Хабеишвили, в том, что их участники обогащены знаниями, более глубокими, чем до съезда, пониманием сути тех задач, которые партийной организации республики предстоит решать в восьмидесятые годы.

Вот почему, наверное, и возникло у участников одной из рабочих групп — писателя — желание написать о тех людях, с которыми он здесь встретился. Но не так, как писал раньше. Тут; — признается он, — нужны другие слова.

Очевидно, так думают и чувствуют также другие наши писатели. А потому и для них, и для прототипов героев их будущих книг, как и для всех нас, после недавно прошедшего форума коммунистов Грузии и исторического XXVI съезда КПСС творческий поиск во всех без исключения сферах деятельности, без которого уже немыслима наша сегодняшняя жизнь, продолжается...

Л. ДОЛИДЗЕ.

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

* * *

Как фильтры — друг над другом
нагромоздились годы,
и мутною рекой сквозь них сквозит житье.
Не понимаю:
как я пережил невзгоды,
как выдержало сердце ранимое мое?

И это — столько лет!
Ну кто же пожелает
покинуть этот мир, не задержаться в нем?
Меня же каждый год чуть не дотла сжигает,
и что ни день — он жжет гееновым огнем.

Я — в дантовых кругах,
мне кажется, скитаюсь,
и явственно меня замкнуло их кольцо,
и очень редко
(так, что даже — сомневаюсь!),
но озаряет свет порой мое лицо!

И верю: потому я позабыть не в силах
тех истинных людей на тягостном пути,
тех редких на веку
(но потому — и милых!),
кто руку протянул,
кто мне помог идти.

Я столько испытал,
что кажется порой мне:
венцом моих обид,
волненья моего
со мной,

в моем доме,
живет Кавкасион,
я на́ день сотни раз перехожу его!

Я не ропщу —
о, нет!

Уже привычна трасса
житейского пути...

Но, горы, я готов:

замкните вы меня объятьем мощным барса
перед лицом моих пережитых годов.

ХОЧУ ПОЧУВСТВОВАТЬ ВЕЧНОСТЬ

В тумане ты возникла предо мной —
как ангел голубела и алела,
и ниспадали волосы волной
на красоту невянущего тела.

Хочу кружить у ног твоих, как пес,
и — соловьем — владеть твоей душою,
вдыхать тебя,
как ароматы роз,
и — смаковать, как ягоду весною.

Пускай тебя — от головы до ног —
любви моей охватит бесконечность!

В тумане ты.
О если б только мог
в тебя я кануть —
будто кануть
в вечность!

ОКЕАН

Эрнесту Хемингуэю

Что первым я увидел в океане
и что я, во-вторых, увижу снова? —
Худая лодка.
Тяжкое дыханье.

Сант-Яго.
Ожидание улова.

Что первым я увидел в океане? —
«Судьба моя тяжелая,
спасибо!
Вот — на крючке,
почти в моем капкане, —
счастливая моя,
большая рыба!»

Но — тяжек этот груз...
И непрестанно
обломками акулу бьет бедняга,
и Атлантического океана
волна —
останки старика Сант-Яго!

Перевод Леонида ТЕМИНА.

КНИ

Ждали бархатные выси,
  в тишине сверкая немо,
Пробужденья Кутаиси —
  Имеретии Эдема.
Блик у бога в мочке уха —
  Белый мост. Заря. Риони.
Конский храп струится глухо.
  Каранадзе — в фазтоне.
Кони тонкую прохладу
  разрывают паром жарким
И танцуют по обряду
  скаковую — полушарком.
Венценосные поклоны
  дышат вежливостью бала.
В гривы — влажные бутоны
  длань хозяйская вплетала.
Каранадзе (мать честная!)
  в облаках духанам снится!
Фаэтон, как расписная
  избалованная птица.
Что ни утро — все в них ново!
  (расскажите — не солжете)
В книге города родного
  их судьба на развороте.
Пусть скрипят у биржи старой
  фаэтонщики вожжами —
Лишь его волшебной парой
  восхитятся горожане.
Всем на зависть — дело свято.
  У возниц — заря по спинам.
Жмутся следом, как цыплята,
  как цыплята за павлином.

С бесшабашностью в обнимку —
  Кутаиси в фазтоне.
Лишь сигнала, глядя в дымку,
  ждут напрягшиеся кони.

Только выдохнет хозяин,
                        соловьёно повторяя,
Понесутся до окраин,
                        сгинут, тени обгоняя.
Ой, летели в полусвете
                        с заплетенными хвостами.
Их бока не знали плети,
                        (разве ветер жег хлыстами!)
Каждый помнил звук их шага,
                        влажно-шелковые выи.
Каранадзе им во благо
                        ставил свечи восковые.
Словно ангельские птицы —
                        в ночь христову над потопом!
Что там! Стоило родиться,
                        чтоб упиться их галопом.
Или ветер тайно клялся,
                        или так, судьбе в угоду,
Только им седок являлся
                        и в ночи, и в непогоду.
Видя в их надменной силе
                        неразгаданное слово,
Фаэтонщики кружили
                        в толще города пустого.
Что случилось? Глаз недобрый?
                        Или время спохватилось?
Славных лет былая гордость
                        между пальцев просочилась.
Ржавых листьев покрывало
                        в мокрых улицах забыто.
Миновало, миновало —
                        стихли звонкие копыта.
И коням и фаэтону
                        на земле свои пределы —
Гладит старую попону
                        Каранадзе поседельй.
Кони верные устали
                        бить в зарю глухим копытом.
И в ряду едва стояли
                        заодно с возком разбитым.

А ведь не было когда-то
равных бешеным и гордым.
Были вымыслом крылаты
их лоснящиеся морды.
Ветру пьяному шарманка
покаянья не давала.
Словно веером испанка —
свадьба в гривах колдовала.
Свет невесты в фаэтоне
был разлит, и сваты свежи.
Вторая рокоту Риони,
мчались конные кортежи.
За спиной коней усталых
фаэтон ползет сутуло.
Где следы копыт удалых?
Все асфальтом затянуло.
Полмешка овса и сора —
песнь беспечная пропета.
В пелене слепого взора
влага серого рассвета.

Хоть и жаль кормильцев бывших,
но прощаться не впервые —
Службу верно отслуживших
продавали в ломовые.
Жизнь не терпит потерпевших,
а иначе — против правил.
Но коней и одряхлевших
Каранадзе не оставил.
Не продал. Ярмо позором
посчитал, перестрадавший.
И глядел спокойным взором
на судьбу в очаг погасший.
Честный хлеб и бурку в холод
как решил, делил со всеми.
С ними был богат и молод —
им служить настало время.
Как источник благодати
был под пеной чист Риони.
Со следами прежней стати
у реки вставали кони.

Им старик втирал, как мирру,
влагу нежную руками,
Кутал головы кумиров
он багдадскими платками,
На заре, вдыхая лето,
мягких грив касался свято.
И они на грань рассвета
выходили, как когда-то.
И потом топтались парой,
словно только ждали свиста.
Их глаза у биржи старой
ездокам светили чисто.
Им казалось, в людном звоне —
трет уздечка под рукою.
И домой слепые кони
шли к забвенью и покою.

Фаэтонщик правит парой,
там, где звездные чертоги.
Нет предела скачке старой
по неведомой дороге.
Что за путник в фаэтоне?
Выше — годы, слово — тише.
Спит возница. Мчатся кони.
Вот уже сердца их слышу.
Где легенда? Где могила?
Вновь у старого квартала
Жизнь вино благословило,
и трава асфальт взорвала...
Белый мост. Риони темный.
В нем на дне звезду целую.
Верной рифме полудремною
засвищу наудалую.
О, надежда — Кутаиси,
вновь душой тебя привечу.
Каранадзе в звездной выси
правит молча мне навстречу.

Перевод Владимира ЕРЕМЕНКО

Рассказы

СУМЕРКИ

Стояла ранняя весна. В тесном ущелье шумела разлившаяся река. Местами она разорила берега, и вода несла вырванные с корнем, все еще полные жизни и одетые в листву деревья. Вода перекатывалась через лежащие наискось стволы и каменные валуны. По обеим сторонам реки уже зеленел лес. Здесь было прохладно и, несмотря на осатанелый шум воды, царил приятный покой. На одном берегу лесистый склон поднимался к лысому холму. Над лесными макушками, покуда хватало глаз, цепью вились холмы. На другом берегу, за редколесьем, виднелась просторная роща и зелено колыхались нежные ростки пшеницы. Тут и там проклевывались головки фиалок. За полем виднелась вспаханная земля.

Там, на пашне, трудились три пары волов, и в воздухе стоял сочный запах развороченных пластов земли. В них извивались красными полосками черви, на которые со счастливым щебетаньем пикировала невесть откуда взявшаяся стайка птиц. Где-то вдали куковала кукушка. Несколько поодаль, в роще, возле самой кромки леса стоял белый дом, окруженный садом. В саду все еще цвели белым и розовато-голубоватым цветом деревья. На плоской кровле дома возились со своими долгими делами женщины. Дверь была распахнута. В выбеленной комнате лежал дед и глядел в отворенную дверь, как пашут землю его сыновья и внуки, сродники и соседи. Старик знал, что жить ему осталось недолго, что не дожидаться ему на

0.61
312.2
3110333

сей раз урожая, но все равно ему хотелось, чтобы все было как надо, не упустили бы чего, не испортили, и он сторожко следил за пахотой и севом. Он так ослаб, что не было сил привстать в постели, но пашня заботила его по-прежнему. В комнате было прохладно. А на дворе большое весеннее солнце калило налившуюся силой землю. В распахнутое окно виднелась ветка распутившейся сирени. Сирень цвела, и воздух был пропитан ее сладким-пресладким запахом.

Старик чувствовал, что эта весна была для него последней. Он лежал и смотрел на волов, смотрел на поле, на раскинувшийся за ним лес, где вперемежку росли и дубы и ясени. К двери подошел сын племянника, двадцатилетний юноша. Звали его Цкалобой¹. Он остановился в проеме, заслонив собой простор, что виднелся из комнаты, и, улыбаясь, окликнул старика:

— Как ты себя чувствуешь, дед?

Старик невнятно проворчал в ответ.

— Всею виной старость, а то ведь не было в округе равного тебе в удали, — повторил юноша слова, не раз слышанные от старших.

Старик ничуть не обрадовался похвале, поскольку прежнее удальество утратило для него всякий смысл. Он лежал в постели, и ему хотелось, чтобы юноша поскорее ушел, тогда бы он смог снова смотреть на поле.

Вот и перевалило за полдень. Вернулись с пашни мужчины. Волю, освободившись от ярма, паслись на лугу, лениво обмахиваясь хвостами. Вдали снова прокуковала кукушка. Тишина. Женщины, спустившись с кровли, судача, хлопотали за домом. В кастрюле варилось мясо. Мужчины стояли во дворе и степенно ждали, когда их позовут к столу. Накрыли на стол. От горячего мяса шел пар. Мужчины расселись по своим местам и, выпив поначалу водки, жадно принялись за еду.

Старик лежал в своей комнате и слышал их тосты, слышал их голоса. Голоса плыли словно бы издалека, из иного времени, из иного пространства. Словно бы все, что происходило, переместилось за пределы его

---

¹ Цкалоба — милосердие.

сознания и ощущений, и смысл происходящего ускользал от него, не поддаваясь толкованию. Старик чувствовал, как он обособился от времени, которое все так же текло для сидящих под открытым небом, утомленных работой и захмелевших от водки мужчин. Старик жил, неподвластный их времени, и ныне людские мерки уже не касались его. Из его комнаты виднелось поле и волы, а за полем уже начинался лес. Было тихо. Даже гомон подвыпивших мужчин отнюдь не нарушал покоя. Через раскрытую дверь виднелась большая и неохватная, пробудившаяся от зимней спячки земля.

Затем снова пахали землю запряженные в плуг волы, и слышались подбадривающие окрики подвыпивших мужчин. Свежевспаханная земля черным пятном обозначалась на поле. Пятно расползлось вширь, восходя все выше и выше к краю поля, к границе небосклона, туда, где полнилась голубизной мирская бездна. Все остальное вокруг оставалось неизменным, и по тому, как мужчины прервали работу на пашне и погнались к дому волов, старик догадался, что надвигаются сумерки.

Вечерело. Над лесами подернулись розовым цветом зеленые горные пастбища. Розовая нега, ластая, прокралась в белые тучи, недвижно висящие в небе. Розовато-голубоватыми стали и вершины заснеженной горы, что высилась над горными хребтами. Тень от островерхих вершин пала и на хребты, и даже снизу ощущалось, что там похолодало. Наверху дыхание весны было все еще пронзительным, а внизу держалась томительная теплынь. Солнце еще не совсем скрылось. Медленно раскачивалась у окна ветка сирени. Мужчины покончили с пахотой и теперь спокойно сидели у накрытого стола, приканчивая остатки фруктовой водки из бурдюков. Они пили и толковали. А в выбеленной комнате лежал в одиночестве старый дед и дремал.

Цкалоба, в изрядном подпитии, еще разок появился в дверях и с деланной бодростью бросил:

— Ну как ты, дед, надеюсь, молодцом?

Старик не разобрал толком, откуда шел голос, кто его звал. Он лежал навзничь и не видел двери. Пока он повернулся к ней, юноша уже ушел...

Цкалоба подошел к столу, наполнил водкой рог и, держа его в вытянутой правой руке, предложил.
— Выпьем-ка за здоровье деда, не было ему равного в былые времена...

— Пусть живет и здравствует! — подхватили собравшиеся.

— Здорово он сдал, бедняга. Видно, не жилец он на этом свете, — заметил старший сын, рослый седовласый мужчина.

— Многие ему лета! — поднял рог один из соседей. Выпили до дна. Мужчины снова расшумелись и уже едва слушали друг друга. Их руки засалились топленным маслом и жиром, лица лоснились, глаза блестели. Солнце зашло. Стемнело. Еще более притихла и без того тихая окрестность. Глава семьи выставил на стол еще один бурдюк с водкой. Цкалоба взял в руки пандури и запел:

— И молвила смерть:

Матерей и жен я многих в платье черное одела,
Многих спицы и вязанье на крючке висят без дела,
Многим ружьям из Стамбула отдыхать теперь уж вволю.
Многих кони удалые без узды пасутся в поле,
Многим пламя потушила, многим уж недолго греться,
Пусть их двери на запоре, от меня куда им деться,
От замков и от затворов знаю верное я средство...¹

Окрест стояла тишина. Уже засыпал усталый от дневных трудов счастливый мир; неоглядная ширь была недвижна словно время, когда решительно ничего не происходит, и эта песня, исполненная звенящим голосом хмельного юноши, звучала предвестницей беды.

Затем снова загомонили пьяные. Взошла луна. Цкалоба положил пандури, встал из-за стола и направился к полю. Ему приятны были одиночество и тишина. Из-за легкого дурмана, в котором он находился, мир воспринимался им необычно, с удивлением. Его непомерно радовало мирское благо, которое нынче ощущалось особенно остро. Его радовало благоухание

¹ Перевод П. Урушадзе

земли и лунный свет. Тароватая луна безрассудно расточала потоки света миру, на мгновение объята тьмой, и наполняла жизнью окрестность. Голова юноши была затуманена хмелем, и вместе с тем он чувствовал странную трезвость, позволяющую ему до чрезвычайности остро ощущать все то, что он должен был ощутить и пережить, что ему всегда, оказывается, хотелось пережить, но что в другое время было невозможно. Нынче словно бы все высветилось для него, словно бы постиг он тайну своего бытия, которую не выразить словами, поскольку слово простит теснящиеся в душе переживания. «Как прекрасен этот мир!» — подумалось ему. Это трезвое и ясное ощущение словно бы овладело им из-за странного дурмана, в котором он находился. Он стал непостижимо чутким в восприятии природы и мира и не знал, чему приписать это, опьянению или прозрению. Может, все это только наивность молодости, которой кажется своим все, что любитя! Величественные горы, оцепеневшие поля и леса, вся эта окрестность, все, что видится, каждому мнится созданным только для него, но все это чужое и только на время принадлежит человеку. Все преходяще. Это счастливое ощущение мира, породившее в душе юноши сладостное чувство сродни боли, было недолговечным. Это светлое, возвышенное бытие неизбежно сменится бытием противоположного свойства, так как, в отличие от мира, человек не вечен и потому все человеческое изменчиво и преходяще. «Ведь все равно я должен умереть», — подумалось Цкалобе. Он шагал по просторно раскинувшемуся полю, напоенному весенним благоуханием. Нынче здесь его не подстерегали опасности, но, совершенно неожиданно познавший высшее счастье, он все же не мог забыть о том, что в грядущем существует нечто скверное, жуткое, чего он решительно не мыслил себе, и все же это «нечто» портило ему доброе расположение возможностью ежеминутного появления. «Ведь все равно мне умирать!» — думал он и, несмотря на эту непреложность, нынче, в данную минуту, его не заботила эта скверна, не думалось о безжалостности природы, о ее несправедливой жестокости, он сознательно пытался забыть об этом, что ему и удалось, и он настолько был счастлив сознанием этого, что хотел

продлить до бесконечности сладчайшую минуту ^{за}бытья, минуту единения и слияния с природой. В его душе теснились ощущения противоположного свойства: счастья и его недолговечности. Он дошел до края поля, пересек редколесье. Вой разъяренной реки отрезвил его. Неистовствующая вода грозно гудела под мостом, крушила и раздирала все, билась в ярости об огромные валуны. Водяные брызги вымочили громадные округлые бревна, мостом переброшенные через реку. Здесь господствовала коварная сила, которая, ступи хоть шаг, смяла бы и изничтожила тебя целиком. Всего только один шаг отделял юношу от ^{воз-}можного конца. Он стоял на мосту и смотрел на реку. Тело его сковало холодом, витавшим над рекой, словно призрак смерти. Юноша стоял на мосту и смотрел на эту злую силу природы, которая могла поглотить без разбора все и вся, могла изничтожить и тех, кто смотрел на нее с любовью и благоговением, и тех, кто сторонился ее со страхом и почтением. Для этого нужно было сделать всего один шаг, который рано или поздно, волей-неволей, неизбежно должен быть сделан. А до этого момента людской удел — пытаться и ждать, хотя и после этого трудность свершения шага вновь встает пред человеком. Может, потому лучше осмелиться и, находясь на вершине гармонического слияния с миром, не ожидая неизбежного нарушения гармонии, не ожидая предстоящего падения с вершины наземь, в повседневность, поскольку нет ничего вечного на земле, сделать один шаг, завершающий бессмысленное ожидание, шаг, который в сладком сне перенесет тебя туда, куда ты рано или поздно должен будешь перейти. Для этого нужно в одну жгучую минуту пережить беду и преодолеть сросшийся с ней страх. А уж затем... Что, что же затем?

Кто знает, какая мысль блеснула напоследок в его сознании? Кто знает? Может, и вправду он сделал этот решающий шаг? Может, в тумане зыбких дум нога его поскользнулась на осклизлом бревне, и только поэтому он оказался в волнах реки именно тогда, когда вовсе не хотел этого, хоть и с такой искренностью думал об этом. Кто знает, что случилось в конечную минуту, что ощутил он, о чем подумал...

На другое утро в тридцати километрах ниже по течению нашли выброшенный на берег реки побитый, изувеченный труп. Его положили на арбу и повезли в деревню... Ободранные руки покоились на груди. Разбитая о камни голова, терзаемая накануне столькими думами, колотилась о доски. За арбой шли, задумавшись, аробщики. Они курили трубки и звучно сплевывали сквозь зубы. Они знали этого юношу и жалели его.

— Что же с ним случилось? — Этот вопрос не давал им покоя всю дорогу, но ответа на него они не находили.

Ответ мог дать только Цкалоба, но его уже не было в живых. Он унес за собой в могилу тайну своей смерти, тайну, к разгадке которой так стремятся живые, но постичь которую никому не дано.

Перевод Эммы ПИВОВАРОВОЙ

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ ДЛЯ СТАРИКА

Максима в белом халате стоял за стойкой, упершись ладонями в прилавок, обитый белой надранной жестью, на котором выстроились пустые пивные кружки. Сквозь стекла широкого окна-витрины видны были прохожие и редкие машины, проезжающие мимо столовой. Старики сидели у окна.

— Потеплело, — сказал Сардион.

— Да, — ответил Георгий, — самое время, весна на носу.

— Самое время, что и говорить, — согласился Сардион.

— Так-то оно так, дружище, но все-таки, скажу я тебе, климат переменялся. Я еще помню, как здесь, в Батуми, в апреле розы начинали цвести.

— В апреле и сейчас цветут.

— Цвести-то цветут, да в феврале такой жары не случалось.

061935940
3022010033

- Это верно. Весь народ без пальто ходит.
- Вот я и говорю, изменился климат.
- Налей, выпьем по одной, — предложил Сарди-

он.

Георгий неверной рукой налил вино в стаканы и поставил на стол бутылку. С улицы вошли двое. Сардион поднял стакан, готовясь выпить. Вошедшие мужчины облокотились о стойку. Они пили пиво, о чем-то болтая с Максиме. Сардион наслаждался, что сидит в столовой, его по-детски радовала эта возможность сидеть за столом.

— За что выпьем? — спросил Сардион.

— За что? — задумался Георгий. — Не знаю. За твоих детей и внуков!

— За них только что пили. Давай за наших друзей, за всех, с кем вместе работали. Пожелаем им долгих дней жизни, а тем, кто умер, — царство небесное.

— Да будет так, — и Георгий осушил стакан.

Сардион выпил, поставил стакан и закусил.

Снаружи припекало, и тротуары с обеих сторон улицы были полны народом. Сардион глядел на улицу сквозь широкое стекло. У Георгия порозовели щеки, заблестели глаза. Вино в бутылке было до половины выпито.

— Помнишь, Сардион, как мы кутили на фаэтонах, когда ехали в Кахабери. Музыка, песни! Что за времечко было!

— Эх, мне бы сейчас прежнюю силу!

— Помнишь, как Эстатэ вывалился из фаэтона, а мы даже не заметили.

— Как не помнить! Где наш ум был тогда?! Снегу еще в тот год навалило... Я тогда в доме Шпалянского квартировал...

— А снег какой был! Поезда не ходили. До двух саженей нанесло...

— Не в тот год это было, когда пропали гимназисты, что шли из Кутаиси в Риони, их потом весной обнаружили, когда снег сошел?

— Вот это снег был! Где сейчас найдешь такой снег?!

— Да, снегу было изрядно.

— В каком году это случилось, не помнишь, в девятьсот двенадцатом или десятом?

— В десятом, как сейчас помню, в десятом.

— Да, в десятом, я тоже помню, что в десятом.

— В десятом, в десятом. Моему старшему, Валико, три годика исполнилось.

— Разве ты тогда семейным был?

— А как же! Валико три годика было.

— Неужто Валико столько лет?

— Седьмого года. У него сын уже в женихах ходит.

— Как летит время! А какой красивый малыш был Валико.

— Состарились мы, Георгий, состарились. Как пошел на пенсию — конченный ты человек.

— Что ты, кацо, у тебя же дети. Имей я детей...

Сардион вдруг почувствовал, что он очень счастливый человек.

— Правда, счастье не обошло меня, хорошие дети вышли.

Георгий отвернулся к улице. В пивной стояла тишина. Максиме празднично сидел за стойкой. Потом вошли еще двое мужчин и устроились в углу, рядом с пивными бочками, на которых стояли ящики, набитые порожними бутылками. Эти двое оглянулись на Максиме.

— Чего изволите? — не вставая, спросил их Максиме.

— Подите-ка сюда.

Максиме вышел из-за стойки.

— Максиме, не откажись выпить с нами, — остановил его Сардион.

— Не могу, вами клянусь, не могу, — положив руку на сердце, покачал головой толстый буфетчик.

Георгий по-прежнему смотрел на улицу. Наблюдал за проходящими, иногда отводя взгляд и оглядываясь туда, где сидели двое мужчин, около которых по-медвежьки суеился Максиме. Потом снова оборачивался к улице, а Сардион наслаждался пребыванием в столовой, прохладой и тишиной, царившими здесь.

— Э, что ты все на улицу смотришь, не надоело?

— Состарился я, — глухо сказал Георгий, — смолоду надо было за ум браться...

— Кто в молодости умом богат? — махнул рукой Сардион. — Вот у меня один из внуков, девятнадцать ему, дылде, стукнуло, так прошлой весной в Сочи, видите ли, отправился отдыхать, словно в Батуми моря не стало. Что он, спрашивается, оставил в Сочи? Только денежки на ветер пустил. Родители сами портят детей.

— В наше время думать о таком не могли. Какой там отдых, какие Сочи?..

— В наше время и не знали, где эта Сочи находится, дорогой, откуда было знать!

— Верно, кацо! Кроме тяпки ни о чем не знал бедняк. Сейчас двери институтов перед каждым открыты. Сейчас куда ни кинь взгляд, все врач да инженер, а все из мужиков.

— Кто бы раньше принял крестьянина в институт?!

— Изменилась жизнь, изменилась, хорошее время настало, народ в Москву запросто, словно в Зестафони, едет.

— Войны бы не случилось, а так ничего не страшно, все хорошо.

— Не приведи господь...

Георгий снова наполнил стаканы. Максиме суетился за стойкой. Солнце переходило на эту сторону. Сардион поднял стакан.

— За что этот выпьем? — спросил он Георгия.

— Этот? — снова задумался Георгий. — Давай за твоих детей и внуков.

— За них же пили, только что пили.

— Когда? Перед этим за друзей пили.

— Правда? Да... А мне казалось, что пили.

— Нет, не пили.

— Ну, давай выпьем.

— Давай.

— За здоровье Валико с супругой и детьми, за Эленэ, за ее мужа и детей, за Нико и Тамару с семьями...

— Дай бог им всего наилучшего...

Сардион медленно осушил стакан. За ним выпил Георгий.

— Уф, — фыркнул Сардион и взял ломтик сыру, — всего-то два стаканчика выпили, а как в голову ударило. Больше не осилю.

— И мне не осилить, — сказал Георгий.

— Валико и по сей день может выпить — дай бог каждому, и Нико, и Ясон, Тамарин муж, и внук, знаешь, сколько могут выпить?

— Знаю, кого хочешь посади с ними за стол — любого за пояс заткнут.

— Еще бы! Здорово могут выпить. И сам Валико — кремень. Стоит только в глаза посмотреть.

— Волевого человека по глазам видно.

— Воистину так, дорогой!

— Счастливый ты человек, Сардион, хороших детей вырастил.

Сардион расправил ладонью усы и промолчал. Георгий снова отвернулся к улице. Один из прохожих вошел в закусочную, выпил пива и вышел, было, однако в дверях замешкался, вернулся, купил у Максиме папирос и ушел совсем.

— Как дела, Максиме? — крикнул Сардион Максиме, словно впервые увидел его сегодня.

— Сам видишь, — с улыбкой ответил Максиме.

— Всего тебе наилучшего, — пожелал Сардион.

Теперь и он стал смотреть на улицу. Солнце потихоньку перебралось на эту сторону, и та половина улицы была в тени. Там шла женщина с полной авоськой, видимо с базара. Она шла, останавливаясь у витрин, разглядывая выставленный товар. «Интересно, что сегодня принесла с базара Эленэ, — подумал Сардион и пожалел, что не пошел на базар сам, — что она приготовит на обед? Хотя какой сегодня базар!.. Завтра — воскресенье. Вот завтра будет настоящая торговля. Никак нельзя пропустить. Мясо, говорят, подешевело». В сторону порта проехала машина.

Георгий повернулся к нему.

— Знаешь, что мне иногда кажется?

— Что? — оторвался от своих мыслей Сардион.

— Жизнь — это дорога. Мы, старики, ковыляем по обочине. На дороге все меняется, спешат люди, проносятся автомобили, а мы жмемся к кромке и со стороны следим за этим движением. Ни к чему-то мы не пригодны уже. У народа и минуты свободной нет, днем и ночью трудятся, коммунизм строят, а мы стоим сложа руки.

— Эх... Стороной обходит нас жизнь, — вздыхает Сардион.

— Молодые не дорожат здоровьем. Потом спохватываются, да поздно. Но так, мой Сардион, устроена эта жизнь, человек не ценит того, что имеет, и, только потеряв, познает истинную цену, да уже поздно бывает.

— Тогда поздно, — соглашается Сардион. — Знаешь, что мой внук говорит? Что такое семья, кому нужна семья, вот окончу институт — он геолог — на полюс поеду работать. Я ему пытаюсь втолковать: окончишь, первым долгом семьей обзаведись, а он что отвечает, знаешь? — Какая там семья? Мы, грузины, только усложняем жизнь своими традициями и лишаем себя множества удовольствий. Твои правила, дедуля, устарели. Зачем мне семья, если я ничего на свете не увижу.

— Скажи на милость, что ему понадобилось на полюсе?

— Откуда мне знать, что он там потерял? Не посылают тебя, блаженной, говорю, вот и сиди дома. Да зуд у него такой, обязательно укатит. Что семья, причем семья?!

— Пока еще не дано ему понять, что такое семья, вот и болтает пустое.

— А что ему на полюсе делать? Жил бы дома, мирно, спокойно, со своими, разве не лучше?

— Ему кажется, если поедет на полюс, что-то особенное для страны сделает, одного не поймет, что только здоровье понапрасну угробит. Разве там такие нужны?...

— Ребенок еще, вот и не понимает, с наше проживет — спохватится.

— Тогда поздно будет, мой Сардион, поздно.

— Да, тогда не воротишь...

Старики снова замолчали. На противоположной стороне улицы, около углового дома, первый этаж которого был занят под склад скобяного магазина, остановился грузовик, и грузчики в синих халатах принялись выгружать из кузова новенькие никелированные кровати. Потом Максиме с помощью молодого парня вкатил пивную бочку и, постучав молотком, вышиб деревянную затчку. Двое мужчин, сидевших в углу, пили вино. Сардиону стало душно.

— Пройдемся по улице, Георгий, или еще посидим?

— Как хочешь, можем и посидеть.

— Пройдемся немного... По набережной погуляем.

— Как хочешь. Благодатная нынче погода. Тепло.

Сардион не торопясь поднялся и направился к Максиму расплачиваться. Встал и Георгий. Взял палку, прислоненную к стулу, надел шляпу. Невысок, од был еле-еле доставал до плеча Сардиону. Сардион взял его под руку, и они вышли на улицу. Оба были одеты тепло, оба в шляпах. А день выдался теплый, солнечный. Но в тени было еще прохладно.

— К морю пойдем? — спросил Сардион.

— Пойдем, подышим воздухом. — Георгий взглянул на часы, которые были пристегнуты булавкой к нагрудному карману. — Времени еще немало. Погуляем до обеда.

Они медленно, взявшись под руки, шли по улице в сторону порта. Над танкерами и траулерами с криком вились чайки. Подъемные краны скрипели на ходу. Далеко в море на рейде стоял корабль. Что-то отрадное было в этом корабле.

— Э, видишь парход? — показал Сардион Георгию. — Вон там, в море.

— Как не вижу!

— Иностранный, — определил Сардион, — на рейде стоит.

Старики шли по набережной, вдоль моря, а корабль действительно был иностранный, в такую погоду только иностранные корабли останавливаются на рейде. Некоторые из них были длинные, с низкой посадкой и короткими трубами, у других, напротив, трубы были высоко подняты. Помимо этого, корабли вообще не были похожи друг на друга ни размерами, ни окраской, ни какими другими признаками, но все они приплыли издалека, из других стран, выдержав по пути множество бурь и штормов, а теперь спокойно стояли на рейде и ждали разрешения войти в порт. Море было спокойное, доброе, и старикам было приятно смотреть на корабли, выстроившиеся на рейде. Темный дым клубился над ними, временами гудок прорезывал воздух. Здесь было спокойно. Опасность не угрожала кораблям. Старики, подобно этим кораблям, отдыхающим сейчас в порту, дожили до нынешнего дня.

— Эх, состарились мы, Георгий, теперь нам только покой нужен, изнасились мы, — вздохнул Сардион.

— Состарились, брат, состарились.

16 03 57 04 0
010-1110333

Постукивая палками по асфальту, старики вышли к скверу.

Стоило выдаться солнечному дню, как здесь на скамейках, у самого моря собирались тепло одетые старики. Изредка, когда прояснялось совсем, можно было видеть фиолетовые горы, на которых лежал снег. Белые облака над горами на ясном небе казались продолжением вершин. Старики сидели и смотрели на ясный горизонт.

Стоял теплый зимний день, и море вспыхивало и переливалось на солнце. Поверхность его была гладкой, ровной и почти твердой. Около берега летали морские чирки, садясь на воду и снова взлетая. Когда утки садились на воду, можно было подумать, что море — сплошная ровная гладь. Старикам было приятно смотреть на воду, они любили спокойное море. Часами просиживали они, тепло одетые, и любовались морем. Иногда трудно было поверить, что столько синевы, столько безграничного пространства было только водой и ничем больше.

Сардион и Георгий вошли в сквер. После вчерашнего дождя земля была холодной и влажной. Желтые ветви акаций поникли до земли. Навстречу по аллее шла женщина с маленькой девочкой. Когда они поравнялись, Сардион наклонился и дотронулся до ребенка.

— Как тебя зовут, внучка? — спросил он.

— Нани, — застенчиво ответила девочка.

— Расти, внучка, расти! — благословил Сардион.

Мать счастливыми глазами взглянула на стариков. А те пошли дальше.

Сардион очень любил детей, причем девочек гораздо больше, чем мальчишек. Когда он смотрел на них, ему вспоминалось что-то из молодости, сладкое, неясное, отчего на душе становилось радостно. Сардион не знал, что это такое. Он даже не осознавал, что это было именно так. Но всякий раз он испытывал это чувство.

— Настоящая весна сегодня. Потеплело-то как, а? — сказал Георгий.

— Да, — согласился Сардион.

Сейчас они стояли у самой кромки моря. Оно отливало смутной белизной и чуть слышно шуршало о гальку. Неподалеку от них на разостланном пальто сидели юноша и девушка. Сардион покосился в их сторону.

Парень, обняв девушку и прижав ее к себе, что-то долго нашептывал ей на ухо. Оба были очень красивы. Рядом с ними сидел третий — курчавый парень, который нарочито равнодушно разглядывал море, словно не замечая поведения своего приятеля. Дети бросали в воду камешки. Георгий обвел взглядом пустой пляж.

— Видел, как он ее облапил? — сказал Сардион. — Кто в наше время решился бы на такое? Помню, купил я однажды в магазине Сабанеева серебряные ложки, жене на день рождения собирался подарить. Так, веришь ли, постеснялся домой принести, не то чтобы поступать так на виду у всех.

— Тогда одно время было, мой Сардион, теперь другое.

— Другое, это уж точно...

Сардион вспомнил покойную супругу. Он часто вспоминал о ней. Раньше все больше помнил мать, отца, братьев, сестер, друзей, они так и остались где-то в давних воспоминаниях, а к старости все чаще приходила память о жене. Иногда всплывали в памяти женщины, которых знал в молодости, которых встречал на жизненном пути, но такие воспоминания посещали его редко, и почему-то вспоминались не отрадные мгновенья, проведенные с ними, а просто лица.

Приятно было стоять на солнцепеке, у самого моря. Они долго стояли так, наслаждаясь красотой, которая и раньше не раз успокаивала и умиротворяла их.

— Как бы к обеду не опоздать, жена будет беспокоиться, если задержусь, — сказал Георгий.

— А, обед, — очнулся Сардион.

— Без меня не сядет за стол, поэтому и не хочу опаздывать.

— Обедать надо вовремя.

Георгий вытащил старинные часы, щелкнул крышкой, посмотрел на циферблат и бережно опустил в карман.

— Сколько? — спросил Сардион.

— Уже четыре.

— У-у, как время пролетело. Пока до дому дотащимся, самое время обедать.

— Да, тронемся потихоньку, посвежело что-то.

— Да, посвежело. Что ни говори, никуда не денешься — февраль.

Они, по-прежнему под руку, медленно вышли из сквера. Палка Георгия монотонно стучала по асфальту. Хмель прошел, и теперь оба чувствовали усталость.

— Завтра будет хороший базар.

— Завтра же воскресенье, да?

— Воскресенье. Всего навезут.

— Мясо подешевело. Мне жена говорила, что подешевело, я-то сегодня не ходил на базар.

— Да, говорят, подешевело, я тоже не был.

— Хороший кусок она достала, с полкило. Дешевле пареной репы.

— Полкило вам за глаза хватит.

— Конечно, хватит. Не только хватит, еще и останется. Много ли нам надо? Когда жена на первое мясо готовит, нам и назавтра хватает.

— Зачем вам больше, вас же двое.

— Моей пенсии на еду вот так хватает. Мне же еще за сына приплачивают. Он же у меня на войне погиб.

— Знаю.

— Если бы семья хоть у него осталась, мне бы легче было.

Георгий опустил голову. Сардион помолчал, в знак уважения к его горю. Он молча оглядывал прохожих — все больше чужие, незнакомые лица. Раньше, стоило выйти, всех знал.

Молчание нарушил Георгий:

— Эх, Сардион, нам-то что, лишь бы войны не было.

— Не дай бог, — ответил Сардион.

Они дошли до угла и остановились, надо было расставаться. Георгий переложил палку в левую руку, а правую протянул Сардиону.

— Всего тебе хорошего, мой Сардион.

— Завтра же будешь на базаре?

— А как же, дорогой! Завтра воскресенье, могу ли я пропустить.

— Там и увидимся, я тоже приду.

— Будь здоров, мой Сардион, будь здоров!

Сардион продолжил путь один. С моря тянуло прохладой. Сардион радовался, что идет домой. Потом он весь вечер думал о завтрашнем дне, ведь завтра — воскресенье, разве мыслимо пропустить базар.

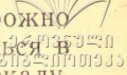
По просторному зеленому полю, рдеющему несметными маками, торопливо шагали двое монахов в черных рясах. Путь их лежал к кромке поля, за которой начинался косогор, так сплошь покрытый глухим лесом, что из-за ненастной погоды казался почти синим. Небо затянуло тяжелыми тучами, сродни колдовскому пологу, поглощающему мягкие столпы света, и не было никакой надежды, что он хоть где-нибудь приотворится щелью, пропустив к земле солнечный луч. Громоздились в поднебесье горные хребты с долгими, в проплешинах, склонами, зияли мраком пересохшие ущелья. словно бы замерла в преддверии чуда окрестность и, объятая мистическим страхом, пала ниц, сжавшись, как некое существо, безжалостно вырванное из привычной среды, столь беспомощное и безутешное. Над лесными макушками, на вершине скалы высилась изваянием белая церковь. Она дышала таким согласием с окрестностью, что мнилась не творением человеческих рук, а естественным продолжением скалы с ее полным таинства стремлением к небу. Стояла весна, и в стылом воздухе кружился мелкий дождевой бисер, но дождя не было. Небо хоть и хмурилось, но все кругом рисовалось резко и четко.

Монахи шли ходко, словно спасаясь от преследования. Они быстро пересекли поле и, войдя в лес, ступили на знакомую тропку, но это, пожалуй, была уже вовсе и не тропка, поскольку некогда обнаженная полоска земли проросла травой, и только коротко знакомый с этими местами смог бы отыскать путь в зарослях стелющихся тернистых растений. Видно, давным-давно здесь не ступала нога человека.

Монахи молча пробирались меж деревьями, впереди—старец с белой бородой, за ним—юноша, на щеках которого нежно курчавился первый пушок.

Миновав чащу, монахи вышли к скале. Так же молча они стали взбираться по вырубленным ступенькам вверх, к церкви. Земля была устлана мхом и плющом,

и монахи, лепясь телом к голому отвесу, осторожно поднимались по узким ступенькам, дабы не сорваться в глухую пропасть, почти кольцом обжимавшую скалу. Насилу одолев ступени, монахи поднялись на вершину, к церкви. Площадку на скале, величиной с ладонь, всю без остатка занимала церковь, а полоска земли меж пропастью и базиликой была так тесна, что и двоим не разминуться. У входа в церковь и возле, на этом клочке земли с вершок, валялись кости, рога и черепа, меченные временем и непогодой. Старый монах замер на миг, споткнувшись взглядом о землю, усеянную костями, поднял взор на белую стену, украшенную рогами и закопченную некогда горевшими здесь свечами. Укоризненно качнув головой, он со скрипом отворил тяжелую деревянную дверь, осенил себя крестом и ступил в молельню. Прежде чем последовать за старцем, молодой монах окинул взглядом окрестность. На голлом косогоре виднелись остатки прежнего села. Ниже, у подножия скалы, над каменистым берегом была заметна тропа, ведущая к редкой кучке деревьев. И тут были следы прежнего жилья, хоть поначалу их можно было принять за беспорядочную грудку камней. Молодой монах не спеша повернулся, осенил себя крестом и, склонив голову, ступил в церковь, затворив за собой дверь.

А на дворе радостно сыпали щебетаньем птицы. Все по-прежнему безлюдным казался мир, и лишь из церкви доносилось глухое, сродни мольбе, однозвучное бормотание: «Отче наш, иже еси на небеси, да святится имя Твое, да придет царствие Твое. да будет воля Твоя, яко на небеси и на земле. Хлеб наш насущный даждь нам днесь...»

И долго неслась из церкви тихая молитва, сродни смиренной, кроткой, обращенной в никуда мольбе, в которой несказанной тоской томилась разум и дух. Наконец, смолкла и молитва. Настала тишина. И только птицы продолжали весело щебетать, ведь нынче была весна, оттого и прилетели они в этот край, чтобы летать и петь, чтобы покорно следовать неизменному закону своего существования и сполна насладиться жизнью с ее бедами, горестями и радостями.

Спустя долгое время дверь со скрипом отворилась. Из церкви вышел старый монах и сел на землю, при-

слонившись спиной к стене. Белобрысый, в черной рясе, на фоне белой церковной стены он вдруг обрел сходство с неким странным существом, олицетворяющим тайное познание, доступное человеческой мудрости и даже лежащее за пределами ее. Взор его был устремлен в пространство, не выражая ни грусти, ни радости. словно бы этим существом, исполненным сознания ему одному известной неизбежности, владело лишь одно — ожидание. Так он недвижно сидел у стены, не скорбя и не радуясь, пока из церкви не вышел молодой монах и не стал расчищать от костей землю, сбрасывая их вниз. Тогда старец медленно перевел взгляд на юношу, а тот, наспех управившись с костями, зашвырнул в пропасть и рога со стены. Старец вновь устремил взгляд в пространство, а молодой монах подсел к нему, прислонившись к белой стене. Он был одет в черную рясу, и лицо его было еще совсем юным, с нежным пробивающимся пушком.

— Брат Антимоз! — окликнул он старца. — Не грех ли это, лить кровь на святой земле?

— Грех, брат Иоани, неоспоримый грех, совершаемый в безрассудстве, — ответил отец Антимоз.

— Но ведь любой грех — плод безрассудства, — сказал Иоанн.

Отец Антимоз лишь промолчал в ответ.

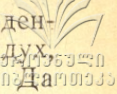
Иоанну очень хотелось продолжить беседу, и он подался вперед, заглядывая в лицо отцу Антимозу.

— Брат Антимоз, никто уж не радеет о душе своей, насущной заботой людской стала утроба, — волнуясь, на одном дыхании выговорил Иоанн.

— Это все знамение времени, брат Иоани! — спокойно отозвался отец Антимоз. Взгляд его по-прежнему был устремлен в пространство.

— Обезлюдели села, в запустение пришла страна. Чернь заделалась дворянством, а дворянство обратилось в чернь. Все смешалось, брат Антимоз! Пустился по миру люд, покинув благословенные края наши, а османы и персы ликуют, видя, как гибнет страна. Они потворствуют разврату, разжигают злобу, зависть, сеют всяческую скверну, — волнуясь, говорил Иоанн.

— Тут нет ничего удивительного, брат Иоани. Так было спокон веку. В стране, оставшейся без хозяина,

гибнут просвещение и искусство, но зато благоденствуют корысть, невежество, зависть. Отмирает дух, и лишь о падали печется превеликая часть людей. Да разве так было во времена Давида и Тамар? Нет, все тогда было иначе, брат Иоани. Ошки, Хахул, Гелати, Светицховели, Вардзиа, — сколько материальных ценностей, олеецтворяющих богатство духа, создал наш народ, не говоря ни о чем другом?! Брат Иоанн, постройке этой небольшой молельни я некогда отдал целых три года жизни. Я вложил в нее столько труда! И что же? Нынче она никому не надобна, никто сюда не приходит. А если кто и придет, то только для того, чтобы ублажить плоть свою и, подобно язычникам, пролить невинную кровь в месте, коему назначено быть лишь обителью духа. Никто ведь не понимает, что есть сия молельня и для чего она надобна, да разве сравнится эта убогая базилика с теми величественными храмами, кои были некогда воздвигнуты нашими предками?! Народ измельчал, брат Иоани!

— Что же творится, брат Антимоз? Разве нынче мы не та же нация, что и прежде?

— Та же нация? О нет, нынче мы уже не те. Нет больше единства в народе, измельчал люд, да и дух, должно статься, изменился. Нет ничего вечного в подлунном мире, и народ не может оставаться незыблемым в веках. Любой нации, брат Иоанн, любому народу, любому племени, любой семье предначертана своя судьба, от которой до чрезвычайности зависит судьба каждого человека. И эта судьба и поприще людских деяний обусловлены судьбой народа, вот почему нынешний грузин не может быть свободен и счастлив в пору, когда его страна в руках неверных. Но тебе ведомы, брат Иоанн, слова Спасителя: «Просите и дадут вам, ищите и обрящете, стучите и откроется вам», — отец Антимоз перевел дыхание и, спустя время, продолжал: — Спасет нас разве что вера, вера и воля, брат Иоанн. Если внезапно, в сей миг, случится рухнуть этой церкви или скале, увлекающая нас за собой в пропасть, то никто, брат Иоанн, кроме бога, не сможет объяснить этой случайности. Но не все зависит от внешних обстоятельств, человеческую судьбу определяет и его внутренний мир, который,

правда, дарован ему свыше, но изменить его — в силах человеческих, стоит только захотеть и собраться с силами. Поэтому никто не смеет оправдываться тем, что к содеянию зла его толкает необходимость, вызванная нуждой. Это отнюдь не нужда, а непомерная любовь к плоти, разгул низменных страстей, инстинктов и, конечно, лень, порожденная во избежание внутренней ответственности этой уродливой любовью, которая не стремится к поискам тяжких путей, ведущих к духу.

— Выходит, брат Антимоз, что человек при желаниии может достичь самосовершенства?

— Да, брат Иоанн, может. На то надобны вера и воля.

— Все это давно кануло в Лету, брат Антимоз. Ныне в почете не разум, а богатство, пусть даже сколоченное грабительством и притеснением сирых. Люди знатные и родовитые обернулись разбойниками, кому же довериться простому люду? Разве свершаются где-либо грехи, сродни нашим, кои живописать языку человеческому не подвластно, когда берут в плен родного брата и торгуют им на невольничьем рынке. Швыряют его в лапы неверных, швыряют собственную плоть и кровь лишь для того, чтобы сколотить богатство, подрывая подобной мерзостью основу державы? Да может ли ниже пасть дух народный, брат Антимоз?

— Брат Иоанн, — с болью выдохнул отец Антимоз, по-прежнему не поворачивая головы к юноше. — Подлость, равно как доброта, заложены в человеке богом. Природа и деяния человека определяются по тому, какое из этих свойств будет им усмирено либо взлелеяно. Нынче процветает подлость, брат Иоанн, но ведь нет ничего вечного на земле, и даже господство неверных не может быть вечным. Настанет срок, и они будут изгнаны с земли нашей. Придет человек, коему дано истребить зло и внутри страны. Наше зло надлежит искоренить нам же самим, и здесь не место мягкости: «Всяко древо, доброго плода не приносящее, да будет вырвано и предано огню». Тогда народ образумится. Помни, брат Иоанн, слова Спасителя: «Ищите и обрящете, стучите и откроется вам...». Не теряй веры.

Монахи перекрестились и смолкли.

Прошло довольно много времени, а они все сидели, подобрав ноги, возле базилики, взобравшейся на вер-

шину скалы, всего в одном шаге от обрыва, срывающе-
гося в пропасть к каменистому пересохшему ложу ре-
ки, на берегу которой зеленела лужайка, а за ней вид-
нелся лес, покрывавший косогор. Над макушками де-
ревьев проглядывались голые пастбища и разбегались
во все стороны длинные, молчаливые горные хребты.

Внезапно в тишине раздался некий сторонний звук. Монахи вздрогнули. Этот звук, расколовший безмолвие, был таким неожиданным, что поначалу монахи усомнились, не почудилось ли им, но странный звук вновь взмыл ввысь, и прежде чем монахи повернули головы на этот звук, прежде чем поняли, что это стучит топор, удары зачастили, прошивая тишину, волной вздымая застоявшийся воздух, и отозвались со всех сторон, объ-
яв окрестность. Словно встрепенулась замершая, замкнувшаяся в себе неведомая душа. Сомнений не было, кто-то рубил в лесу дерево: и звук топора колокольным перезвоном разливался по окрестности, совсем недавно исполненной безмолвия.

Монахи встали, обернувшись к обрыву. По зеленой лужайке и пересохшему ложу реки разбрелось стадо коров; чуть повыше, возле перелеска, паслась на косогоре небольшая отара овец. Монах Антимоз осенил себя крестным знамением и воздел руки к небесам:

— Господи, благодарю тебя, что не стер ты род людской с лица благословенной земли нашей!

2

Два года миновало с той поры, как монахи, спасаясь бегством из разоренного монастыря, посетили по пути церковь, построенную некогда отцом Антимозом на вершине скалы. На ту пору страх царил в Грузии, и беглецы укрылись в одном из затерянных ущелий, в благодатном краю, где воздух был пронзительным и чистым, а в дубравах привольно и радостно щебетали птицы, будто и не было на земле никаких бед. Поначалу монахи ютились в пещере, а затем с немалым трудом выстроили себе саклю и поселились в ней. Природа милосердно даровала им пропитание — здесь родился виноград и фрукты, да и пчел удалось приручить монахам, и стало у них вдоволь меду. Обок с саклей, затаившейся в деревьях, бежал чистый горный ручей.

Правда, не было у монахов даже сохи, но и тут нашелся выход, и стали они возделывать землю. Дни проходили в истовом труде и молитвах. Делались запасы на зиму. А зимой, когда заносило снегом округу и голодные волки с воем подступали к сакле, монахи подсаживались к очагу, и отец Антимоз рассказывал юному Иоанну о своем житье-бытье, стремясь передать ему свой опыт и знания.

В миру Антимоз был каменщиком, но нынче отпала надобность в его ремесле и оттого он предпочел стать отшельником, что далось ему без особого труда, поскольку в душе истинного мастера всегда есть нечто отшельническое. Лишенный возможности творить, отец Антимоз находил отраду в том, что в часы досуга обучал юного Иоанна таинствам искусства возведения крепостей и храмов, — может, дескать, и понадобится как-нибудь. И вот настала пора, когда отец Антимоз передал Иоанну без малого все, что знал и умел сам. Невмоготу было юноше держать под спудом свои познания, и зародилась мечта — отстроить в этом глухом краю небольшую церквушку. Иоанн сознавал, что нынче эта церковь не надобна никому, но поступиться мечтой не было сил, да и, по правде, в нем теплилась надежда, что рано иль поздно кто и набредет на затерянную махонькую церквушку и молитвой помянет имя мастера.

В один прекрасный день Иоанн поведал отцу Антимозу свое тайное желание, чем несказанно порадовал его. С благословения отца Антимоза Иоанн принялся за дело. В первую голову он подобрал место для постройки церкви, а уж затем приступил к поискам материала. Вверх по ущелью, чуть повыше того места, где обитали монахи, была разрушена скала, а у подошвы грудилось множество самых различных по форме и размерам обломков. Иоанн сплел из прутьев некое подобие салазок. На них он укладывал камни, и салазки прямо со склона скользили к площадке, размеченной под церковь, тут же подле монашеской сакли. Порой Антимоз сопровождал Иоанна, но чаще оставался дома и молился, приглядывая со стороны за работой своего ученика, помочь которому он бы и хотел, да уже не мог, поскольку за последнее время сильно сдал и уже не мог работать по-прежнему. Да и чему дивиться,

ведь отец Антимоз был стар, очень стар, может и за сто перевалило ему.

Поскольку у Иоанна не было нужных инструментов, то задумал он строить церковь, не шлифуя камней, так, чтобы их естественность лишь подчеркивала необычайную гармонию абриса церкви, пусть даже несколько асимметричного. Он выносил этот замысел сам, без сторонней помощи — отец Антимоз не учил его этому. Он шел своим путем, и поскольку тяжка непроторенная дорожка, то и Иоанну поначалу пришлось нелегко. Но он кропотливо укладывал церковную стену, всем существом отдаваясь работе. Подчас словно бы дымкой застилало то, что поначалу так четко виднелось ему, подчас материал не позволял воплотить задуманное, и тогда у Иоанна опускались руки, но внезапно некое прозрение, всегда помогающее истинному творцу найти единственно возможный выход из положения, которое поначалу мнится безвыходным, вновь озаряло его, вновь прояснялась перед ним перспектива, и воскресаящий духом, ликующий Иоанн продолжал свое дело. Так прошел год. Стоял погожий день ранней весны. Истаял окрест снег, с осатанелым шумом рванулась с гор вода в свое каменное ложе; налившиеся силой и здоровьем деревья еще не оделись в листву, но из лесу порой доносилось опасливое, пробное щебетание. Иоанн уже возвел было до половины все четыре стены, как его учитель, его духовный отец занемог.

— Сдается мне, брат Иоанн, что близится день моей кончины, — сказал отец Антимоз. Он полулежал на тахте, тщетно пытаясь справиться с обессилевшим телом. — Именем господа благословляю тебя, да пребудет над тобой благодать божья...

— Какое время говорить о смерти, брат Антимоз, — возразил Иоанн, хотя почувствовал нутром, что устами отца Антимоза говорит отнюдь не малодушие, сопутствующее болезни, а трезвое осознание своего положения.

И внезапно молодого монаха обуял неопишуемый страх. Страх потерять дорогого человека, остаться одному в этом мире, в богом забытом краю, отверженному и изгнанному. Со смертью отца Антимоза словно бы приходил черед и его смертной поре, ведь кроме этого человека никто, ни одна душа не знала о его

существовании, а что такое вообще смерть, как не подобное небытие? Монах Иоанн разом запамятовал свою недостроенную церковь, запамятовал то наследование, которое дарила ему работа. Его захватило лишь неистовое желание вцепиться в жизнь, которая угасала возле него, угасала совершенно закономерно, но не было сил мириться с этой закономерностью. Он должен, должен любой ценой отстоять у смерти душу и плоть отца Антимоза. Кто знает, может это была бессознательная попытка спасти самого себя, ибо Иоанн начисто не мыслил своего будущего без отца Антимоза, но ему мнилось, что движет им лишь горячая любовь к ближнему, хотя он и понимал, что в смерти отца Антимоза не было ничего неожиданного и неестественного. Скорее неестественным выглядело бы погребение заживо самого монаха Иоанна, да, да, погребение заживо, оттого что после смерти отца Антимоза никто, кроме господ бога, не знал бы о его существовании, а выбраться из этих краев, куда привел его отец Антимоз после бегства из монастыря, в котором прошла большая часть его сознательной жизни, он попросту никуда не смог бы без сторонней помощи: ведь ему неведом был путь, равно как и окрестность, и, что самое главное, ему никуда и не хотелось идти. Справедливости ради нужно сказать, что ухаживая за отцом Антимозом, не отходя от него ни днем, ни ночью, Иоанн совершенно не думал о себе, не помнил себя. Он очень хотел, чтобы отец Антимоз жил. Подчас он безмолвно молил бога продлить его дни, если это хоть как-то дозволялось непреложным божеским законом. Да, он не смог бы прожить без отца Антимоза, но ведь он и безмерно любил его, сострадал ему. Он глядел на это безукоризненной лепки лицо, облагороженное величием старости, лицо, коему надлежало бесследно исчезнуть, и жалел его. Он верил в бессмертие души, но нынче, когда смерть подступала так близко, ему жаль было и плоти отца Антимоза, этой оболочки, заключающей в себе кроткий дух его брата во Христе. Днем и ночью не отходил монах Иоанн от смертного одра и не знал, что же делать. Жизнь отца Антимоза потихоньку угасала. Душа его отворотилась от мира. Вот уже несколько дней не принимал он пищи, а Иоанн все кропил его губы водой в тщетной надежде приве-

16595940
802-1110333

сти в сознание умирающего, но отец Антимоз недвижно лежал, словно спящий, и тяжело дышал. Ночи сменяли одна другую, а спасения не было. Нетерпимая, отчаянная скорбь сломила Иоанна. Горе, ожидание, одиночество одолели его, и как-то ночью, прикорнувшись подле очага, он уснул.

Неизвестно, долго, коротко ли спал юноша у гаснущего огня, но вдруг он пробудился в страхе, отчетливо ощутив, что возле узкого оконца сакли кто-то стоит. Иоанн инстинктивно бросил взгляд на умирающего и заметил, что за то время, что он спал, состояние отца Антимоза ничуть не изменилось. Это обстоятельство на какое-то мгновение заставило Иоанна позабыть давешнее ощущение. Он обвел взглядом саклю — на стенах веером покачивались тени, отбрасываемые рдеющими углями. Внезапно вновь отчетливо ощутил, что на дворе, возле оконца кто-то стоит, поджидая его. Этот «кто-то» беззвучно, неслышно, но настойчиво и твердо звал Иоанна, и он, влекомый этим беззвучным зовом, отворил дверь и ступил во мрак. Оказавшись в непроглядной тьме один, Иоанн ощутил свою беспомощность, но собрался с волей и шепотом, осторожно вымолвил:

— Кто это?

Ответа не было.

Он интуитивно догадался, что ему следует свернуть влево, и после нескольких шагов он вдруг увидел Ту, что звала его, Ту, что стояла под старым дубом, Ту, бесцветную, безликую.

— Кто ты? — сурово спросил Иоанн, поскольку уже стоял прямо перед ней, и его уже не страшило чувство, обычно порождаемое смутной, пока неясной опасностью.

— Я Смерть, — был ответ.

— Смерть? — переспросил Иоанн, вновь ощутив страх. — Что тебе надобно? — и сам же осознал бессмысленность своего вопроса.

— Да так, зашла, — ответила Смерть, опершись о косяк с долгой рукоятью.

Иоанн подивился голосу Смерти. Это был спокойный, равнодушный, твердый и вместе с тем скорбный голос, но отнюдь не грубый и жесткий, каким он мнил-ся Иоанну.

Монах Иоанн молча взирал на Смерть и почему-то не ощущал больше ни малейшего страха. Некоторое время они стояли так, глядя друг на друга, а затем мрачный мрак окутывал их, и из лесу доносились леденящие душу вопли гиен и сычей.

— Иоанн, — сказала она грустно, безрадостно, точно устала и разговор давался ей с трудом, — хочешь помочь Антимозу?

— Всей душой! — ответил Иоанн.

— Тогда ты должен разрушить свою церковь.

Монах Иоанн задумался.

— Отчего ты колеблешься? — спросила Смерть. — Ведь ты же любишь Антимоза?

— А это спасет его?

— Может, и спасет!

— Может, спасет! — горько усмехнулся Иоанн. — А если нет?

— Попробуйся. Попытка — не пытка.

— А если попытка окажется тщетной?

— А ты поверь. Может, вера поможет тебе.

— Но для чего рушить церковь? — даже будто бы рассердился Иоанн.

— Иоанн, то будет жертва, которую ты принесешь во спасение отца Антимоза, — ответила Смерть, — ведь ты любишь его, или я ошибаюсь?

Иоанн задумался. Взявшись рукой за бороду, он опустил голову, не поднимая глаз от земли. Как же разрушить церковь, в которую он вложил столько труда и любви, церковь, которая исполнила смысла всю его жизнь?! Да, но ведь и отца Антимоза он любил не меньше! Что было делать? Как предпочесть камень человеку? Но ведь в этот камень он вложил свою душу!

Долго думал монах Иоанн, затем поднял голову.

— Хорошо, я разрушу ее, — решил он.

— Ха-ха-ха! — искренне расхохоталась Смерть. — Ха-ха-ха! Вот уж не знала, что ты так глуп. Мне казалось, что ты познал слово божье, а ты ведь ровным счетом ничего не знаешь. Мне ведомы твои мысли. Ты разрушишь свою церковь, а если это не поможет Антимозу, то ты снова примешься возводить ее. Ты оставляешь за собой надежду, Иоанн. Так не пойдет. Вместе с церковью должна быть уничтожена и надеж-

да, ты навсегда должен отказаться от своей мечты, да и от призвания тоже, хоть ты и талантлив. Может стать, при этом условии ты поможешь Антимозу.

— Ты лжешь, — простонал в отчаянии Иоанн. — Ты ведь смерть, вот тебе и хочется все рушить, в этом твой долг, оттого ты и лжешь...

— Я права, Иоанн, — все тем же едва слышным голосом, но, может, с призвуком большей грусти оттого, что не понимают ее, сказала Смерть.

И Иоанн понял, что Смерть права. Может, и приходилось ей порой обманывать людей, но в том не было ее вины, перед собой она всегда была права.

— Может, ты и права, Смерть, — вдруг сдавшись, согласился Иоанн, — но я не верю тебе. Разрушу я церковь или нет — это не поможет отцу Антимозу.

— Ты не любишь Антимоза, — сказала Смерть.

— Монах Антимоз — единственный человек под солнцем, кого я знаю, и я безмерно люблю его.

— Ты не знаешь, что такое любовь! Ты сочувствуешь Антимозу, а сочувствие — это отнюдь не любовь.

— Я люблю отца Антимоза!

— А знаешь ли ты, что такое любовь, Иоанн? Любовь — это чужие переживания, теснящиеся в твоей душе. Ответь мне искренне, Иоанн: что для тебя дороже, твоя жизнь или храм, самый величественный и прекрасный из всех существ на свете? Не торопись с ответом.

Монах Иоанн задумался и спустя время ответил:

— Моя жизнь дороже для меня всех храмов земных.

— Если ты любишь Антимоза, то и его жизнь тебе должна быть так же дорога, и ты должен все отдать за нее, — ответила Смерть.

— Я отдам все. Если понадобится моя жизнь, я отдам ее. Но не надежду. Если я поступлюсь жизнью, то у меня должна оставаться надежда, что я делаю добро близкому и любимому мной человеку, — дрожащим голосом произнес Иоанн.

— Кто на свете может даровать тебе надежду, Иоанн. Все зависит от того, оправданной ли будет твоя попытка, а ты никак не можешь решиться разру-

шить эту убогую церквушку. Кому и на что она надобна?

— Мне надобна, — рассердился Иоанн, словно бы коснулись его единственного детища, — ты ненавидишь Жизнь, отсюда и твой совет разрушить церковь.

— Ненавижу Жизнь? — искренне удивилась Смерть. — А за что я должна ее ненавидеть? Я не люблю ее, но и ненависти к ней не питаю. Это неувязка, Иоанн. Мы существуем одновременно, бок о бок и, если хочешь знать, вовсе не можем существовать порознь. Даже отбросив эту данность, следует признать, что все познается через свою противоположность, оттого я и считаюсь с Жизнью. Ты должен понимать это, Иоанн, ведь ты не ребенок. Просто у меня свои обязанности, у Жизни — свои, и обе мы служим развитию вселенной.

Из леса вновь донесся крик сыча и ледянящий душу вопль гиены, и Иоанну стало казаться, что никогда уже не наступит рассвет.

Смерть продолжала:

— Если Жизнь и страшится перейти в мое лоно из-за того, что ей чужда моя сущность, то моя ли в том вина? Ведь никто не знает, какой я испытываю страх и муки, когда в моем лоне зачинается жизнь. Ведь никто этого не знает, Иоанн? Жизнь зарождается во мне, и это мучительно трудно. Также и Жизни невозможно возвращаться в лоно, породившее ее.

— Как может в твоём лоне зародиться что-либо, ведь ты «ничто»?

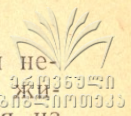
— Ничто? Ничто — это ты, Иоанн, ведь все вы — мои дети, я вечна.

— Ты ошибаешься, Смерть, — спокойно заметил монах Иоанн, — может, я и был ничем, может, превращусь в ничто, но теперь я — Человек.

— И очень упрямый человек, — нетерпеливо оборвала его Смерть, — я спрашиваю в последний раз, Иоанн, ведь время не терпит, разрушишь ты церковь?

— Нет, Смерть, не могу, — ответил монах Иоанн, и в тот же миг Смерти не стало.

И опять, словно приговоренная, завизжала в лесу гиена. Иоанн воротился в саклю. Отец Антимоз был мертв.

Прошло много-много времени. Может быть, и не-
сколько столетий. В том глухом краю, где некогда жи-
ли монахи, стоит маленькая церквушка, сложенная из
камней. Изменились времена, воцарилось спокойствие.
А церковь все стоит там, где ее некогда построили. Мо-
жет, кто и знает о ее существовании, а может, и нет; мо-
жет, кто и прослышит о ней в грядущем, а может, она
и разрушится так, что никто и не узнает о ней. Но по-
ка она стоит, укрытая тенью безмолвных дубрав,
обернутая мхом и плющом — бессловесный свидетель
страстей человеческих.

Перевод Эммы ПИВОВАРОВОЙ

ВЕСНА

Во мне как эхо — птичьи голоса.
На землю луч спускается играя —
и снова жизнь трепещет травяная,
зазеленеть готовятся леса.
Весна... И ты печалью светлой болен!

И пальцы освежает мне трава,
и свет ее растет — живой, горячий...
Душа поверит, оставаясь зрячей,
что невозможно избежать родства,
что с ней случилось то же, что и с полем...

* * *

Здравствуй, мой идальго! — Снова слышен
взлет копья, меча упругий звон...
Не горюй и страх забудь — ты выжил,
ты любим, как прежде, ты смешон.

Целый мир земной и мир небесный
полнится-живет твоей судьбой...
Кто-то вновь достоин муки крестной.
Плачем ли, смеемся ль над тобой...

Ночь пришла весенняя, сквозная,
память возвращает мне тебя...
Опадает звезд роса живая...
Время катится, года дробя.

Колесо его — твоя опора,
ты же — вечно временем гоним.
Мы не знаем твоего простора,
мы в другую сторону глядим.

Синева безбрежна и зеркальна —
ты, один, высокий кров сберег...
За твое здоровье, мой идальго,
горемыка мой и дурачок!

Чей грех,
как тень, со мною неразлучен?
Чей взгляд —
загадочный и неотвязный —
опутал ноги мне?
Что за отрава
в крови моей осела древней?
Чей урожай недобрый пожинаю —
каких далеких предков
и времен?
Я в прошлое гляжу —
наполненную мраком бездну —
и чувствую,
как постепенно дно восходит
и, мшистое, у ног моих ложится...

Но кто отправится разыскивать
меня,
спустя тысячелетие?
Чью радость
своей бедой я заслону?
Кого собью с пути,
на грешный путь ступая?

* * *

Я пережил по возрасту Христа.
За бороздой ложится борозда —
что сею здесь и жну?
Какие своды
я пением согрел за эти годы?

И пусть вершины Родины моей
покоятся в душе, словно святыни,
и среди суетливой пляски дней
я берегу печаль о них донине, —

не знаю все же, был ли мной зажжен
тот свет, что полночь видеть так хотела,
и бытие мое — недолгий сон —
прибавится ли к жизни без предела.

Грядущее спешит за настоящим —
я сам себе кажусь чужим все чаще...
Что сею здесь и жну?
Какие своды
я пением согрел за эти годы?

ГЕЛАТИ

В тот день, на небеса печально глядя,
я заново был радостью рожден,
и облако высокое Гелати
ко мне сходило медленным дождем.

Он наполнял глаза, стекал на плечи,
родным мне был, светился в тишине...
И, как в немом мечта о ясной речи,
святое имя ожило во мне.

Холмы молчанье мягкое хранили
уже который век, который год.
Колокола темнеющие стыли,
как ястребы, подстреленные влет.

Во двор стекались люди... Им казалось,
что и душе возможно отдых дать,
чужим покоем одолеть усталость
и хоть на время времени не знать.

Стекались люди... Улетал Гелати —
все дальше от земли... А между тем,
белели храмы среди небесной глади,
еще не возведенные никем.

* * *

Я здесь по-прежнему, как гость,
печален, молчалив,
и среди громкой суеты
я тишиною жив.
Не меньше, чем другим, дано
и счастья мне, и бед.
Есть ночи темная пора,
а значит есть и свет.

пурпурны крылья огненные, жарки.
Вкус ночи на сухих губах все резче,
к огню подходят горы. Звезды яркие.
А Млечный проступает раной белой...
Упал я навзничь,
немощен делами...
Земля коснулась — стынущее тело,
земля коснулась — гаснущее пламя.

* * *

Уже незримого рука все зримей надо мною...
Когда останется душе жилище ледяное,
когда из этих смертных стен бессмертный дух
рванется,
когда небес цветущих сень навстречу
разомкнется, —
мне, среди миллиардов звезд ослепшему от
света,
еще желанней станешь ты, тоской моей согрета...
Вернусь на землю я — тебя оставить не сумею,
и путь безмолвия глухой окажется светлее
разлуки нашей... Обернусь — и светом ночь
займется,
и — надвое рассечена—со мной к тебе вернется...
Сюда, где виноград зажег свое живое пламя,
приду навечно я — дышать картлийскими полями.

* * *

Снова легкие крылья мне снятся,
радость снится...
Судьбу обгоняя,
хорошо жеребенком мне мчаться
по дорогам придуманным рая.

Снова жизнью богат я, и снова
руки смерти остались пустыми.
Вновь противится сердце оковам,
что рассудком зовутся: святыни.

Рад я доле, простой и нетяжкой, —
облакам, что — высокие — кружат...

Вновь шалаш на ветру, нараспашку —
хорошо мне проветривать душу!

Хорошо себя небу доверить,
встретить солнечную лавину...
Ночь раскрыла тяжелые двери...
Я туман, я земли не покину.

* * *

Я вглядывался в белизну листа,
возделывал словес цветущих нивы.
Но понял я, когда прошли года:
одна строка — правдивая,
сто — лживых...

Мой путь исхожен всеми. И — в долгу
перед собой —
я преуспел в усердстве:
умело строчкой замыкал строку,
а в ней еще хотело биться сердце.

Смирились бури — голоса тихи,
и быстро отошла пора цветенья...
Всего-то и осталось,
что стихи —
свидетели вины и поражения...

Перевод Натальи ГЕНИНОЙ

ПОМОГИ! — СКАЗАЛ ОН

Р о м а н

В воротах показалась старуха, согнутая в три погибели. Старуха восседала на метле так, как обычно сидят мальчишки на игрушечных конях, и, окруженная стражниками, с трудом передвигала раскоряченные ноги. Старуха походила на ворону, и казалось, что на метле восседают черная длинноклювая ворона. Народ, развеселившись, загоготал во все горло. Еще бы, вместо дурных вестей из тяжело распахнувшихся ворот крепости появилась ведьма верхом на метле. Угрюмая крепостная башня была, видимо, настроена на благодушный лад и предлагала селению поразвлечься. Старуха рыдала в три ручья, и это еще больше развеселило селение. Рыдание старой ведьмы, восседающей на метле, подобно плачу шута, казалось селению забавной шуткой. А сурово нахмурившиеся стражники, упревая старуху дула ружей, подталкивали ее вперед. Стражники вытолкнули старуху в ноги народу, а сами попятились назад. Старуха взглянула на людей, выронила метлу из дрожащих рук и повалилась наземь. Стражники бросились к ней и подняли на ноги. Потом долго вертели ее в руках, подобно тому, как незадачливый охотник вертит в руках внезапно испутившую дух ворону, и снова швырнули ее наземь.

Над старухой вырос взводный и рукой подал знак барабанщикам, чтобы они играли. Народ смолк.

— Эй, люди! Эта старуха — ведьма! — крикнул взводный.

Окончание. Начало в №№ 1, 2.

Народ загоготал, и обескураженный взводный ос-
тался с разинутым ртом.

— Ведьма, говорю я вам! — орал взводный.

Люди гоготали пуще прежнего, толкая друг друга в спину, чтобы пробраться поближе к взводному и убедиться, что тот шутит.

— Это она нас предала, люди! — взревел взводный.

Народ затих. Напоминание о предателе вновь установило тишину. Вдруг кто-то запоздало загоготал в этом гробовом молчании, и его проворно вытолкали взащей, всласть надавав пинков под зад. Затихшее селение теперь во все глаза глядело на взводного, у ног которого валялась мертвая ворона. Взводный перевернул ворону на спину, долго всматривался в нее и наконец торжествующе крикнул:

— Бог прикончил ее на ваших глазах!

В эту минуту ворота вновь распахнулись. Стражники и взводный внезапно исчезли. Напуганный народ разбежался кто куда, площадь опустела. Лишь мертвая старуха осталась лежать на прежнем месте. Снег падал на ее черную, скрюченную фигуру. Чистый белый снег устилал площадь. Невесть откуда появившаяся маленькая собачонка пересекла площадь, устланную свежим снегом, подбежала к старухе и, словно плакальщица усевшись у нее в головах, завывала... Теперь снег падал и на старуху и на собаку...

. . . . .

Всю ночь я слышал собачий вой. Всю ночь снежило не переставая. Когда утром я вышел на площадь, не было видно ни старухи, ни собаки. Все вокруг было покрыто белым снегом. Кто была эта старуха, откуда она взялась со своей метлой, почему она была ведьмой, как и почему предала она село и как могла быть способна на это крошечная согбенная старушка — об этом селение старалось не думать. Селение было встревожено лишь одним — приношение в жертву продолжалось или, что было еще страшнее, продолжались поиски козла отпущения! Исчезновением пяти дворов ничего не кончилось, и селением вновь овладел животный страх, обуявший его в тот первый день, когда оно искало виновного у себя, когда виновными казались

все — жена, дети, родители, близкие и даже оно само. Теперь селение уже не ведало, кто окажется предателем завтра, и в ожидании завтрашнего дня оно не смыкало глаз все ночи напролет. А ведь предатель и вправду существовал! Предателями были те пять дворов, неизвестно откуда взявшиеся и неведомо куда исчезнувшие, предателем была и эта старая ведьма, способная летать по ночам верхом на своей облезлой метле. В этом селении ни минуты не сомневалось, это было для селения яснее ясного, ибо так говорил старейшина села, так говорили его люди. Да ведь и старуху выволокли из тех самых ворот, куда никто не смел проникнуть и за которыми, думая о селе, дни и ночи бдёл старейшина. Да, старуха была ведьмой, и бог прикончил ее тут же, на глазах у всего селения. Бог даже не взглянул на дрожащую старуху; не внял ее слезам и не простил ее. Но кто была эта старуха, здешняя или пришлая, чужого роду и племени или своя, отплатившая селению злом за добро? И кто знал эту старуху, кто видел ее раньше, что имела она против селения, за что она возненавидела и предала его? Вопросы эти кружились в воздухе, оседали и исчезали словно снег. Вопросы эти приносились студеным зимним ветром, и селение, вконец замороженное этими вопросами, зябко куталось в своих башнях. Оно наглухо запирало двери, с головой укрывалось буркой, забиралось в темные углы, дабы никого не видеть и ничего не слышать. А снег не переставая ложился на башни, вокруг селения бродили волки и шакалы, во дворы забредали олени и лани, по ночам трещал мороз, и весна была так далеко, что селение даже и думать не смело о весне.

В полночь я вновь услышал детский плач. Теперь я видел их обоих: ребенка и согбенную старуху, похожую на ворону. Старуха тоже плакала, но беззвучно — слезы бесшумно лились из ее глаз. Я не видел ее глаз под черным покрывалом, но я чувствовал, как смотрят на меня ее беспомощные, непостижимые глаза. Старуха не знала, за что ее выволокли из дому, в чем ее винят и что она совершила, за что ее швырнули наземь под ноги селению и что ее ожидает. Старуха ушла из этого мира, так и не узнав всего этого.

Я видел старушечьи слезы и слышал детский плач. Но это уже не было ночным видением, ребенок действ-

вительно плакал, его плач был явью. Такой же явью, как мышьяная возня в углу за сундуком. Детский плач доносился снаружи... Я встал, подошел к двери и прислушался. Плач смолк... Потом начался снова. Кто-то прикрикнул, и плач снова смолк. Я зажег свечу и поставил ее на подоконник. Стоило мне зажечь свечу, как тут же воцарилась тишина. Я тихо приоткрыл дверь и выглянул наружу. По дороге двигался небольшой людской табун. Стражники взяли табун в кольцо. Женщины несли на руках детей, мужчины поддерживали женщин. Все были стары, согбенны и немощны. Молодых было не видать... Стражники то и дело подгоняли пленников. Те торопились, поскальзывались, падали, закрывали ладонью рты младенцам и старались держаться вместе. Вот так, вцепившись друг в друга, изо всех сил стараясь не отстать и не упасть, катился по снежной дороге черный клубок.

Я вернулся в комнату, схватил свечу и, высоко подняв ее вверх, вышел наружу.

От черного клубка отделилась чья-то тень и глухо крикнула:

— Спаси нас, святой отец!

Крикнувшего тотчас же утихомирили и вновь вплели в черный клубок.

Снова заплакал ребенок. Заорал взводный. Кто-то выстрелил из ружья. Раскаты выстрела отозвались в башнях. Шарканье ног бредущих, окрики взводного и перешептывание конвойных постепенно удалялись. Издали глухо долетал плач ребенка. Наконец плач стих, и теперь за околицей села завывли волки. Одинокая звезда прочертила небо и погасла где-то. Зябко трепетало пламя свечи. Холод пронзил меня. Я вошел в дом.

— Это их дети... — прошептал кто-то.

— Чьи? — спросил другой.

— Тех, что изгнали вчера.

Толпа тихо перешептывалась. Юноши стояли на ограде. Их было пятеро, все ровесники, одинакового роста, как бы подобранные на заказ. Один из них, светловолосый, был напуган больше других и широко раскрытыми глазами бесмысленно взирал на селение, второй плакал, просто стоял и плакал так, как будто, стоит ему вытереть слезы, улыбнуться и все на свете

позабудется. Третий стоял, горделиво подняв голову. Он чувствовал, что должен умереть, и словно бы смирился со своей участью. Смерть для него была уже не страшна, и издали казалось, что гордый юноша только тем и озабочен, как бы до самого конца остаться гордым и не склонившим головы. Четвертый улыбался бессмысленной и леденящей душу улыбкой, и селение изо всех сил пыталось отвести от него взгляд. Пятый стоял рядом с гордым юношей и спиной к улыбающемуся. Пятый хотел до последнего остаться рядом с гордым юношей, и спроси его кто, каково его желание, ничего бы иного он не пожелал, ибо рядом с гордым юношей все казалось легким и потешным.

— Кто они? — допытывался кто-то в толпе.

— Сказано тебе, это их дети... Тех, что изгнали ночью...

Потом все замолкли, терпеливо ожидая приговора.

— Забьем их камнями, люди? — крикнул взводный.

— Забьем! — взревела толпа.

Над толпой вдруг вырос Хирчла и взмахом руки усмирил народ.

— Нельзя их забивать камнями! — провозгласил Хирчла.

— Нельзя забивать! — эхом отозвалась толпа.

— Такова воля старейшины! — продолжал Хирчла.

— Да здравствует старейшина! — выкрикнул кто-то.

— Да здравствует старейшина! — подхватила толпа.

— Поставьте на колени и гоните их прочь! — отчеканил Хирчла.

— На колени!

— На колени!

— На колени! — вопили передние.

— Забить!

— Забить! — надрывались задние.

Хирчла поднял руку. Народ затих, и возвышение, на котором стояли юноши, мигом оголилось.

Светловолосый вновь стоял с широко раскрытыми глазами и испуганно смотрел на толпу. Он ничего не понял. Второй, плача стоявший в сторонке, внезапно

успокоился, но и он не совсем понял, что должно было произойти. Третий, дотоле стоявший с гордо поднятой головой, опустил голову, не зная как посмотреть людям в глаза. Четвертый, расставшись со своей ледяной улыбкой, теперь громко смеялся. Пятый по-прежнему стоял в обнимку с гордым юношей и спиной ко всем остальным.

Народ ждал, но того, кому полагалось поставить этих юношей на колени, нигде не было видно. Откуда-то вновь извлекли шута и вытолкали его на площадь. Насмерть перепуганный шут вымученно улыбнулся, но лицо его выражало неприкрытую тоску. Народ зашумел, в воздухе запахло шутовством, и опустевшее было пространство возле юношей вновь заполнилось. «Чего ты пригорюнился? Хватит пахать землю носом!» — крикнул кто-то шуту, и гогот толпы покрыл этот возглас. Хирчла молча взирал на гогочущую толпу. Хирчла не смеялся, но надеялся, что коль скоро удалось рассмешить народ, смех польется рекой и все случится как нельзя лучше. Кто-то ухватил шута за шиворот, иди, мол, не бойся, дай пинка этим сучьим детям и поставь их на колени. Но шут не трогался с места. Тот кто-то не унимался и, подняв шута за шиворот, словно деревянную куклу, понес его к скучившимся юношам. Шут вопил, зывая о помощи. Спасителя нигде не было видно, и чем громче вопил шут, тем громче гоготала толпа. Тогда шут счел за благо зареветь. Но народ не внял его плачу, плач еще больше раздражил толпу, начисто забывшую о пяти обвиняемых. Теперь в центре внимания оказался шут, этот трусливый и бездарный шут, который своей неповоротливостью ничего, кроме раздражения, вызвать не мог. Да что взять с этого паршивца, если он даже не в силах на колени поставить пятерых несчастных? «Пинка шуту!» — орал народ, и обрадованный шут, ожидавший худшего и отделавшийся легким испугом, благодарно смеялся сквозь слезы. Шуту дали здоровенного пинка и погнали прочь. Вновь воцарилась тишина. Все разом позабыли об изгнанном шуте. Теперь толпа вновь оказалась лицом к лицу с теми юношами, и все ее раздражение, вызванное шутом, направилось на них.

— На что нам сдался шут, люди! — опять выкрикнул кто-то.

Выкрик раздался сзади, и все оглянулись назад, но кричавшего не было видно. Задние, словно волна, накатились на передних, и толпа двинулась наперёдшей.

Я оглянулся в страхе. Сначала я посмотрел на вздымавшуюся волной толпу, потом на побледневших юношей. «На колени!» — вопил кто-то. И юноши, словно только теперь уразумев, чего от них требуют, потихоньку сдвинулись с места, и группа распалась. Сначала, воровато озираясь по сторонам, опустился на колени светловолосый. Первый коленопреклоненный словно бы замедлил людскую волну, и теперь селение, застыв на месте, уставилось на остальных. За первым последовал второй, тот самый, который вначале плакал. Третий по-прежнему держался горделиво. Он чувствовал приближение неминуемого конца и словно бы только о том и думал, как бы до последнего остаться гордым и не склонившим головы. Примеру первых двух последовал и тот, который дотоле улыбался ледяной улыбкой и от которого старательно отводило глаза селение. Во весь рост стояли лишь двое — гордый юноша и тот, пятый, который хотел быть рядом с гордым юношей и встретить с ним смерть... Толпа выжидательно глядела на этих двоих. Но они, и не собираясь падать на колени, стояли себе и смотрели на толпу. «На колени!» — опять взревел кто-то. «На колени!» — согласно взревела толпа, и волна вновь двинулась на юношей. Тогда тот, последний, желавший умереть вместе с гордым юношей, как подкошенный рухнул на колени рядом с теми тремя. Народ дрогнул. Волна распалась и в наступившей тишине томительно ждала, что предпримет гордый юноша, спокойно смотревший куда-то вдаль, поверх затихшей толпы. «На колени!» — снова выкрикнул кто-то. «На колени!» — нестройно взорвалась толпа, но юноша, не собираясь падать на колени, по-прежнему смотрел вверх толпы куда-то вдаль. «На колени!» — содрогаясь, трепеща, умоляя и грохоча катилась волна. «На колени!» — в последний раз взревела волна и с грохотом обрушилась на берег...

Закрыв лицо руками, я опрометью бросился в дом. Больше я ничего не видел. Беснующаяся толпа с криками и воплями топталась на месте.

Когда я вышел из дому, жалкие останки юноши валялись на земле...

Остальных четверых не было видно.

— Что вы наделали! — крикнул Хирчла.

Но толпа, ничего не слыша, напуганная, встревоженная и растерянная, неслась по домам.

Юноша уже не был гордым. Останки юноши бессмысленно валялись на мерзлой земле. Вокруг не было ни души. Лишь тщедушный седобородый старик, стоя у края площади, глядел на меня.

Старик тревожно огляделся по сторонам и, нетвердо ступая, направился ко мне. Остановившись поблизости, он опустил голову и устался в землю.

— Знает ли он об этом?.. — прошептал старик.

— Кто? — спросил я, не отдавая себе отчета в том, что спрашиваю.

— Он... Старейшина... — прошептал старик.

Я ничего не ответил.

— Наверное, не знает... — сказал старик.

Мы присели в головах у юноши. Пошел снег.

— Что нам теперь делать? — спросил я старика.

Старик молчал.

— Схороним мертвого, старик! — сказал я, поднимаясь.

Старик вновь огляделся по сторонам и попятился.

Я подошел к нему вплотную и пристально посмотрел ему в глаза.

Старик опустил голову.

— Похороним мертвого, дядюшка! — крикнул я ему в самое ухо.

Старик поднял голову и посмотрел на меня.

В его глазах гнезвился страх.

Я встал на колени перед мертвым и попытался закрыть ему глаза. Но было уже поздно, глаза юноши остались навеки открытыми, окоченевший труп смотрел в небо.

Когда я оглянулся, старика и след простыл.

Какая-то глухая боль или пустота проникла в сердце.

В тот миг мы остались совершенно одни в целом мире — я и мертвый юноша...

Куда делся старик? Как мог страх подавить первую обязанность человека — кинуть горсть земли в могилу усопшего? Куда он подевался и где укрылся? С какой совестью не сегодня, так завтра предстанет он пред очи всевышнего или куда он убежит от себя самого? И как малодушный страх сумел попрасть величие геройства? Старику ведь нечего терять, старику ведь гораздо проще совершить геройство, нежели этому юноше, лежащему теперь под холодными небесами? И зачем, спрашивается, старику цепляться за пару-другую дней, оставшихся на его веку? Ужели и вправду так сладки тот день-другой, отдаляющие нас от смерти? Почему не смогли постичь стариковские видения красоту достойной смерти? Ужели страху подвластно все на свете? Ужели страху дано подавить, унижить и убить человека в человеке, превратить его в ничтожество? Почему страх превращения в ничтожество не в силах подавить страх смерти? На что нужны старику оставшиеся на его веку день-другой, почему не торопится он, опозоренный на этом свете, уйти из мира сего, пасть на колени пред господом и слезно покаяться в собственных грехах? Где сейчас грешный старик, о чем он думает, что делает, празднует ли он на радостях собственное спасение или дрожит под тяжестью собственного греха?..

Пока я был в этих раздумьях, стемнело.

— Видишь, что они натворили... — услышал я вдруг за спиной.

Я оглянулся и увидел Хирчлу. Его глаза, словно уголья, пылали в ночи.

Ничего не ответив, я повернулся и пошел к дому. Я чувствовал, как он стоял и смотрел мне вслед, пока я не одолел лестницу, не открыл дверь и не вошел в дом. Войдя в дом, я перевел дух. Потом вновь открыл дверь и выглянул наружу. Тень Хирчлы по-прежнему маячила на площади. Два пылающих глаза по-прежнему глядели на мою дверь. Я повернулся к ним спиной и поглядел на очаг. Стена поверх очага была пуста. Ружья на стене не было. Я протянул руку, снял с гвоздя несуществующее ружье, прицелился и выстрелил в Хирчлу. Хирчла упал...

Я уемехнулся. Мне показалось, что спасшийся от пули Хирчла вновь стоит и смеется...

1935940
11101933

На следующий день, к вечеру четверо закутанных в бурки юношей с ружьями наперевес вели старика. Это был вчерашний старик, внезапно исчезнувший, словно тень, оставивший меня в полном одиночестве, не осмелившийся взять в руки горсть земли и спасшийся бегством. Старик брел с осунувшимся лицом, понуря голову и опустив плечи. Я вышел наружу, сбежал по лестнице, пересек двор, выскочил на дорогу и догнал юношей, закутанных в бурки. Юноши оглянулись, взяли ружья на изготовку и остановились. Даже не взглянув на конвоиров, я обошел их стороной, подошел к старику и, положив руку на его слабое, дрожащее плечо, заглянул ему в глаза.

— Прости меня, старик... — прошептал я.

Старик, не вымолвив ни слова, во все глаза глядел на меня, ожидая окрика конвоиров.

Конвоиры молча смотрели на нас и ждали.

— Прости меня, старик... — повторил я шепотом и попятился.

У старика были безразличные, холодные глаза, но мне привиделась в них гордость... Гордость нужна была мне, старику же ничего не было нужно. Он шел на встречу со смертью тихо и спокойно. Страх, который вчера внезапно заставил его исчезнуть, подевался куда-то, страха больше не существовало, и все сделалось простым и легким, груз греха уже не отягощал плечи, и старик шел, свободно выпрямившись.

Я улыбнулся старику, но он уже не видел моей улыбки. А я все стоял и улыбался ему. Такой улыбкой провожают путников в дальний путь, провожают с непререкаемой надеждой на возвращение. Старик не сумеет возвратиться, но это уже не имело никакого значения. Я стоял и смотрел на его удаляющуюся спину. Он шел просто, как и пристало простому старику. Он все простил мне...

Вокруг молчаливые башни, не видно ни души, даже голоса подать некому, и я уже не знаю, кому и что прощать...

В моей темной келье скопилось все разом. В углу скребся мой невидимый постоялец, доносился тихий ропот изгнанников, из-под черного покрывала глядела на меня крохотная старуха, похожая на ворону, в ночной

тиши плакал ребенок, изрыгала проклятия женщина. Потом все вновь потонуло в тишине. Лежа на тахте с закрытыми глазами, я видел пятерых юношей перед беснующейся толпой: один из них, светловолосый, боявшийся больше всех, бессмысленно смотрел на селение широко открытыми глазами, второй плакал, третий стоял с гордо поднятой головой, четвертый смеялся, и сам не зная над чем. Это был холодный, ледящий душу смех... Пятый хотел умереть рядом и вместе с гордым юношей. Потом вопила толпа, а затем все вновь погружалось в тишину. И в этой тишине слышался возглас: «Погаси свечу, святой отец...» Я открывал глаза. В комнате было темно, и вновь в ушах моих звучал детский плач... А старик все шел и шел, выступая впереди четверых юношей, закутанных в бурки, с ружьями наперевес. Шел согбенный и простой, как пастух, пасущий овец... Я улыбаясь говорил этому простому пастуху: «Прости меня, старик...» Старик не знал, за что прощать меня, и тоже улыбался в ответ.

Целую неделю женщина ждет мужчину. Но мужчина не приходит, и женщина то мечется, как разъяренная тигрица в заточении, а то, как переполошившаяся птица со сломанным крылом, орошает слезами подушку. Женщина со страхом ждет рассвета. Ведь рассвет окончательно лишит ее всяческой надежды. Она знает, что днем мужчина, с головой погруженный в брожение селения, не сумеет найти для нее времени. Чужой глаз днем более бдителен, а женщина не желает, чтобы тайна ее ложа сделалась известной кому-либо на свете, чтобы кто-либо заметил ее глаза, выхолощенные бессонницей и слезами, чтобы чей-либо взор проник в ее замкнутую, как сердце, келью, дабы на следующий день оповестить все селение о событиях, происходящих в доме старейшины. С того и избегает женщина всех и вся, с того и сидит она взаперти, довольствуясь сухим хлебом и водой, с того и проводит она все дни и ночи в самобичевании и страстных молитвах. Настает ночь, и испепеленная было надежда вновь возрождается в ее сердце, ледящий холод вновь сменяется ласковым теплом. С приближением ночи в женщине

растет и набирает силу уверенность — уж этой ночью мужчина придет непременно, как не раз приходил, бывало, в те счастливые ночи. Он придет и заставит позабыть мучения и самобичевание всей недели, как это не раз бывало раньше, он придет, и все начнется снова. Но ночь уходила так же, как и пришла — безмолвно и тихо, свеча оплывала, а мужчины все не было и никто не крался по темному коридору, как бывало. Прежде эти крадущиеся, вороватые шаги и перешептывания лишь раздражали женщину, теперь же она ждет этих шагов с упованием, словно с ними могла возродиться в ней тщетная надежда на приход мужчины. Но нет, не слышны даже эти крадущиеся вороватые шаги, и женщине мнится, что вся огромная крепость опустела, все ушли куда-то, оставив ее в полном одиночестве в этой глухой и угрюмой келье. При мысли об этом женщина становится еще более беспомощной и вдруг превращается в ту позабытую маленькую девочку, которая, забившись в темный угол, безнадежно ждала смерти, но вместо смерти в комнату вошел юноша, принесший ей счастье. Вот и теперь женщина, забившись в темный угол, ждет, когда откроется дверь и войдет тот юноша, но запертые двери не открываются, никого не видно, все подевались куда-то... Женщина идет к двери, прикикает к ней ухом и, треща и плача, долго, очень долго прислушивается, не нарушит ли какой-либо звук тишину, водарившуюся в башне. Но тишину ничто не нарушает, и женщина с опаской, не как полноправная хозяйка этого дома, а как изготавившаяся к побегу воровка, открывает дверь. Дверь скрипит, и женщина вздрагивает, как застигнутая на месте преступления. Теперь она, замерев, стоит возле открытой двери, ожидая, когда придет жестокий надзиратель, дабы вновь водворить воровку в ее горькую темницу. Но в коридоре по-прежнему ни души, и дрожащая рука женщины открывает дверь пошире. А в коридоре ни звука. И женщина, напуганная этой тишиной гораздо больше, нежели ожидаемым грозным стражем, вновь закрывает дверь и идет к постели. Рухнув на постель, женщина плачет громко, навзрыд. И тут же к этому плачу присоединяется другой, доносящийся из соседней кельи. Это плачет мальчик, маленький Георгий Балиаури, сын этой жен-

щины, но в эти минуты женщина не в силах подняться с постели, выйти в соседнюю келью и успокоить плачущего ребенка. Теперь у женщины не осталось сил даже на слезы, и она вперяется в потолок кельи сухими глазами, объятая новой надеждой. Эта надежда вновь переполняет ее мгновенной радостью. И женщина несказанно удивляется, как это она до сих пор не обнаружила простейший выход из своего положения — закрыть глаза и уснуть! При мысли об этом женщина вспоминает самые счастливые мгновения возвращения мужчины, когда она, объятая сном, вдруг явственно видела склоненное к ней лицо мужчины, и это внезапно, неожиданно, безо всяких мучительных мыслей склонившееся над ней счастье заставляло ее забыть все обиды на свете... Женщина изо всех сил смыкает веки, но чувствует, что простой сон, долженствующий принести ей утраченную надежду, не идет к ней, и сон тоже подевался куда-то, куда-то исчез из этой опустевшей крепости, оставив ее наедине с собой и с плачем, упрямо призывающим ее из соседней кельи.

«Я боюсь этого человека», — сказала женщина, и голос женщины до сих пор звучит в ушах Георгия Балиаури. Эти слова мгновенно изменили все. Слова эти словно бы ворвались прямо в постель, превратив в лед жаркое ложе. До этих слов женщина была для мужчины всего лишь женщиной, обладающей несказанной и неизъяснимой силой. Женщина глядела на мир словно бы с фрески святого собора, и мужчину тянуло к этому собору, как к чистилищу. Но после тех слов женщина внезапно обратилась в колдунью и ведьму, ибо не задумываясь высказала вслух то, что точило сердце Георгия Балиаури с того самого дня, как он впервые увидел того, нет, не мужчину, а некоего юношу. Георгий Балиаури не помнит даже имени того юноши, а Хирчлой назвал его он сам, назвал опять-таки из-за страха, который проникал невесть откуда, и исток его был неведом, ибо страх порождался не телом этого пришлого чужака, а его духом. Да, это был дух, и дух этот бродил рядом с Георгием Балиаури. А то, что дух этот звался Хирчлой, и то, что Хирчла имел лицо, глаза, тело, не имело совершенно никакого значения, так же как и то, что он ходил, говорил, слушал и подчинялся... Георгий Бали-

ИЗ
111033

аури был человеком, сыном земли, и он упорно не желал видеть в Хирчле сатану, явившегося откуда-то из преисподней. Для него Хирчла был именно человеком. Этот человек был нужен Георгию Балиаури и все тут. В этом человеке было все то, с чем Георгий Балиаури боролся в собственной душе, боролся и побеждал в смертельной схватке. Слова же женщины: «Я боюсь этого человека», — отняли у Хирчлы человеческую простоту, внезапно вознесли его дух и объяли им всю вселенную. Хирчла как бы сделался всемогущим, и стоило только подумать об этом, как тут же рука Георгия Балиаури непроизвольно ползла к кинжалу. Балиаури овладела страсть уничтожать и покорять других. Чужой всемогущий дух он вновь должен был обратить в простого человека, а этого можно было добиться лишь простым взмахом кинжала, обычной смертью... Георгий Балиаури всячески избегал этой соблазнительной мысли, нет, даже не избегал, а попросту страшился ее. И чем чаще звучали в ушах его слова женщины: «Я боюсь этого человека», чем упорней, не спросясь хозяина, тянулась его рука к кинжалу, тем больше Балиаури искал спасения лишь в этом человеке, лишь в близости с ним обретая спокойствие духа. Вдали от этого человека Балиаури вновь и вновь видел в нем сатанинский дух, а простой смертный уходил в тень. Вблизи же дух этот оказывался смехотворным, всего лишь досужим вымыслом попов и баб. А рядом с Балиаури стоял жалкий перепуганный человек.

— Пей, — приказывал Балиаури, до краев наливая вино в чашу.

Хирчла послушно пил.

— Пей, — раз за разом настаивал Балиаури. Они пили без удержу, но, одержимые страстью во что бы то ни стало напоить друг друга, по-прежнему оставались трезвыми и люто ненавидели друг друга. Старейшина видел глаза Хирчлы, и глаза эти не были глазами запуганного человека. Это были глаза человека, хоронящегося в засаде, глаза, пожиравшие все, что попадалось им на пути, глаза, глядевшие куда-то вдаль, видящие изнанку происходящих здесь событий. Старейшина вышел на дозорную площадку башни и оглядел спящее селение. У селения был без-

мятежный вид и спало оно безмятежным сном. Кто сказал, что селение выросло, расправило плечи, раздалось на все ущелье? Селение по-прежнему было крохотным... И старейшина испугался, что селение из кожи вон лезет, цепляясь за нечто великое и делая себя, тем самым, посмешищем в глазах других. У этого крохотного селения не хватило бы духу даже на измену... И как только старейшина подумал об этом, селение тут же на глазах сделалось безобидным. Теперь все грехи селения сошлись в одном человеке, в единственном человеке, но старейшина еще не знал, кто тот единственный человек, та грешная душа, которая вечно преследовала его, не давая проходу.

Старейшина резко повернулся и вновь натолкнулся на тень Хирчлы.

— Вот он, тот единственный человек! — подумал старейшина.

— Кто этот человек? Что знаю я об этом человеке? — думал старейшина, не сводя глаз с маячившего во мраке Хирчлы. — Ничего, ничего я о нем не знаю... Откуда он взялся и почему оказался именно тут? Почему он покинул порог и крышу собственного дома? Почему он переселился в это чужое село, как изгой и отшельник? Отчего от стал доверенным человеком старейшины? Чем завоевал он безоглядное и безграничное его доверие? И вправду ли он спас старейшине жизнь, а если и спас, то зачем? В той яростной битве, где даже бог и то не разобрал бы, кто в кого стрелял, кто где умирал и кто кого спасал, человек этот, подойдя к Георгию, обратился к нему со следующими словами, нет, нет, тогда это были другие слова: я спас тебя... С той самой поры человек этот сделался вечным молчаливым спутником старейшины, и бог весть, благодарен он своей судьбе за подобную участь или нет. А может, он, подобно множеству смертных, загадывает наперед, чего-то ожидая в будущем?.. Чего ждет этот человек? Почему он столь терпеливо сносит свое одиночество? Кого он любит и кого ненавидит? Чему радуется этот человек и куда влечет его разум?.. Ничего, ничего не знает о нем Георгий Балиаури и все-таки шагает рядом с ним всю свою жизнь, целую неделю пьет и спит рядом с этим человеком, позабыв о жене и сыне, ибо он боится этого человека, который

уже поселился в его душе и плетет сети его страстей... Да, это тот самый человек, тот один-единственный человек, который вобрал в себя все зло и добро этого мира, который поселился в его душе, чтобы он никогда не забывал своего селения-мира, чтобы он не предавался самозабвенному наслаждению лишь в кругу своих близких, чтобы, взлетев в небо, он снова грохнулся на грешную землю, дабы пастись в земных грехах, как пасутся на лугу быки.

— И ты — чужой! — с яростью повернулся старейшина к тени Хирчлы и заглянул ему в глаза.

Теперь глаза Хирчлы выражали растерянность. Старейшина вырвал из ниши свечу и поднес ее к самым глазам покрывшегося потом и дрожащего Хирчлы. Свеча трепетала, дрожала, а в свете свечи трепетали и дрожали глаза Хирчлы.

— Да, и ты — чужой! — заорал старейшина и пошел по коридору. Потом он вновь ворвался в залу, схватил чашу, затерявшуюся в горах снеди, и приложился к ней.

Тень стояла тут же, терпеливо дожидаясь, когда последняя капля вина прольется в глотку старейшины и когда, наконец, опустеет огромная чаша.

— Пей! — рявкнул старейшина, вдребезги разбилая чашу о стену.

Хирчла проворно схватил другую чашу и опрокинул ее в себя. Чаша дрожала, вино, хлюпая, стекало на бороду и грудь Хирчлы.

Опустевшая чаша выпала из рук Хирчлы, как сорванная ветром груша, и черепки взлетели над каменным полом.

Они стояли и пошатываясь клонились друг к другу.

Вдребезги пьяный Хирчла, как только что чаша, рухнул к ногам старейшины.

Рука старейшины потянулась было к кинжалу, но вместо кинжала схватила свечу, поднесла ее к лицу упавшего, чтобы высветить его глаза. Хирчла был похож на тряпку, и старейшина переступил через него, как через мешок тряпья. Хирчла спал, и теперь старейшина презирал лишь самого себя. Он бежал по темному, пустынному коридору, и свеча трепетала в его руке. Стражник пересек коридор и спрятался в

нише. «Эй, кто там?» — крикнул старейшина, но никто не отозвался. Стражник растворился в нише, словно тень, и у старейшины полегчало на душе, ибо душой свидетель его яростного бега вряд ли дотянул бы до утра. «Эй, кто там?» — еще раз крикнул старейшина, словно желая убедиться, что коридор и вправду пересекла тень и что вокруг нет ни души. Вокруг ничто не шелохнулось, и старейшина вновь продолжил свой путь по темному коридору. Он шел, и свеча трепетала в его руке. Открыв дверь ударом ноги, он застыл тут же, на пороге. Обведя комнату свечой, он уставился на постель. На постели лежала женщина. Женщина спала... Женщина должна была встретить его у дверей, плачущая и трепещущая от ожидания, бессонная и измученная. Но вместо того чтобы мучиться, женщина сладко посапывала во сне... «Весь мир отдался блаженству...», — подумал старейшина, и весь мир, и в первую очередь эта сладко посапывающая на постели женщина, вновь сделались злейшими врагами старейшины. И его вновь захлестнули жажда отмщения и ненависть. Зачем он стремился к этой женщине, к этой колдунье, которая раньше него догадалась обо всем и раньше него, мужчины, проникла в истину? Что теперь могла дать ему эта женщина, кроме насмешливого презрения, вызванного его слепотой и глухотой, которых женщина никогда не сможет простить мужчине... Старейшина швырнул свечу на пол и прислонился к стене. «Женщина!» — заорал он, пугаясь собственного крика. Но женщину не надо было звать, падение свечи сдуло ее с постели, и она, вся в белом, с распущенными волосами, вытянув в темноте руки, пошла к нему. «Женщина!» — орал старейшина. А женщина, шаря в темноте руками, искала мужчину, вновь вернувшегося к ней, дабы возместить недельную муку, и теперь призывающего ее. Женщина, наконец, нашла мужчину, прислонившегося к стене, и, как распятая на кресте, раскрыла объятия, дабы припасть к нему и вьявь ощутить истинность его возвращения. Мужчина обнял женщину, и женщина почувствовала, как пылает его тело, как сверкают во мраке его глаза, как трепещут его губы, шепча: «И ты, и ты тоже чужая». Но женщина, не слыша этих слов и не улавливая их смысла, ни о чем не догадывалась. Мужчина ка-

зался женщине всего лишь пьяным, наконец-то вернувшимся к ней после шести дней непрерывных возлияний. И простое это возвращение женщина встретила так же просто, как и всегда, так же просто искала губы и глаза на замерзшем лице мужчины, так же просто тянула его к постели, шепча: «Иди... засни... ничего не бойся...» Но мужчина, не подчиняясь ей, все более настойчиво, все более явственно, громко и зло твердил одно и то же: «И ты, ты тоже чужая, женщина, все вы чужие!»

— И ты тоже чужая мне, женщина! — заорал мужчина, отталкивая женщину.

— Убирайся вон, говорят тебе, женщина! — орал мужчина.

И когда женщина, разворошив золу в очаге, зажгла фитиль, в неровном свете фитиля она увидела другого мужчину! У этого другого все было прежним — прежнее лицо, прежние глаза, прежние, сильные как клещи руки, на которые женщина никогда не могла смотреть равнодушно. Но в эту полночь в женской обители, возле ее постели стоял все же другой мужчина, и женщина испугалась этого другого мужчины. Осторожно накинув на голову шаль, она, вся дрожа, приникла к стене, и вот так, держась за стену, и то и дело спотыкаясь, нашарила дверь.

Когда мужчина вышел в коридор и огляделся, женщины нигде не было видно. Мужчина не подумал ни о чем дурном, теперь ему было вовсе не до размышлений, и он так и не догадался, что означал этот опустевший темный коридор. Мужчина медленно побрел по коридору и остановился возле кельи кормилицы. Осторожно толкнув дверь, он смущенно застыл на пороге. Погруженная в дремоту кормилица чутко встрепенулась, услышав скрип двери, и спокойно повернула лицо к мужчине. Ей было не привыкать к ночным посещениям этого человека. Отец ребенка не раз открывал так дверь кельи и, не спросясь, шел прямо к постели сына. Вот и сейчас кормилица вскочила на ноги и отошла в сторонку. Мужчина подошел к постели, сдернул с мальчика одеяло и впился в него глазами. Привольно раскинувшийся в своей постели ребенок забелел во мраке. Мужчина рухнул на постель. Мальчик проснулся и заплакал. Мужчина, подобно

огромному черному буйволу, мусолил мокрыми губами маленького, плачущего мальчика...

Как раз в это время и пришла ко мне женщина! Стоило ей подойти к двери, как я тут же поднялся и пошел ей навстречу.

Я ждал прихода этой женщины.

Женщина эта давно не приходила ко мне и я знал, что она придет непременно.

Я стремительно распахнул дверь, но, не успев даже как следует осмотреться, услышал голос женщины, ворвавшийся в комнату, словно ветер:

— Я — чужая; отец мой! Посмотри на меня хорошенько, разве я не чужая!

В дверях стояла изможденная женщина с распущенными волосами и горящими глазами. Женщина и впрямь походила на чужую. Ничего не осталось в ней от той нежной, как незабудка, девочки, которую я увидел в первый раз, и даже от той светлой, как свеча, женщины, которая впервые переступила порог моего дома. Тогда была ночь и эта женщина принесла в мою келью несказанную, неизъяснимую радость. Сколько времени прошло с тех пор? Сколько дней или сколько месяцев? Что изгнало из глаз этой женщины тогдашнюю девичью кротость и что за искры сыплются теперь из ее разъяренных глаз? Что иссушило тогдашние простые и беспричинные ее слезы, что избороздило ее ланиты и лоб? Отчего дрожат ее руки, подобно крыльям грифа, готового к полету? И зачем она пришла ко мне в эту снежную, как и тогда, ночь — искать утешения или прибежища? Где теперь муж этой женщины и мой друг Георгий Балаури? И если он не ждет ее внизу, во дворе, знает ли он, куда ходит по ночам его супруга, с кем делится своими бедами и от кого ждет утешения?

— Оказывается, я чужая, отец мой! — дрожит женщина и, не спросив меня, направляется к стене, чтобы задуть единственную свечу. Теперь в темноте женщина может сказать без утайки все, что лежит у нее на сердце, сказать громко, отрезав все пути к отступлению. Я не вижу глаз женщины, и женщина окликает меня так, как окликают обычно во мраке, взывают в ночи, испугавшись этой самой ночи.

— Оказывается, я неверная и нелюбимая жена, отец мой!

Женщина на ощупь бредет к стене, приближается к ней и плачет:

— Зачем я пришла к тебе и в чем ты можешь помочь мне, отец!

Потом она поворачивается ко мне, и я вижу ее глаза во мраке:

— Я хочу верить тебе моего сына, отец, за тем я и пришла к тебе!

Женщина, протянув руки, идет ко мне. Я в испуге отступаю и тоже приближаюсь к стене. Женщина дрожа приближается ко мне и падает на колени. Я чувствую, как дрожащие руки женщины тянутся к моим коленям. До моего слуха доносится ее горячий шепот:

— Мне не на кого положиться, кроме тебя, отец!

Я нагнулся и поднял женщину. Потом в испуге отпрянул к стенной нише и вновь зажег свечу. Я обернулся и обмер: женщина походила на разгневанную тигрицу! Теперь тигрица стояла спокойно и хмуро взирала на меня. Слезы уже не лились из ее глаз — они иссыкли. Все в ней заледенело и окаменело. Предомной было уже не жалкое существо, а непреклонная женщина, пустившаяся в путь. Меня поразила сила женщины. Теперь ей было под силу совершить все, что угодно, совершить, даже не поведя бровью, без страха и без оглядки. И я мог отпустить ее со спокойной совестью.

Я стоял и с изумлением глядел на ее сильные, натруженные руки, не в силах выдержать взгляда ее яростных глаз. Я стоял перед женщиной согбенный и съезжившийся, а женщина, словно коршун, сверху вниз глядела на меня...

Мне понравилась решимость женщины, но она же и испугала меня.

— Прощай! — спокойно сказала женщина, и меня сразило ее холодное спокойствие.

Женщина быстро спустилась по лестнице.

Я бросился к двери, выскочил наружу и приглушенно крикнул:

— Куда ты бежишь, несчастная!

В ночи раздался ответный шепот женщины:

— И мужа своего я вверяю тебе, отец!
— Где искать тебя, куда прислать тебе, куда пошлю?
— озираясь по сторонам, чуть ли не крича!

А женщина, словно эхо, отзывалась в ответ:

— Трус твой друг, отец! Трус и тряпка!

— Поосторожней, несчастная!

— Мне уже не страшно, отец, я ничего уже не боюсь! — громко кричала женщина.

Женщина бежала, я бежал следом за ней, а между нами все больше и больше чернела и, словно туман, уплотнялась ночь.

— Вернись к отцу, вернись к своему очагу! — задыхаясь шептал я.

— Твой друг один, совсем один, отец!

— Ничего не натвори с собой!

— Ничего у него не осталось, один он, совсем один!

— Мы найдем тебя, так и знай!

— Я готова была умереть ради него, отец!

— Не теряй надежды, конец всего бывает счастливым!

— Если сын мой когда-нибудь спросит тебя, скажи, что я любила его отца больше всего на свете.

— За сына не тревожься, я буду беречь его лучше себя!

— Знаю, отец!

— Если меня допустят к нему!..

— Скажи ему, что я любила его, ибо он был сын моего отца! Что поделаешь, грешна я, отец!

— погоди немного, скажи мне еще что-нибудь!

— Оставь меня!

— погоди, говорю!

— Возвращайся обратно, иди своей дорогой!

— Подумай о себе, несчастная!

На рассвете мы нашли ее у подножия отвесной скалы... Лицо ее было покойным и нежным, покорным и безоблачным, как у спящей. Вместо вчерашней непреклонной женщины на мерзлом снегу лежала навзничь все та же маленькая женщина, которая в ту давнюю снежную ночь улыбаясь стояла на пороге моего дома. Как мог я поверить вчера в зрелость этой девочки? Что ослепило меня? Куда подевались ее сильные, натруженные руки и почему вместо них на

снегу разбросаны восковые тоненькие пальцы? Какой большой она мнилась мне и какой же маленькой она оказалась! Как я мог поверить, что грозная, словно тигрица, она выйдет на большую дорогу, переваляет девять гор и со временем начисто позабудет свою несчастливую любовь и свое горе? И куда могла пойти эта беспомощная девочка, в чью дверь могла постучаться со своей чистой душой? И как бы бросила она тут свою оплаканную любовь и своего первенца, который, оказывается, так был похож на отца и которого она так сильно любила из-за этого сходства! На мерзлом снегу она была совершенно одна. Никого не было поблизости. Она широко распахнула объятия, словно желала заключить в них все облачное небо. Сломанные ее ноги подобно корням дерева ушли в пористый снег. Крохотное пятнышко крови, словно слеза, замерзло на ее щеке.

Шагах в двадцати от нее, понуря головы, стояли стражники. Никто из них не осмелился подойти ближе, никто из них не осмелился даже взглянуть на женщину.

Завидя меня, стражники всколыхнулись и распались на две группки.

Я прошел между ними и поспешил к женщине. Я нагнулся и прикрыл подолом платья ее окоченевшие колени.

— Вырыйте могилу! — крикнул кто-то.

Я оглянулся — возле стражников вырос Хирчла. Могилу вырыли во мгновение ока.

Двое юношей осторожно подняли труп, завернули его в бурку и положили в могилу.

Потом юноши отошли в сторону и безмолвно склонили головы.

Я взглянул на юношей. Они все поняли и покорно отступили назад.

Теперь мы были одни — я и та женщина.

Я взял в руку горсть земли, бросил ее в могилу и отвернулся. Потом стоял и слушал, как могила наполняется землей.

Когда все было кончено, я огляделся по сторонам. Хирчла по-прежнему стоял, склонив голову. Юные стражники терпеливо дожидались его.

Я прошел мимо Хирчлы и остановился.

- Где мальчик? — тихо спросил я.
— Не знаю! — ответил Хирчла.
— Но кто же тогда знает?
— Не знаю!

Опять пошел снег. Я шел весь в снегу. Вокруг никого не было. Я шел и въявь видел вчерашние разъяренные глаза женщины. Потом перед моими глазами возник вдруг старик, покорно бредущий дорогой смерти. Старик глядел на меня и улыбался. Снег падал мне на голову, плечи покрылись крупными белоснежными хлопьями. Хлопья постепенно тяжелели, и снег, лежавший на моих плечах, превратился в тяжелый груз. Это уже не был снег, это был тяжелый груз годов, и старик тот не был для меня стариком. Бредущий дорогой смерти, он был моим ровесником, отягощенным таким же, что и я, грузом. Я понял, что этот тяжелый снег никогда уже не растает на моих плечах, волосах и бороде. Я огляделся. Среди безлюдных скал не было ни единой души, кроме меня. Все было погребено под белым снегом, все отяжелело под грузом годов... Сколько минуло лет? Ведь еще вчера я и мой друг Георгий Балиаури взобрались на вершину хребта, впервые взглянули на селение издали и впервые подивились его малости. Ведь еще вчера мы были детьми. Где теперь то детство, где теперь Георгий Балиаури? Сколько воды утекло с той поры, как я даже в глаза не видел его, даже не слышал его голоса? Может, и он чужой уже, и ничего не осталось в нем от того мальчика, который некогда звался моим другом. Где Георгий Балиаури? — спрашиваю я того узкоглазого, замерзшего и вечно заглядывающего в преисподнюю человека, который, подобно близкому другу семьи, стоял давеча возле могилы. Я ничего не ведаю об этом человеке, не знаю, кто он и чего хочет, зачем он пришел сюда и куда собирается отсюда, что он принес нам и что собирается унести с собой. Я уже ничего не знаю... Я только вижу, как передо мной, подобно реке, течет повесть, стремительно приближаясь к своему концу. Далеко ли до конца? --- не спрашиваю я у этого человека, пришедшего ниоткуда. И если даже спросить, он все едино спокойно ответит мне: не знаю!.. Да, да, никто ничего не знает... Где Георгий Балиаури — спрашиваю я у гор, зная

111
35340
3122
011033

заранее, что вопрос этот ребячлив и глуп. Моего друга Георгия Балиаури поглотили эта высоченная башня и неприступная ограда. Человека нигде не видать, ни в действительности, ни в моих мыслях, ибо я забыл лицо Георгия Балиаури, мне уже не знаком Георгий Балиаури, и если я все же думаю о нем, то перед моими глазами возникает не человек, а эта угрюмая высоченная башня, обнесенная неприступной оградой. А человек заперт где-то в черноте, недоступной глазу.

Я отворяю дверь и вхожу в дом.

Я вошел и тут же в испуге отпрянул назад, словно над головой моей занесли кинжал. Комната перевернута вверх дном, бумаги разбросаны повсюду. Видно, кто-то только что ушел отсюда!

Да, чуть не забыл, о чем думает теперь мой друг Георгий Балиаури? Почему позабыл он о своем последнем долге, почему пожалел горсть земли для той, что любила его больше всего на свете? И что он нашел на этой грешной земле ценней и больше преданной любви? Кто разбросал эти бумаги, кто устлал ими пол? Кто поспешно сбежал отсюда? Кто шарил грязными руками в моей душе? Кому не терпелось узнать, что поверил я этим бумагам в долгие и бессонные зимние ночи? Ведь мой постоялец, слонявшийся по темной келье и, дыша мне в самое ухо, заглядывавший в мои бумаги, был до сих пор невидим и бесплотен. Теперь он, наконец-то, вылез из своего темного угла, бесцеремонно копался в моих бумагах, одни из них забрав с собой, другие выкинув, а третьи просто предав огню. А после он исчез так же воровато, как и появился. Исчез с наглым бесстыдством победителя, исчез, даже не удосужившись стереть следы своего присутствия. Ему надоело скрываться, теперь он перестал быть невидимкой, теперь у него свои лицо, цвет и плоть...

Хватит! Теперь и вправду все кончилось... Мне уже нет места в этом селении!

Я накинул на плечи бурку, одел на ноги шерстяные носки, обулся, нахлобучил на брови пастушью шапку и, прихватив с собой посох, вышел наружу. Селение словно бы вымерло. Ни возле моего двора, ни на площади нигде не было ни души. Селение как

будто закрыло глаза, притворилось глухим, давая мне волю и отпуская на все четыре стороны.

Снег перестал. Небо очистилось. Звезды на небе, над горой взошла луна, осветившая селение словно бы днем, и я прошептал:

— Прощай, селение!

Я попрощался со своим детством...

Я бежал, и за спиной моей не оставалось ничего. Мое детство умерло, и теперь я бежал сломя голову, словно бы враг неся за мной по пятам. Селение становилось мне врагом или попросту закрывало глаза и отходило в сторону, как тот старик, который на следующий день кротко побрел дорогой смерти.

Я одолел подъем. Еще немного, и я оказался на вершине того хребта, где много лет назад стояли я и мой друг Георгий Балнаури, с изумлением взирая на наше крошечное селение, прилепившееся к подножию хребта. Нет, это уже не было крошечное селение. Селение выросло до невероятных размеров, вобрав в себя добро и зло целого мира.

Как бы в ответ на мои мысли прогрохотало ружье. Пуля пролетела рядом и где-то затерялась. Горы вокруг всполошились: тысячи хребтов одновременно посылали в меня тысячу пуль, которые бесследно исчезли где-то. Я замедлил шаг и остановился. Какое-то злое упрямство заставило меня окаменеть. Передо мной словно бы стоял мой друг с ружьем на изготовку, и я терпеливо ждал, когда он выстрелит во второй раз...

Я хотел, чтобы он выстрелил!

Но друга моего нигде не было видно, вокруг не было ни души, и вторая пуля явно запаздывала.

Когда я пришел в себя, до меня донесся волчий вой. Я продолжил путь. Луна освещала дорогу. Звезды хладно мигали. Волки выли по-прежнему. Но человеку, не спасовавшему перед пулей, волки были не страшны. Я ничего на свете не боялся... Внезапно я остановился и оглянулся на пройденный путь. Селения было не видать. Вокруг высились лишь снежные горы, освещенные бледным лунным светом ледяные горы. Я уже не слышал ни волчьего воя, ни собственных шагов.

— Господи! — прошептал я, воздев к небу руки.

Прямо передо мной тропинку пересекла лиса. Она с изумлением взглянула на меня и равнодушно продолжила путь.

— Господи, дай мне отыскать истину!..

Какой из дней был настоящим — тот, когда мы с моим другом Георгием Балиаури впервые тронулись в путь, сотрясая горы самоуверенным жеребьячьим ржанием, или эта ночь, которая помимо моей воли гонит меня из затихшего селения, посылая вдогонку пули? Что делает теперь мой друг: вымаливает ли прощения у бога, стоя на коленях, потрясенный гибелью благоверной и раздавленный тяжестью грехов, или, словно раненый лев, мечется по своим темным кельям, как по дремучему лесу, в поисках последней жертвы? Да, его крепость похожа на дремучий лес, и сельский старейшина Георгий Балиаури зовет на помощь, заблудившись в том лесу. В пустынных коридорах нет никого, все попрятались по темным углам, все дрожат и трепещут, охваченные дурным предчувствием. Не видно и тени, которая столько лет неотступно следовала по пятам за Балиаури, стоя у его дверей даже тогда, когда человек не принадлежит не только миру, но и себе самому... Это было давным-давно. То время прошло. Теперь же человек остался совершенно один, лицом к лицу с этими стенами, с этой башней, с этим неблагоприятным и беспомощным селением. «Никто ничего не простил мне», — думает мужчина, в ярости натываясь на стены. Из соседней кельи доносится плач мальчика. Перепуганная кормилица что-то нашептывает ему на ухо, но все тщетно — никто не в силах утихомирить мальчика. И мужчине мнится, что отныне мальчик так и будет все время плакать, не умолкая. Мужчина не знает, что делать, кому что сказать. Он знает лишь одно — надо решиться и уйти отсюда, но он знает и то, что никогда не сумеет сделать этого, плоть его глубоко ушла в эту землю, словно арба со сломанной осью, а душе пока что не под силу отринуть плоть. Арба сотрясается, качается, обессилевшие волю изо всех оставшихся сил тянут ее вперед, но колеса крутятся впустую, арба не движется с места, а яма становится все глубже и глубже, постепенно втягивая в себя арбу... Старейшина взбирается на смотровую вышку и сверху смотрит на погруженное во

мрак селение. Нигде вокруг ни дымка, нигде не брезжит свет, нигде ничего не шелохнется. Селение мертво! Селение спит! Селение попряталось куда-то и старейшина едва крепится, чтобы не закричать, чтобы не оповестить селение, что еще не все кончено, чтобы не пробудить селение, погруженное в сладкую спячку, поднять его на ноги и повести за собой... Но куда? Он не знает и этого... Селение уже пробудилось. Уже прошло немало времени, как старейшина крикнул. Селение уже давно поднялось на ноги и сгрудилось вокруг старейшины, ожидая, что скажет ему старейшина, на какой путь наставит, на какие края прикажет совершить набег. «В поход, хотим в поход!» — горланит селение. «Вам нужен не поход, а добыча!» — кричит в ответ старейшина, и селение, пристыженное либо обиженное резкой правдой его слов, поворачивается спиной к своему старейшине. Где-то вдали грохочет гром. Это вестник весны. Первая лавина. Лавины тронулись, и пробужденное их грохотом, подбодренное приходом весны селение снова горланит: «В поход, хотим в поход!» Но старейшина уже не доверяет селению, на сей раз уже он поворачивается спиной к селению и входит в дом. «Селение спит», — думает старейшина, завидуя беспечному сну селения. Трепещет свеча в стенной нише, за сундуком скребется мышь, из-за стены вновь доносится плач мальчика и шепот всполошенной кормилицы. Старейшина идет к сундуку и опускается перед ним на корточки. Он никогда раньше не подходил к этому сундуку, опасаясь дотронуться до его замка, так же как и до отцовской сабли с серебряными насечками, висящей над очагом. Это материнский сундук, а внутри словно бы обитает запертый в нем материнский дух. Старейшиной все больше и больше овладевает страх, страх поглощает его, но он не только не стремится уйти от него, а жаждет еще глубже погрузиться в необъяснимый и таинственный мрак. Таинственный мрак заключен в этом сундуке, и старейшина одним махом распахивает дверь в этот мрак, берет свечу из ниши и освещает сундук. Из сундука выглядывает пустота, на дне его валяется лишь один-единственный недовязанный носок, пронзенный спицами, и маленький клубок черной пряжи. Старейшина в испуге захлопывает крышку сундука, и

пустота вечности, на мгновение выглянувшая из этого ящика, вновь погружается во мрак. Потусторонний мир, созданный в душе человека, вновь заключается в сундук, и человек возвращается в действительные стены, в настоящую башню... «Каким отважным, оказывается, был мой отец», — думает старейшина и тушит свечу. В темноте сундук блестит, словно луна, и старейшина не может оставаться в комнате. Открыв дверь, он выходит в коридор. В коридоре ни души, но старейшина знает, что пустота эта кажущаяся. Все здесь полно людей, но люди прячутся, издали со страхом следя за каждым шагом старейшины. Словно обнаружив какую-то истину, старейшина устремляется прямо к нише, наобум протягивает руку, и рука его извлекает из ниши дрожащего стражника. Стражнику широко раскрытыми глазами глядит на старейшину. «Не бойся!» — шепчет предводитель, но юнец, словно бы ничего не слыша, словно бы старейшина не произнес ни слова, словно бы юнцом овладела глухота, мелко дрожит, не сводя глаз со старейшины. «Не бойся!» — повторяет старейшина, но юнец по-прежнему ничего не слышит. Теперь старейшине должно бы оставить в покое этого юнца, выйти наружу и, вместо давешнего крика, обойти двор за двором, проулком за проулком, успокоительно шепча: «Не бойтесь», «Не бойтесь»... Но старейшина не делает ни шагу, с изумлением глядя на остолбеневшего юнца. И старейшина берет за грудки остолбеневшего со страху юнца и, словно чучело, вновь водворяет его в темную нишу. Коридор пуст, и старейшина медленно бредет по коридору. Но он знает, что в каждую нишу, словно чучело, вставлен остолбеневший стражник-юнец, как две капли воды похожий на этого. И каждый из них сопровождает его, старейшину, остекленевшими от страха глазами. В келье кормилицы по-прежнему плачет мальчик, и старейшину вдруг переполняет злоба на оглохшую кормилицу... «Вы что же, подохли? Эй, кто тут есть?» — орет старейшина, и его голос дробью рассыпается по всем кельям и покоям. И тут же за спиной старейшины вырастает тень Хирчлы...

— Вы что же, подохли? — орет старейшина.

Тень не шелохнется.

— Уймите ребенка! — кричит старейшина.

Тень исчезает, и в ту же минуту ребенок замолкает.

— Чертова кормилица, — думает старейшина, входя в келью и присаживаясь на тахту.

— Есть тут кто-нибудь? — орет старейшина.

Дверь осторожно приоткрывается, и тень Хирчлы застывает на пороге.

— Отведите ребенка к попу! — говорит старейшина.

— Поп сбежал! — шепчет Хирчла.

— Вернуть! — кричит старейшина.

Хирчла срывается с места, и теперь все коридоры и ниши шепотом передают по цепочке:

— Вернуть!

— Вернуть попа!

А старейшина, сидящий на тахте понуря голову, думает про себя: «Пусть убирается куда глаза глядят...».

Потом на старейшину наваливается дремота, и он падает на тахту.

В крепости тишина.

В полночь старейшина вскакивает и настезь распахивает дверь кельи.

У двери стоит Хирчла.

Старейшина тупо смотрит на остолбеневшую тень и тихо говорит:

— Приведите мою тетку Дудию...

Тень не шелохнется, и пораженный старейшина орет на всю крепость:

— Приведите мою тетку Дудию!

Из ниш высверкивают ошарашенные глаза стражников.

Мальчик вновь плачет.

Кормилица шепотом успокаивает его.

Тень склоняет голову перед старейшиной и тихо произносит:

— Дудия давно умерла...

«Все подошли, — думает старейшина и как подстреленный тащится к тахте.— Все ушли и все подошли. В живых никого не осталось. Живы лишь Хирчла и это селение!» При мысли об этом до слуха старейшины доносится отдаленный гул... Лавина тронулась! Первая лавина пошла с гор! Двери весны распахну-

лись! Сельский предводитель беззвучно зовет Хирчлу, и Хирчла тут же застывает на пороге комнаты.

— Готовьтесь к походу! — говорит предводитель.

Хирчла вылетает в коридор.

Предводитель останавливает его взмахом руки и говорит:

— Уймите ребенка!

Хирчла убегает, но утомленный старейшина чувствует, что теперь уже все равно, плач ребенка ничего не говорит ему...

Крепость остается далеко позади. Дорога ведет вдаль. Некогда по этой дороге бродило наше детство. Время уже стерло наши следы, детство навеки исчезло, и я не знаю, вернусь ли сюда когда-нибудь еще. Когда-нибудь еще, когда душа приготовится покинуть тело, когда жизнь выцедится до капельки и, ослабевшая, потянется к призракам былого. Тогда, хватаясь за соломинку, мы вновь выйдем в путь на поиски детства, точно так же, как однажды, нетерпеливые и возбужденные, ринулись мы на поиски зрелости. Ребенок бежит по своей тропинке беспечно и бездумно, ибо знает, что по тропинке этой ему доведется пройти еще раз много лет спустя. Но мы уже не дети и нашу душу гнетет предчувствие, что мы никогда больше не сможем пройти по этой дороге. Селение осталось далеко позади, и я уже не жду встретить врага на своем пути. Это дорога моего детства и даже волкам нет до меня дела. Последняя пуля уже послана в меня, и я, спасенный, иду своим путем. Тяжкий груз раздумий спал с моих плеч, вся горечь вышла из отверстой груди, и я, по-дружески обнявшись с ночью, запел. Подобная легкость души овладевает человеком после гнетущего страха. Гнетущий страх в полной мере проявляется только тогда, когда он уже позади, когда его уже нет, когда он превращается в воспоминание. Напрасно думал я, что ничего не боюсь... Страх, оказывается, жил во мне... Теперь же страха нет! Долгий и тяжкий день остался далеко позади. Грядет новый день... Я не знаю, что принесет мне новый день, но твердо знаю, что со старым покончено навсегда. Теперь я предоставлен себе самому, я одинок, одинок и свободен. В такую пору свободный одинокий человек, если к тому же еще и ночь, идет по лунной дорожке,

оставляя следы на снегу, а отовсюду несется волчий вой. Да, в такую пору человек начинает петь. Я иду и пою! Луна и звезды добродушно посмеиваются в себе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вначале было слово...

— Мор! — воскликнул кто-то.

Я стоял на лестнице своего дома, зная, что этим одним-единственным словом начинается конец. Конец подступил к нашей двери.

Благодарю тебя, господи, что ты вновь вернул меня сюда, вернул после многих лет, уже дряхлым и готовым испустить дух. Вернул, когда я не ждал ничего, когда детство мое, прошедшее здесь, потонуло в сумерках далеких видений. Вернул именно явлением моего детства, вернул тогда, когда я уже не думал даже о смерти, ибо я знал, что смерть придет так же просто и буднично, как приходит утро и как приходит вечер. Но однажды, давным-давно, я сказал ведь: не надо думать, что все кончилось, до тех пор пока останется хотя бы один день до кончины. Именно в тот день и случилось все, в один весенний день, когда дверь моей темной кельи внезапно распахнулась и ворвавшийся в келью свет ослепил меня.

Больше двадцати лет, а насколько больше, я и сам не знаю толком, уйдя от мира, уединившись, в стороне от суеты и страстей сего селения, не поднимая головы, корпел я над бумагами, освещенными светом свечи. Да, я жил жизнью истинного монаха. И призрак отца Стефанэ был самым частым гостем в моей темной келье. В беззвучных беседах с этим призраком, в раздумьях и суждениях проходили дни и годы. Я потерял им счет. Лето сменялось зимой, на смену зиме приходило лето. Монастырь жил в гробовом молчании, а вокруг него дышала пустыня. И все это тянулось до поры, пока не наступил тот день, которого я (да простит меня бог) ждал весь этот сплошной, долгий и бесконечный год.

На пороге комнаты стоял юноша!

Юноша был высок, строен и горделив. Брови у него были крутые, взлет, глаза — огненные. Рас-

шитая крестами джуба¹ ловко сидела на его фигуре, пестрые вязаные носки плотно облегли его мускулистые икры. Широко расставив ноги, он стоял на пороге и улыбался мне. Так просто улыбается лишь тот, кто не раз открывал двери твоего дома и переступал через его порог, кто знает тебя давно или кто верит в твое долгое ожидание. В мою тихую и темную, как могила, келью без предупреждения и спроса ворвалась сама жизнь — уверенная, убежденная в своей силе, здоровая, легкая и гордая...

Ее здесь ждут!

Но я никого не жду... Я не помню даже, откуда я сюда пришел. Мое детство начинается в этой темной келье и здесь же оно и должно кончиться. Я ушел от мира. И в нем нет мне места. Мое место здесь, а другого я и не желаю. Я даже не знаю, как живут в том, другом месте. Ничего тамошнего я не помню. Дверь моей кельи заперта, и лишь воля господня сумеет открыть ее, лишь посланнику божьему под силу открыть ее. Так почему же распахнута настежь эта дверь, почему стоит в ней подбоченясь этот гордый юноша и почему он улыбается?

«Я — Георгий Балиаури!» — сказал юноша.

Я трещца сделал шаг к нему навстречу и дрожащей рукой дотронулся до чуба, свисавшего на его лоб. Да, это был он... В дверях моей кельи стоял мой друг Георгий Балиаури. Мы лишь вчера удрали из села, теперь нас вернули обратно, и мы не знаем, что решит старый Мангия Балиаури — отец этого юноши и мой благодетель. Но мы счастливы и ничего не боимся. Да, мы и впрямь удрали, чтобы взглянуть с высоты на наше крохотное селение... Мы исполнили наше желание и уже не боимся никакого приговора! Мы уже мужчины.

«Я — Георгий Балиаури!» — повторил юноша.

«Я узнал тебя...» — сказал я, и гордый юноша рассмеялся. Я дотянулся до шеи юноши, притянул к своей груди его голову и припал устами к его лбу. Потом я целовал его глаза, щеки, руки... Потом я отходил в темный угол кельи и плакал. Потом я вновь возвра-

¹ Джуба — верхняя одежда горцев Восточной Грузии (хевсур, пшавов).

шался к юноше и прижимал к своей груди его сильные, огромные ладони. «Я знал, я знал, — шептал я, — я знал, что ты придешь...» Потом я пятился назад и вопрошал себя: не сон ли это, правда ли стоит в дверях моей кельи этот юноша или меня обманывает зрение, бог ли смеется надо мной или попросту ожили мои детские видения.

Я вспомнил снежную ночь и мать этого юноши, тайком пришедшую в мою келью. Пройдет время, и мальчик придет ко мне, подумал я тогда, в ту снежную ночь, но это произойдет не ночью, а ранним утром, после восхода солнца. Мальчик безошибочно найдет мою дверь, он будет один, но, как только он откроет дверь, я тотчас же признаю его, ибо в дверях, подбоченясь и горделиво подняв голову, будет стоять маленький Георгий Балиаури. Он придет без приближенных и сопровождающих, как приходят обычно в знакомый дом. Он придет смеющийся, уверенный и правый, и я привечу его так же просто и по-мужски, как и подобает его приходу... Да, тогда я думал так. Но теперь я уже не тот молодой мужчина и я не смогу встретить его по-мужски. Я старый монах — сморщенный, седой, согбенный и жалкий. И радость свою я могу выразить лишь слезами...

А юноша, и вправду улыбаясь, стоял в дверях.

— Мы должны пойти! — сказал юноша.

— Но куда? Куда мы должны пойти?

— Мы должны пойти в селение!

Юноша уже не смеялся и, помрачнев, по-прежнему стоял в дверях...

Да, видно, настало время отправиться в путь...

Теперь я здесь. Конец уже приблизился, и потрясенный концом юноша отыскал меня.

Я оглядываюсь по сторонам, пытаюсь найти юношу, но отыскать его в толпе невозможно.

Я стою и жду, когда на площади появится шут. Шут подмигнет народу, потом примется плакать, пытаясь развеселить толпу, потом станет кувыркаться и, наконец, грохнется оземь, но никто не засмеется... Но шута не видно... Правда, с тех пор прошло много времени... Шут умер! Но фокусник-то жив. Фокусник придет, положит орех в карман, а затем вытащит его из носу. Но и фокусника тоже не видать, с тех пор про-

шло много времени, и фокусник, наверное, тоже умер. Всё вокруг сделалось мне чужим. Чужие эти башни, кровли, ограды и заборы. Селение совсем не похоже на себя. Оно теперь больше смахивает на город-крепость. Улочки стали уже, народ — разношерстной, и все это вместе чуждо и непонятно мне. Народ не проявляет ни радости, ни горя, ни страха, ни любопытства. День солнечный, но кажется, что холодно и изо всех глаз светится холод.

— Мор! — это единственное, невесть откуда прозвучавшее слово, словно гром, раскатилось над головами.

Селение дрогнуло. Я ищу юношу, но юноши не видать.

Страх овладел селением еще до того, как раздалось это слово, но у страха не было имени. И вот теперь он обрел имя... Селение затихло, словно проглотив язык, селение задумалось, и в этих думах явно всплыло то, что произошло действительно, но о чем селение тогда не задумывалось, не придавая случившемуся никакого значения. Теперь же одно это слово раздуло значение всего происходившего, все приняло огромные размеры, к действительно случившемуся, увиденному собственными глазами прибавилось и то, чего не было, что селению лишь почудилось, но что, словно дрожжи, необходимо каждому событию, дабы хлеб события получился на славу.

Недавно через хребет перевалили какие-то люди верхом на лошадях, тащивших домашний скarb. Головки плачущих грудных младенцев выглядывали из хурджинов, переброшенных через крупы лошадей, обессилевшие женщины спотыкаясь брели за лошадьми. Чего только не везли они: дырявые мешки, котлы, глиняную посуду, кувшины. Но что было самым странным, люди эти никому не сказали ни слова, ни к кому не подошли близко, не отвечали даже на приветствия. Избегая человеческих троп и следов, обходя ущелья и родники, прошли они неприступными хребтами и перевалили по ту сторону...

Не прошло и двух дней после перехода беженцев, как в конце ущелья люди наткнулись на одного человека, лежавшего поперек тропинки и глядящего в небо. Сначала его звали издали, но тот не услышал,

потом люди подошли поближе и бросили в него камень, — вдруг он пьяный или уставший. Но человек и на этот раз не шелохнулся. Тогда люди подошли к нему вплотную и принялись осматривать. Человек был мертв! Видеть на тропинке мертвых случалось не раз, и это вряд ли кого удивило, но странным было то, что на трупе не удалось обнаружить ни пулевых, ни кинжальных ран. Человек лежал, словно бы совершенно здоровый, с широко открытыми глазами, уставившимися в небо. И это никого бы не удивило, если бы спустя два дня не случилось нечто еще более удивительное. И два дня спустя труп лежал в дремучем лесу нетронутым. Ни зверь, ни воронье даже не приблизились к трупу. А это не могло означать ничего иного, как наступления треклятого мора, о котором с самого утра пустил по селению слух кто-то, но кто, об этом никто ничего не знал.

Теперь селение припомнило еще одну историю. Не так давно один человек ходил покупать саблю в соседнее ущелье. На следующий день он вернулся напуганный и изумленный. Дома в селениях, оказывается, стоят нетронутые, но в них ни души. Селение снялось с насиженного места и куда-то подевалось. Человек тот обежал селение вдоль и поперек, и так и эдак звал хоть кого-нибудь, но онемевшее селение не отзывалось. Никто не подал голоса и не приходилось сомневаться, что повинны в том были вовсе не страх или нежелание покинуть дом. Просто все до единого жители покинули свои жилища навсегда. Да, селение припомнило теперь эту историю, но вспомнило и то, что тогда оно даже бровью не повело, селение то, дескать, чужое, а за чужое пусть чужие и отвечают. Тогда селение даже подсмеивалось над тем человеком, дескать, чего только не померещится спяну. Теперь же селение напрягало память, рылось в ней, перебирало и взвешивало каждое слово, но тщетно: никто не смог припомнить, кто был и куда подевался тот человек, видевший все своими глазами, вдоль и поперек обежавший селение и так и не доискавшийся никого. История эта все больше и больше окружалась ореолом таинственности, ибо не были обнаружены ни тот человек, ни тот, кому он поведал эту историю, ни тот, кто видел и того, и другого.

И все-таки тогда селение даже в ус себе не думая беженцы прошли по хребту, не подходя близко к селению; то покинутое селение, где будто бы происшедший мор, находилось в другом ущелье, в день ходьбы отсюда. По-настоящему селение всполошилось лишь тогда, когда след мора был обнаружен тут же, возле сельской площади, у подножия башен. Дня два назад у собак произошла драка. Собаки не раз дрались и в другое время, и селение, как обычно, разняло их палками. Но на следующий день одну из собак, которой в драке перепало больше других, нашли мертвой у подножия каменного постамента. Другие же собаки в страхе ежились по своим конурам. Как только их не звали, чем только не грозили, но выманить их из конур так и не удалось. Тогда селение еще не думало, что мор подобрался к ним, гнездясь в телах собак, тогда всех изумила лишь непривычность происшедшего, теперь же все скопилось, все встало на свои места, и слово, вертевшееся на языке у селения, было произнесено кем-то вслух.

Но кто был тот «кто-то»? Селение искало и его, но сказавшего это слово нигде не было видно.

Онемевшее от страха селение все еще не вспоминало о своем предводителе, к которому оно, в конце концов, должно было обратиться за помощью. Селение приберегало старейшину на крайний случай, как последнюю надежду, последнюю и безотказную. Селению еще не приходило в голову, что спасение его заключено в предводителе, не приходило до тех пор, пока над ним не выросла фигура правой руки и посредника старейшины.

Это был Хирчла.

«И этот постарел!» — подумал я и улыбнулся.

Хирчла поглядел на меня, но не узнал. Я было огорчился этому, но тут же предположил, что он меня и увидел, и узнал. О моем возвращении Хирчла должен был проведать непременно, если он и вправду был Хирчлой, а селение тем самым селением, которое я оставил здесь лет двадцать назад.

Хирчла не увидел меня!

Я подвинулся к нему поближе, но Хирчла все равно никого не видел. Он с холодными глазами оповестил селение о воле старейшины и умолк.

Селение загалдело, задние ничего не разбирали и, тесня друг друга, пытались выяснить сказанное в передних. «Он сказал — пусть кто-нибудь пойдет и узнает, что творится на свете». «Да, но кто же должен пойти?». «Пока неизвестно». «Коли так решили, видно и человека уже подобрали». «Погодите, потише вы, и все узнаете».

«Пусть пойдет кто-нибудь и разведает, что творится на белом свете...» — пока селение доискивалось смысла сказанного, другая, еще более грозная догадка потрясла его. У селения в эту минуту словно бы открылись глаза и то, чего оно не могло угадать из-за внезапного страха и растерянности, стало понятно ему сейчас. Одно-единственное это слово, брошенное без адреса и наобум, подобно слепой пуле, было произнесено устами этого человека. «Мор!» — крикнул этот человек, и слово это прозвучало ниоткуда так же, как ниоткуда явился этот человек.

Да, это был он, этот самый человек!

Это он крикнул то самое одно слово!

Устами этого человека с селением всегда говорил старейшина, особенно с тех пор, как старейшина удалился ото всех и поставил посредником между собой и селением этого человека. Для здешних мест человек этот был всем, и селению даже в голову не могло прийти, что устами его не говорил разум старейшины. Именно этот человек и крикнул: «Мор!» — и это был голос самого старейшины, старейшины, который всегда все знает лучше всех, с которого больше всех спрашивается и который думает за всех.

«Кабы знать, кого пошлют, кабы знать, кто пойдет», — трепетало селение, но желающих идти что-то не было видно. Люди, затаив дыхание, глядели то на Хирчлу, то друг на друга. Селение полагало, что идущий был уже избран, и теперь со страхом ждало, а вдруг идущий еще не избран, а вдруг выбор падет на кого-нибудь из них. При мысли об этом народ пятился назад, и площадь перед Хирчлой постепенно пустела.

Хирчла пристально взгляделся в селение, потом сошел вниз по лестнице и смешался с толпой.

Народ отступал назад, и путь перед Хирчлой пустел.

16035040
902-1010333

Тут же у ограды стоял один юноша, самый высокий и самый гордый среди всех. Хирчла остановился перед юношей и уставился на него. Юноша даже бровью не повел под тяжелым и пристальным взглядом Хирчлы — стоял и сверху вниз глядел на Хирчлу.

— Пойдешь ты! — сказал юноше Хирчла.

Из толпы выскочила женщина и рухнула на колени перед Хирчлой.

— Не посылай его, я сама пойду куда прикажешь! — выкрикнула женщина.

— Кто эта женщина? — спросил Хирчла.

— Мать этого юноши! — воскликнул старик.

— Я не могу идти против воли старейшины, — сказал Хирчла и, повернувшись спиной к женщине, пошел прочь.

При упоминании старейшины передние замолчали, а задние вновь зашевелились: такова, говорит, воля старейшины, сам старейшина избрал этого юношу. И пусть старуха заткнется и идет себе восвояси. Кто посмеет пойти против воли старейшины!

Женщина поднялась с колен, вытерла глаза, поправила покрывало, отряхнула с подола пыль, встала рядом с юношей и уставилась на толпу. Народ, повернувшись спиной к юноше и его матери, двинулся по домам. Площадь мигом опустела. Лишь юноша и его мать остались посреди площади, молча ожидая чего-то. А чего, они и сами толком не знали. Юноша должен был идти, но куда, как и когда, не знали пока ни этот юноша, ни его мать. Однако уйти домой они не решались, на то была воля старейшины, и уйти домой они и не имели права. Вот так и стояли они посреди площади, ничего не решив и не зная, к кому обратиться за разъяснением, ибо вокруг никого не было, все разбежались, опасаясь за свою шкуру.

Селение, попрятавшееся по домам, вздохнуло с облегчением: идущий найден и к тому же исполнилась воля старейшины. Люди уже не боялись, как давеча. Давеча они только о том и думали, как бы выбор не пал на кого-нибудь из них, как бы сохранить собственную шкуру. Теперь селение вдруг сразу расправило плечи, возгордилось, ведь селением сделался этот юноша — ладный, отважный, гордый. Селение мигом позабыло все свои страхи, словно их не было и в поми-

не. По мысли селения, теперь этот юноша и был селением. И мысль эта подбодрила селение, идущий был найден, и идущий этот представлял все селение и его мир. А селению только и осталось, что выразить свою радость вслух, вознести хвалу сыну селения, хорошо воспитанному отроку. Да что там, теперь даже идти невесть куда стало вроде бы полегче, и вызови посланец старейшины желающего еще раз, вполне возможно, что вслед за этим юношей пошли бы и другие. И притом не по чужой подсказке или принуждению, а так, по собственной воле, одолеваемые желанием отличиться. Если юноша вернется, то он будет лишь вестником событий, творящихся в мире. Селение поговорит о нем день-другой, а потом позабудет, словно бы его и не было. Но стоит юноше не вернуться, и селение сложит о нем песни, в которых и само селение, и его унижительный страх, и мольба той женщины, которая бросилась на колени перед Хирчлой, все это предстанет возвышенным и прекрасным.

Теперь же юноша и его мать в полном одиночестве беспомощно стояли посреди сельской площади, ожидая невесть кого. Песня пока что не слагалась.

— Выдать ему доброго коня, ружье, провизию и бурку! — словно удар колокола донеслось до сына с матерью, и они вздрогнули.

Вокруг по-прежнему никого не было видно. Селение словно бы вымерло.

К юноше подвели доброго коня, принесли ему ружье, провизию и бурку.

Юноша приторочил к седлу кожаную суму с провизией, накинул бурку, перебросил ружье через плечо, вскочил на коня и пустился в путь.

Женщина молча глядела ему вслед.

По площади вдруг затрусилла какая-то жалкая, облезлая собака.

Женщина подняла с земли камень и швырнула в нее.

Собака даже не обернулась.

Женщина села тут же, на площади, согнула колени, расправила на них покрывало и распустила волосы.

На пустынной площади осталась сидеть одна эта женщина.

Прошли три дня и три ночи. Женщина появлялась на площади снозаранок, садилась на том самом месте, откуда проводила в путь сына, и сидела так до поздней ночи. Пали хоть солнце, иди хоть дождь, женщина не двигалась с места. Сидела она молча, никому не говоря ни слова, а хоть бы и пожелай она заговорить, вокруг не было ни души. Селение схоронилось в башнях. Все боялись выйти на улицу. Селение ждало возвращения юноши, поехавшего за новостями, селение думало о юноше, но еще больше о вестях, которые он должен был привезти с собой.

В первый день селение мысленно измеряло путь, который предстояло одолеть юноше, почти безошибочно зная, когда и какую гору он должен был перевалить или какую реку перейти вброд. По мысли селения, юноша за день и ночь прошел ущелье, а утром, наездившийся и неспавший, вышел в долину. За день юноша обойдет галдящее село, завернет на базар и если не в тот же вечер, так утром третьего дня тронется в обратный путь. Юноша — отличный наездник, и, конечно, он успеет в ту же ночь вернуться домой... Эта была беспечная дума селения со своим беспечным концом. В конце этом не было даже намека на мор, мор оставался лишь злым воспоминанием и таял на глазах, как прошлогодний снег далеко в горах.

Но прошла уже третья ночь, а юноши все не было... Селение, хоронившееся в башнях и предававшееся пугающим мыслям, вновь высыпало на площадь. Затворническое ожидание теперь шепотом обежало двory и выплеснулось наружу. Селение с настороженным подозрением искало взором Хирчлу, именем старейшины пославшего юношу за вестями. Если юноша не вернется, а дело клонится именно к этому, Хирчла по доброй воле или по принуждению должен был ответить перед селением. Селение почувствовало сдвиг, трещинку. Из-под земли доносился какой-то глухой, отдаленный гул, предвещавший приближение крушения селения. Это предчувствие придало селению уверенности, и требование ответа было подтверждением его уверенности в себе.

Хирчлы нигде не было видно. Хирчла выжидал нужный момент для своего появления, он был мастером явления народу. Он прекрасно разбирался в людях и появлялся как раз тогда, когда нить терпения вот-вот грозила лопнуть. Пора эта настала в полдень, когда селение сперва начало глухо гудеть, потом повысило голос и, наконец, разом загомонило.

Появление Хирчлы утихомирило селение, но Хирчла ничего не сказал — он просто встал на ограду и поглядел на дорогу. Это означало, что Хирчла тоже ждет и, подобно селению, глядит на дорогу.

Притихшее селение, трепеща от страха и не смея вымолвить ни слова, тоже устремило свой взор на дорогу.

Солнце садилось, а юноши все не было видно. Юноша был неглуп, и если бы с ним не приключилась беда, четырех дней ему за глаза хватило бы на то, чтобы спуститься в долину, узнать новости и привезти их в селение. Теперь селение припоминало натуру юноши, на все лады взвешивало его повадки и нрав, но ничего не находило в нем такого, чтобы не думать о его возвращении с каким-то страхом и ожиданием беды. Юноша был осторожен, никому не доверялся с первого взгляда и душу свою первому встречному назнанку не выворачивал. Ни пьянка, ни женщины не сбили бы его с пути, ибо и того, и другого ему вполне хватало в селении. И чем больше селение думало о достоинствах юноши, тем больше обострялось подозрение о причинах невозвращения юноши.

Женщина по-прежнему сидела посреди площади, как раз там, откуда она проводила сына, сидела не шелохнувшись, так, словно была не живым человеком, а каменным изваянием. Наконец солнце село, изваяние встрепенулось, камень задвигался, женщина поднялась и направилась прямо к Хирчле.

Теперь Хирчла сидел, словно каменное изваяние, пронзительно глядя на женщину холодными, ничего не выражающими глазами.

Женщина подошла к нему, посмотрела прямо в глаза и спросила:

— Где мой мальчик?

Хирчла ничего не ответил.

— Где мой мальчик? — громче повторила женщина.

— Не знаю, — холодно проговорил Хирчла.

— Так кто же тогда знает? — крикнула женщина.

Хирчла встал, вырос над головой скрючившейся у его ног женщины и во всеуслышание заявил:

— Иди, спроси у старейшины!

Селение зашумело. Все вздрогнули одновременно и посмотрели в сторону башни старейшины. Этот человек, правая рука предводителя, так неуважительно тыкал пальцем в сторону старейшины, словно тот сидел тут же, смешавшись с сельскими стариками, такой же простой и доступный, как и все старики. Эти будничные слова «Иди, спроси у старейшины» сотворили первую, в глазах селения, трещину в величии и недоступности старейшины, старейшина спустился на землю и превратился в человека, к которому можно пойти, сказать что-то, просто пожаловаться. У человека этого были глаза, цвет, плоть, как и у всех остальных, и теперь он словно бы сидел и ждал, когда к нему пожалует его селение, когда оно поверит ему свои думы, подозрения и страхи.

Селение устремило взор к башне старейшины. Теперь держать ответ перед селением должен был тот человек, который, затворившись в башне, общался с народом лишь устами своего посредника, волей которого был послан юноша, который знал все, но не дал ответа еще ни на один вопрос. Ком подозрения сдвинулся и встрепенулся. Ком постепенно рос, набирался сил, креп и катился к воротам предводительской башни. Теперь на все страхи и подозрения селения ответ должен был дать сам старейшина, настала пора, пора ответа, пора встать лицом к лицу с селением и посмотреть ему прямо в глаза. Юношу послало не село, на то была воля старейшины. Правая рука выразила лишь желание старейшины, а селение покорно согласилось с ним, как уже не раз бывало и в прошлом. Кабы не старейшина, селению даже в голову не пришло бы посылать юношу. Оно попросту затворилось бы в башнях и вместо того, чтобы самому идти навстречу мору, замерло бы в его ожидании до поры, пока сам мор не нагрязнул бы к нему. А коль скоро мор и вправду на-

трянул бы, селение без колебаний снялось бы с насиженного места и подалось бы куда глаза глядят, схоронилось бы где-нибудь, пока и туда не пожеловал бы мор с оскаленными зубами и вострой косой. А потом, глядишь, в один прекрасный день мор исчезнет так же внезапно, как и появился, с тем чтобы когда-нибудь явиться вновь и вновь согнать село со своего гнездовья.

Селение гудело, и гудение это требовало ответа на вопрос: почему не вернулся юноша?

Но мало ли кто исчезал без следа?

Пока что селение беспокоилось лишь об этом одном юноше. Об исчезновении других селение еще не задумывалось. Судьба юноши, отправившегося за вестями, сделалась судьбой селения. Мысли о собственной судьбе озарили вдруг сознание.

— Почему не вернулся юноша? — спрашивало селение.

— Отчего не вернулся юноша? — возвращал вопрос селению Хирчла, возвышавшийся на ограде. И вместо ответа на вопрос сам ждал ответа от селения. Вопрос этот был произнесен вслух и хотя он походил на то одно-единственное слово, брошенное в пространство, произнесший это слово был уже известен. Произнесший был тут, на ограде, хотя и вознесенный над селением, но все же смешавшийся с ним. Теперь он ставил вопрос от имени селения, требуя ответа от других. Он говорил вслух то, что было у селения на уме, склоняя, тем самым, селение на свою сторону, ибо держать ответ должен был уже не Хирчла, а сам старейшина, затворившийся в башне. Сказать по правде, селение и само не знало толком, был ли у него старейшина, действительно ли жил кто-либо в той угрюмой башне, известной под названием башни старейшины.

А что если в башне жила лишь легенда, а сам старейшина давным-давно покинул бrenную землю и селение взывало к человеку, обретающемуся в небесах...

— Он — старейшина и он должен ответить нам! — крикнул Хирчла.

Так что же все-таки произошло, с чего бы так осмелел Хирчла? Почему не боится он затворившегося

в башне старейшины? Ведь предводителя страшилась не только здешняя округа, но и все окрестные ущелья. А может, и впрямь в башне осталась лишь легенда, а сам предводитель подевался куда-то? И где, в конце концов, тот человек? Почему он не выходит, отчего он боится селения, отчего заставил он селение позависеть страх и почтение?

Господи, помоги мне найти истину!

Впрочем, истина была проста: старейшина селения Георгий Балаури стал стар...

— На то он и старейшина! — вновь слышу я чей-то голос, и этот «кто-то» все тот же Хирчла, истинный Хирчла, сбросивший маску с лица. Человек этот угадал приближение конца, угадал, что настал тот один прекрасный день, которого мы все ждали с таким страхом. Это его день, и человек этот почувствовал, что время молчания кончилось! Расчетливый и выжидающий Хирчла уже не существует, он исчез, а это другой человек, вещающий от чужого имени, не уместяющийся в собственной шкуре, топающий по народу, как по взбаламученной реке, и меняющий русло этой реки.

— Да на что нам такой старейшина? — подхватывает возглас Хирчлы какая-то старуха, выскочившая из толпы. Селение воззрилось теперь на эту старуху, ожидая от нее откровения. Старуха опускается на колени, рассыпает по мостовой камешки и уголья и, истоиво бормоча, падает ниц. Народ задвигался, крохотное пространство, размером в ток, оставшееся вокруг старухи, постепенно сужается, задние проталкиваются вперед, передние, взявшись за руки, пытаются сдерживать напор волны. Старуха сначала бьется головой о булыжник, потом, приложив ухо к мостовой, к чему-то прислушивается, затем, задрвав голову в небо, внимает вещим голосам, доносящимся на сей раз с небес. Старуха бормочет, и народ знает, что наступил сокровенный миг: старуха общается с духами! Селение ждет, когда старуха спустится на землю и поведаст ему истину, теперь селение целиком полагается на старуху.

Старуха плашмя валится на мостовую, закрывает глаза и затихает. Селение, затаив дух, застывает над ней. Старуха недвижима, и общее молчание прерывает чей-то пронзительный шепот:

— Умерла!

— Умер! — вопит вдруг старуха, вскочив на ноги. Потрясенная толпа отпрянула назад.

— Умер! — вновь вопит старуха.

Женщины зашептались. Мужчины по-прежнему пятятся назад. Наконец какая-то женщина, осмелев, сдергивает с головы покрывало и, растрепав волосы, приближается к старухе.

— Тот юноша умер! — вопит старуха.

Кто-то закричал. Все оглядываются. Это мать юноши. Растолкав руками соседок, она вырывается из толпы, крича во весь голос, несется к башне старейшины, подлетает к воротам и что есть сил барабанит в них.

— Умер! — вопя несется за ней кликуша.

Захлебывающаяся в крике женщина барабанит в ворота, призывая кого-то.

Юные стражники стоят неподвижно, но и они уже не похожи на прежних окаменевших стражников — это обычные сельские юнцы.

Да, все перевернулось вверх дном.

— Умер! — продолжает вопить кликуша, барабанив в ворота кулаками.

Селение глухо ворочается, потом сначала несмело, а затем как сорвавшаяся с горы лавина несется к башне старейшины.

Все селение сгрудилось возле крепостных ворот и в один голос, словно режущее стадо, требует открыть ворота.

Я ищу Хирчлу. Хирчлы нигде не видно. Куда-то подевались и юные стражники старейшины. Крепостные ворота содрогаются и вот-вот рухнут. Женщины протяжно голосят, и среди этой беснующейся толпы невозможно уже разглядеть ни кликушу, ни мать юноши. Все перемешалось.

Внезапно во мне всколыхнулось злое чувство к этой беснующейся толпе: я не хотел, чтобы ворота открылись! Ворота должны остаться неприступными, каковыми они и были на протяжении многих лет, недоступными и священными для сельского люда. Если ворота отворятся, режущее селение ворвется в башню, требуя возмездия не только за посланного и невернувшегося юношу, но и за все без разбору, за всю злобу

16.03.20
010.01033

и ненависть, годами копившиеся в нем. Впрочем, злоба тут была ни при чем. Селению, ворвавшемуся в башню, уже не требовалась причина. Слепая сила все творит сама собой, сминая на своем пути любую преграду.

В сознании селения по-прежнему царил мрак, и мрак, подступивший к воротам, пытался открыть их. Для спасения же требовалось нечто иное, хотя бы одно слово, и слово это должно было грянуть над головой толпы громче грома. Но мне было неизвестно это слово. Я был беспомощен, и мне оставалось лишь одно — ждать и увидеть собственными глазами, что произойдет дальше. Было слово «мор», было слово «умер», и слова эти уже сделали свое дело. Из-за этих слов билось теперь селение о ворота старейшины. Третьего же слова было не сыскать, слова, которое смогло бы перекрыть остальные два, слова, которое усмирило бы ревущее селение и, в конце концов, озарило бы сознание! Я не знал, каково было это третье слово, что остановило бы эту лавину, захлестнувшую ворота, что утихомирило бы голосащих женщин, кроме явления спасителя. У содрогающихся ворот согласно ревело селение, и мне казалось, что рев этот ничем не заглушить.

Внезапно ворота поддались!
Селение вздрогнуло и сразу затихло.
В наступившей тишине глухо звякнул засов и ворота скрипнули.

Селение онемело.
Слышался лишь негромкий скрип ворот.
Ворота открывались нехотя, тяжело переводя дыхание. Наконец они отворились и застыли на месте.

Селение разом отпрянуло и замерло неподалеку. Башня с разверстыми воротами походила на зияющую пещеру. В пещере не было ни души. Словно чья-то невидимая рука тяжело распахнула ворота и оставила их так. Башня была пуста. Словно чей-то дух покинул эту пустоту, скользнув в отворившиеся ворота и растворившись в небесах. А в зияющей башне осталась лишь пустота времени.

Селение стояло в ожидании.
В темноте, как крохотная звездочка, блеснуло вдруг неяркое пламя факела. Звезда, мигая, приближалась шаг за шагом. С приближением света селение

отступало все дальше и дальше, и площадь перед крепостными воротами постепенно пустела.

Темная завеса пещеры откинулась, и старейшина.

У селения вырвался гулкий возглас и тут же стих.

Я закрыл лицо руками... Человек этот не был моим другом Георгием Балиаури! В проеме распахнутых ворот стоял дряхлый старик... В руках у него был горящий факел, и неяркий свет выхватывал из мрака его лицо цвета ржавчины.

— Господи, всевышний!

Дряхлый старейшина подошел к порогу, высоко поднял факел и, словно ничего не слыша и не видя, равнодушно выглянул за ворота. Так смотрит обычно человек, пробужденный от долгого сна, смотрит на всякий случай, чтобы потом, вернувшись, восвояси, вновь погрузиться в беспамятный сон.

А перед ним сопело селение, и тяжелый пар стлался над головами. Селение, проглотив язык, ждало, что скажет человек, которого оно давным-давно в глаза не видело и о котором оно знало лишь понаслышке. Перед селением стояла легенда, и окаменевшее от страха селение во все глаза глядело на воскресение легенды. Нет, человек этот не походил на человека, потревоженного шумом, пробужденного от долгого сна и стремившегося поскорее вернуться восвояси, дабы вновь продолжить прерванный сон. Человек этот слышал сопение селения. Пар, вылетающий из глоток сопящего селения, бил в его лицо цвета ржавчины, освещенное неверным светом факела. Он вышел сюда именно ради селения и теперь стоял перед ним, словно раб, готовый сразиться с тигром, которого не раз побеждал в прошлом. Он ждал этого поединка, как неприятной, но неизбежной необходимости. Человек стоял и ждал, но тигр что-то запаздывал, и лицо человека принимало все более уверенное и к тому же насмешливое выражение. Человеку надоело ждать. Подняв факел повыше, он пошел вперед. Тот дряхлый, заржавевший старик, которого я увидел в темной пасти пещеры, словно бы куда-то исчез, и пред народом предстал истинный старейшина, которого все боятся и перед которым все, дрожа, отступают.

Старейшина окинул взором погруженное во мрак селение и продолжил свой путь. Пламя факела освещало его непреклонное лицо, на котором явственно проступали необоримое упрямство, стремление возвыситься надо всеми, жажда победы. Лицо это вызывающе глядело на селение, и чем дальше продвигался вперед старейшина, тем дальше отступало назад селение, словно в руках у старейшины мерцал не факел, а острый клинок и селение страшилось оказаться на острие этого клинка. Глаза старейшины сверлили селение, прокладывая путь в дотоле сжатой, как кулак, ошетилившейся и ревущей толпе. И расчлененное надвое селение с восторгом, страхом, почтением и покорностью колыхалось вокруг старейшины.

Старейшина остановился, и селение тоже окаменело. Селение и его старейшина, стоя лицом друг к другу, меряли друг друга взглядом, старейшина — довольный победой, селение же — поверженно, опозоренно, поникнув головой и безмолвно. Покоренное и поникшее селение как бы оплыло и растворилось в ночи. Площадь понемногу опустела, и старейшина остался один. Вокруг не было ни души. Старейшина опустил факел и направился к башне. Крепостные ворота тяжело захлопнулись. Старейшина исчез, словно ничего не случилось, словно все погрузилось в дремотные сумерки — и селение, и люди, и явление старейшины, и поражение селения.

Селение по-прежнему осталось во мраке. Внезапно вспыхнувший было огонь селения погас так же внезапно, как и вспыхнул. Однако я уже знал: величие старейшины затухало, как задремавший огонь, и вскоре обещало превратиться в пепел. Величие старейшины дышало на ладан. Величие это дало свой последний бой и в последний раз подавило глас селения, вырвавшийся из его груди, как подземный гул. Нет, это уже не был истинный старейшина. Истинным старейшиной был тот самый дряхлый старец, который показался первоначально в распахнутых воротах башни с трепещущим факелом в дрожащей руке. И факел пылал не так сильно, как виделось мне и как показалось селению. Факел походил скорее на оплывающую слабую свечу.

О, как живуча сила бывшего страха! Былой страх восторжествовал над селением...

Когда селение растаяло вокруг старейшины, и он остался совершенно один, мне почудилось, что он взглянул на меня. Я стоял тут же, чуть в стороне, не сводя со старейшины глаз. Это не было причудой, возникшей лишь в моем воображении. Он действительно увидел меня, но сделал вид, что ничего не заметил. Так прошла вся наша жизнь: он вечно стоял на возвышении, а я созерцал его со стороны, укрывшись в каком-нибудь укромном уголке, и по одному-единственному взгляду, невзначай брошенному слову, по обрывкам фраз восстанавливал картину события. Я хорошо знал старейшину, и картина эта получалась более или менее правдоподобной. Хотя гордость и не позволяла ему признаться в этом, он вечно ощущал мой внимательный взгляд, и, грешным делом, я даже думаю, что мои глаза, подглядывающие за ним из какого-нибудь укромного уголка, были просто необходимы для его жизни. Глаза мои нередко раздражали и гневили его, однако он был умен и всегда прекрасно понимал, что мой взор не был взором лишь стороннего наблюдателя. Даже хоронясь в темном уголке, я все же всегда был рядом с ним.

* * *

На следующий день спозаранку по селению разнесся новый слух: старейшина, дескать, призвал к себе Хирчлу, а Хирчла, впервые с тех пор, как, придя невесть откуда, поселился в селении, послушался старейшину, заперся в своей башне, даже близко не подпускал к себе людей старейшины.

И это событие явилось следствием того самого «одного дня», иначе никто бы не осмелился послушаться старейшину, тем более Хирчла, первый человек, который лучше всех знал все, что касалось предводителя. Однако именно Хирчла первым почувствовал наступление этого «одного прекрасного дня», первым почувствовал смену погоды, и годами копившееся ожидание мигом прорвалось наружу. Хирчла, сорвавший с лица маску, словно бы подбоченясь, стоял перед старейшиной. Сабля старейшины пока что покоилась в ножнах, и Хирчла спокойно выжидал. Старейшина был уже

стар, согбен и обессилен, Хирчла же — полнокровен, полон здоровья и вожделения, словно гриф, парящий над головой старейшины. По расчетам Хирчлы, наступил день, когда человек, полный здоровья и вожделения, должен был прибрать к рукам селение и править им в полном соответствии со своим умом и желаниями. Дряхлый старейшина был уже лишним, и как раз настал день избавления от лишнего человека. Этот день подготавливался давным-давно, а точнее с того самого дня, как человек этот явился ниоткуда, и может быть, еще раньше, когда в душе и плоти Хирчлы обосновался сатана, прошедший выучку во многих других душах и телах. Сатана не унимался, бродил, набирался сил и, не умещаясь в теле, искал выхода. Хирчла походил на амфору с вином, которая на протяжении всего этого времени была плотно закупорена крышкой. Теперь же крышка была отброшена, и сатана, собравшись с силами, освободился. Сатана никого уже не боялся, колесо раскрутилось назад, звезда погасла в неподобающее время.

Селение со страхом ожидало, что воспоследует за всем этим. Селение ждало Хирчлу, который, хоронясь мора или гнева старейшины, заперся в своей башне, выказывая тем самым непокорство и угрозу старейшине.

Селение было легковерным, и Хирчла прекрасно знал это. В его глазах селение походило на стадо крыс, а сам он был всемогущим котом, играющим этим стадом по своей прихоти. Надо было лишь знать, когда швырнуть то роковое слово, благодаря которому стадо слепо и очертя голову последует за тобой, начисто позабыв почтение, страх и любовь, годами лелеемые по отношению к другому. В таком случае старейшина остался бы в полном одиночестве и, оставшись в полном одиночестве, перестал бы быть старейшиной. В последнее время Хирчла еще больше утвердился в правоте своего предположения. Старейшина всегда был прав перед селением и ничего, кроме покорности, от селения не требовал. Он не страшился на свете ничего, кроме одной-единственной малости — потери предводительства. Хирчла был прекрасно осведомлен об этом страхе, благодаря которому он всю жизнь управлял старейшиной. Хирчла убедился, что пораженное

слепотой и глухотой селение верило лжи гораздо охотней, нежели правде, если ложь эта подсовывалась ему ловко и в подходящее время. Теперь как раз ^{пробил} час мора! Ложь была сказана ловко, и ловко ввернутое слово выбило селение из колеи. Распоряжаться же растерянным и потрясенным селением было проще простого. Старейшине было уже не под силу переубедить селение, оно и впрямь превратилось в табун, который, низко опустив голову, слепо и бессмысленно, с обреченным ржанием неся к пропасти.

Не знаю, как старейшина, но я-то прекрасно знал, что спасти ничего уже не удастся, пока конец (а он уже подступил к воротам) не откроет всем глаза и не воздаст каждому свою долю и участь.

В глазах дряхлого старейшины я все же уловил страх. Его величие, в который уже раз подавившее и покорившее селение, было лишь показным. Одно это слово «мор» ни о чем не говорило старейшине. Испугать старейшину одним словом, пусть даже слово это — «мор», было невозможно, однако ловко брошенное слово обратило селение в переполошенный табун. Кони неслись по степи, и не было в мире человека, способного обуздать обезумевший табун, вновь загнать его в селение, обнесенное оградой и укрепленное серыми башнями. Старейшина не узнавал селения. Селение стало иным и совершенно не походило на то, каким рисовал его Хирчла: покорным, бессловесным, почитавшим старейшину и боязливым. Да, селение походило на всполошенный табун, и если бы он не сумел вновь обратить его в селение со своими обычаями, терпением и покорством, конец был бы неизбежен, конец селения и всех старейшин — неведомых заранее, незримых в пору вознесения, невидимых для разума. Столь долгое затворничество превратило селение и его старейшину в чужих и непонятных друг для друга. События развивались и вскипали с быстротой молнии — сами по себе, без ведома старейшины. Размышления уже не смогли бы помочь старейшине. Уединение от селения и взвешивание происходящего на весах холодного рассудка перестало быть делом старейшины. Старейшина должен был включаться в происходящее... А ведь он прекрасно знал селение... Селение скоро-течно сходило с ума и так же скоро-течно успокаива-

лось. Страх мгновенно сменялся решимостью, а решимость — страхом. Селение бывало покорным и несобуданным. Для старейшины же главным было одно: любило его селение или нет, оно все едино должно было испытывать страх и почтение перед старейшиной.

Однако селение не было однообразным, как один человек. Селение было многоликим, многосердым, и трудно было сказать заранее, когда оно будет стойким и негибачаемым, а когда податливым, слепым и жалким. По разумению старейшины вечным был лишь страх. Страх всему придавал твердость, под воздействием страха все обретало форму и лицо.

Он был всегда правдив с селением, но однажды, совершенно беспричинно или на основании годами накопленного опыта, он понял, что не всегда следует идти к селению с душой нараспашку. Быть вечно правым в глазах селения было невозможным, но селение все едино было обязано думать и говорить, что старейшина всегда прав. Всегда говорить правду нельзя было хотя бы потому, что селение любило таиться само, подозревая в том же и других.

Селение рассуждало так: коли старейшина что-то скрывает от нас, значит он знает больше нас, а коли это так, то и дум, и забот у него больше, нежели у нас.

Понимал старейшина и то, что являться селению слабым было нельзя, в глазах селения он всегда должен был быть сильным. Селение не прощало слабости, перед силой же вечно склоняло голову в знак покорства, что было предвестником верности.

Селение изначально подталкивало к затворничеству и возвышению, ибо когда ты являлся ему, тысячи глаз постоянно впивались в тебя, и ты всегда был на виду, на возвышении, перед зрителем, и делать надо было лишь то, что можно делать перед тысячей выжидающих глаз. Так прожил старейшина всю свою жизнь, вечно на виду, вечно на возвышении, даже тогда, когда он был заперт в башне и, казалось, недреманное око селения не могло проникнуть взором сквозь толстенные стены. Он стоял так, как давеча над площадью, на возвышении, когда селение едва достигало главою его колен. И все свершилось имен-

но тогда, когда человеку надоело стоять на возвыше-
нии, когда, в конце концов, он понял, что ничем не
отличается от всех прочих смертных, когда он окинул
резвым взглядом всю свою жизнь и подошел было
к воротам, дабы открыть их. Но селение опередило
его. Оно само подступило к воротам и потребовало
открыть их. И стоило старику, перепуганному и дрях-
лому старику, готовившемуся вскоре предстать перед
богом, увидеть у своих ворот слепое, глухое, ревушее,
словно стадо, селение, как он тут же забрал свои сло-
ва обратно. Селение не простило ему измены легенде
и пожелало видеть старейшину таким, каким он был
в его глазах доньше. Селение не позволило ему сбро-
сить груз и потребовало, чтобы он преданно нес его
до конца. Впервые за многие годы настал светлый
день в жизни старейшины, но селение не одобрило
этот день.

Может, это и было первое пробуждение после дол-
того сна, первое даже после того дня, когда мы впер-
вые вышли за пределы села и, оставшись наедине с со-
бой, впервые ощутили себя людьми. Это было время,
воспоминание о котором вечно очищает душу челове-
ка, возвращая его в светлый мир детства. Впервые за
многие годы дряхлый предводитель пожалел селение.
Покорность и страх, которых он упрямо добивался от
селения, казалось, утеряли всякий смысл, и растроган-
ный старец возжелал любви. Любить же было уже не-
кого. Никого не осталось вокруг старца — ни жены, ни
ближних. Тогда старейшина призвал к себе единствен-
ного сына, уже взрослого Георгия Балиаури Младше-
го, и подробно поведал ему все. Поведал и испугался.
Юноша по-прежнему оставался отчужденным. Рассказ
не смог растопить в один день годами закаменевший
лед. Старик понял, что вновь потерпел поражение. Те-
перь перед ним стояло селение, желавшее и ожидав-
шее от своего дряхлого предводителя всего, но не люб-
ви. Старцу же нужна была лишь любовь, дабы пред-
стать пред очи господа с чистой совестью, дабы пре-
клонить колена и воскликнуть: вот она, жизнь!..

И именно в этот светозарный день, в день великого
откровения, явившегося ему с небес, настигло старца
то единственное слово, к тому же сказанное человеком,
к которому, в конце концов, сходились, по мысли старей-

шины, истоки всех бед. Все беды проистекали именно от этого человека, от этого чужака, у которого не было даже имени, и никто, кроме старейшины, не знал, да он взялся. Но его, тем не менее, приветили, приняли, воделились с ним хлебом насущным и даже вознесли. Все произошло именно тогда, когда старейшина с трудом обнаружил, наконец, исток всех своих бед, которые выражались в слепом и безоглядном доверии к этому человеку, в измене своему детству и в отрицании самого себя. Все перевернулось как раз в тот самый день, когда старейшина вознамерился сойти с возвышения, приблизиться к селению, смешаться с народом и побрататься с ним, когда он жаждал присесть на корточки, как приседает обычно добрый дед перед малышами, своими внуками и правнуками. Это светлое желание барахталось и трепетало в душе старейшины, подобно новой жизни. Однако старик еще не знал или знал, но старался забыть, что селение есть селение, и оно требует от предводителя лишь предводительства, что намерение сойти с возвышения и смешаться с народом было запоздалым и тщетным, что вокруг старейшины не могли собраться ни внуки его, ни правнуки. Вокруг него могло быть лишь холодное селение, которое тут же предъявит собственный счет, тут же потребует погашения всех долгов, но дать ничего не даст, ибо единственное чувство, которое оно испытывает к нему — страх, а страх мгновенно испарился бы, опустился он перед селением на корточки. Позади старейшины стояло лишь непроницаемое селение, которое всегда считало его чужим, избранным и отличным от себя. Старейшина вечно шествовал впереди, а за ним, на почтительном расстоянии, которое никогда не сокращалось, сгрудившись, вразброд шагало селение, спутанное как веревочный клубок. И как бы ни сплетался или разматывался клубок, старейшина все же всегда оставался один, как и подобает старейшине, как и подобает предводителю.

Я стоял в стороне и с дрожью ждал, как сложатся дальше судьба селения и судьба человека, которого селение избрало своим старейшиной и своим предводителем. Человек этот принес селению и благо, и зло. И теперь, раздавленный грузом годов и готовый к встрече

че с богом, он повернулся лицом к селению, трепетно ожидая отпущения всего, что вольно или невольно причинил он селению и что теперь, в пору явления предочи господя, будоражило его старость.

Я хотел, чтобы сельский предводитель с привычной неуступчивостью оглядел селение и твердым голосом, обычно присущим ему, сказал: доставьте мне Хирилу! И если он скажет это так, как говаривал уже не раз, и никто не осмеливался ему противоречить, то и теперь никто не посмеет возразить ему. И тогда юные стражники в мгновение ока приволакут Хирилу, чтобы швырнуть его к ногам старейшины, Хиричла поднимет голову и, обливаясь слезами раскаяния, вознесет руки к небу, но так как дряхлый предводитель будет стоять на высокой ограде, руки Хиричлы забарахтаются в воздухе, едва достигая колен старейшины. И вот так, с воздетыми руками, громко, во всеуслышание Хиричла воскликнет: прости!..

Но старейшина не простит его и именно поэтому он будет старейшиной, а не согнутым в три погибели под грузом бед стариком, которого никто уже не боится и к которому никто уже не испытывает ни любви, ни жалости, ибо раньше его лишь боялись. Старейшина поднимет руку, и селение обратится в слух. Хиричла, понуря голову, будет со страхом ждать приговора. А старейшина будет стоять все так же с поднятой рукой, не торопясь молвить слово. И Хиричла все так же будет стоять на коленях в тягостном ожидании грозного приговора. Да, приговор должен быть грозным...

Однако никто не призывает Хиричлу громовым голосом, и перепуганное селение не сводит глаз с крепостных ворот старейшины. Может, селение своим безошибочным чутьем угадало утренний порыв старейшины к бессильному старческому добру? Может, в глазах селения старейшина уже не был тем грозным человеком, в страхе перед которым даже орел и тот не осмеливался пролететь над селением, человеком, перед которым трепетали жители всех ближних и дальних селений? Может, от старейшины остался лишь раздавленный грехами, затворившийся в собственной башне, перепуганный и кающийся старик, порывающийся к бессильному благу? А может, Хиричла выкрикнул как раз то самое слово, которого больше всего и ждало се-

ление в ту минуту, и селение целиком перешло на сторону Хирчлы. Но старейшина, вместо того чтобы подробно расспросить обо всем, как и подобает мудрецу, повернулся к селению спиной и укрылся в своей башне. Селение теперь больше всего нуждалось в мудрости старейшины, а он вышел на ограду и, не произнеся ни слова, просто навис над селением.

А может, во всем было повинно одно-единственное слово, лишь это одно магическое слово, и кто бы ни сказал его — бесстрашный ли человек (таковым был в глазах селения Хирчла) либо затворник, беседующий с богом, или даже нищий пустынный, проковылявший через селение, — селение все едино проглотило бы со страху язык? Это одно слово и впрямь вечно вспугивало и будоражило селение, словно мелкие камешки разбрасывая башни и дома. Пораженное мором селение сразу, в беспамятстве срывалось с места и очертя голову, лихорадочно принималось искать убежища. А старейшина не сказал селению ни единого слова, ни единого слова надежды. Он вышел из ворот, высоко подняв факел, вынудил селение отпрянуть, а затем, разметав толпу, словно цыплят, исчез так же, как и появился. Его появление сказало свое слово и сделало свое дело, но лишь в то мгновение. Теперь же селению требовался ответ, селению требовалось слово, дабы сразить и позабыть то одно роковое слово, которое шепталось по дворам и перебегало от башни к башне.

Если бы в то мгновение я подошел к старейшине, оставшемуся в полном одиночестве, он поглядел бы на меня ледяными глазами и, повернувшись спиной, сказал бы: «Я не боюсь селения», словно ему до смерти надоели мои разговоры и уже давно известно все, что я желаю ему сообщить.

Я знал, что он и впрямь не боится, и поэтому поверил бы ему не колеблясь, ибо, бесстрашный и бесплотный, вечно стремившийся вверх и идущий против течения, он никогда не боялся остаться лицом к лицу с селением. Он верил лишь в свою правоту и, непреклонно стоя лицом к лицу с селением, забывал обо всем — о страхе и поражении, о слепой ярости селения и его всеядности. Он видел лишь свою правоту, правота эта венком венчала его чело, и ради этого венка

расступится в почтении. Появление старейшины все поставит на свои места, куда-то подевавшиеся глашатаи и приближенные вновь вернутся к исполнению своих обязанностей, юные стражники займут свои посты, и все мы очнемся от дурного сна. Но ворота не отворялись, и теперь где-то во мраке башни я видел хмурое лицо старца, его покрасневшие от бессонницы веки, померкшие глаза и губы, кривившиеся от гадливого презрения. Старец насмешливо взирал на всех нас, и я слышал его голос: «Вы все — трусы!»

И мне вновь хочется подойти к нему и сказать все, или не говорить ничего, кроме одного того слова, которого мы все с трепетом ожидаем в старости: помнишь? Но вдруг мне чудится, что человек этот ничего уже не помнит. Это другой человек, чужой, наудачу пришедший в селение и затворившийся в пустынной, безмолвной башне. И человек этот только о том и думает, от куда он тут взялся, зачем он в этой башне и куда ему уйти отсюда. От живых глаз того юноши, которые до сих пор мерцают в детской памяти, у этого человека осталась лишь горечь. Горечь эта была в них и тогда — невидимая для посторонних, она то исчезала, то появлялась вновь. Теперь в этих глазах вконец потухла жизнь и осталась одна лишь горечь. После памятного мне отрочества и до нынешнего одиночества человек этот прожил долгую жизнь. Своевольный мальчишка превратился в мудрого и могущественного предводителя селения. Глядя в лицо смерти, он не раз доказывал свою отвагу. Он все отдал селению, оставив себе лишь то, что необходимо каждому смертному — воду и хлеб, не больше и не меньше. Некогда старейшина убоился потерять предводительство, и с тех пор жизнью его правил лишь страх. Страх этот заставил его позабыть все на свете — жену и сына, близких и друзей. И вот однажды, уединившись ото всех и обуянный тщетностью всего сущего, он остался в полном одиночестве. Старейшина не помнит, что это был за день, да и невозможно обнаружить его в длинной веренице дней и ночей. А может, он вообще ничего не помнит и даже не думает о днях былого? Может, время навсегда стерло все? И если я просто приду к нему, как мнилось мне вчера, вдруг он с изумлением поглядит на меня и

спросит: «Кто ты, божий человек?» А я так и не сумею объяснить ему, кто я, чего хочу и откуда тут взялся.

Перед моими глазами одни только башни. Селения словно бы не существует. Ни селения, ни его старейшины не видать за серыми башнями. Старейшина непоколебимо стоит среди башен, вырастающих прямо из земли, и сам он похож на башню, дряхлую, изрытую бойницами, выдутую ветрами, высушенную на солнце и выцветшую, бездушную башню с полуразрушенными зубцами. А может, башня эта вовсе и не бездушна, стоит себе, скрестив ворота, и думает, думает? Башня жива, но нужна всего лишь одна молния, которая, угодив в нее, словно пуля, навсегда поразит ее в самое сердце? Может, мысли ее просты и будничны и совершенно не связаны с селением. Может, слово «мор» так и не достигло ее слуха, а если и достигло, ничего не говорит ей? А может, старейшина восседает теперь на своем коне и, возвратившись в детство, с улюлюканьем беззаботно подгоняет коня по узкой тропинке, совершенно не думая о том, что ждет его в конце тропинки? Стремление к неведомому миру торопит душу юного всадника, и она летит вперед вместе с конем. Нет, я не смогу пойти к нему, не смогу преградить путь его коню, чтобы остановить юного всадника. Если я пойду к нему и прегражу путь его коню, чтобы снова вернуть юного всадника сюда, в сердцевину селения, он взорвется, огреет меня плеткой за задержку, скажет: «Селение неблагодарно!» — и вновь продолжит свой путь.

«Ты тот, кто предал меня...» — Старейшина наказал Хирчле явиться к нему, дабы сказать ему это, но Хирчла не пришел. Судный день настал, и Хирчле было совершенно безразлично, что скажет ему старейшина, что завещает миру напоследок, каковы будут его слова перед тем, как отправиться в последний путь и отдать душу богу. Голоса старейшины не слышал никто, кроме башенных стен, все куда-то поразлетелись, оставив старейшину одного, с глазу на глаз со своими думами. Впрочем, старейшине не осталось высказать ничего, кроме ненависти, и ненависть эту он должен был высказать как раз тому, кто встал между ним и людьми, навсегда отгородив его от них. Старейшина понял, что людей сближает не только любовь, людей может сбли-

зять и ненависть. Он оглянулся на прожитые годы и гонял, что с того самого дня, как он впервые увидел того человека, и по сей, последний день, когда он призвал его, между ними была лишь ненависть. Так как же могли они быть вместе столько времени, как могли шагать рука об руку, как могло прийти в голову судьбе поместить их под одну крышу и делать одно дело — объяснить сие старейшина был уже не в силах. Да, этот злой дух распоряжался всею жизнью старейшины, дух этот наносил свои письмена на скрижали судьбы старейшины... Открытие это было настолько простым, что старейшина не обнаружил ни изумления, ни желания мстить. Что ж, коль скоро была жизнь, то необходимо должен был быть и этот дух. И слова: «Ты тот, кто предал меня» — старейшина собирался произнести просто так, как говорят друг другу люди обыденные слова.

Три дня ждал появления Хирчлы старейшина, корчившийся в постели от нестерпимого жара. Но никто к нему не шел. Лишь тогда, когда обессилевший старец поднялся с постели и дрожа направился к двери, дверь внезапно ураганно распахнулась настежь и голос Хирчлы, выросшего на пороге, словно гром раскатился по коридорам и закоулкам башни:

— Мор!

«Мор сморил старейшину!» — взлетел над селением голос Хирчлы, и все селение, сломя голову сорвавшееся с места, со стенаниями и причитаниями, плачем и ревом, словно река хлынуло к башне старейшины. Сгрудившись неподалеку, окаменев от предчувствия злой беды, селение не мигая воззрилось на башню, словно на старейшину, сжигаемого мором.

Закон мора с непреклонностью требовал повинования. Обессилевший от мора сельский старейшина должен был собраться и, поворотившись к людям спиной, безропотно удалиться из селения, дабы испустить дух где-нибудь подальше отсюда... Селение, оцепенело уставившееся на крепостные ворота, ожидало теперь лишь одного — исхода прокаженного. Источая пот, сверкая глазами и дрожа от возбуждения, селение целиком превратилось в ожидание.

Но в распахнутых воротах никого не было видно. Из ворот выглядывала лишь пустота.

— Пусть убирается! — раскатом грома взорвался в тишине голос Хирчлы, и тут же слова эти подхватили сотни глоток:

— Пусть убирается!

— Пусть убирается!

— Пусть убирается!

Слова эти разлетались с содроганием и трепетом, со страхом и ужасом, с угрозой и мольбой. Затем, подхваченные эхом, они расчленились, съежились и покатались по переулкам, башням и дворам.

Вновь запрудилась тишина, и в этой выжидательной тишине снова раскатился голос Хирчлы:

— Он не уходит! Он струсил!

У старейшины не было права трусить. Он был старейшиной и, как подобает предводителю, должен был собраться с духом и безмолвно, в полном одиночестве пуститься в свой последний путь. Человеку, равному богу, никто бы ни за что не простил даже минутной слабости. Человек этот до дна должен был испить свою чашу и до конца усвоить добро и зло, приписанные ему селением...

Старейшина струсил! И вся его суровость оказалась на поверку суровостью хлипкого, обычного человека! А перед лицом сломленной, напуганной и трусливой суровости селение захлебнулось от желания воздать должное. И селение, сплотившись как один человек, прорвало запруду и с ревом понеслось к крепостным воротам.

Но мгновение спустя селение, все так же ревя, задыхаясь и трепеща, отпрянуло от башни, словно сама смерть поджидала его в глухой келье, и, прорвавшись назад через ворота, затопило площадь.

Тишина объяла все вокруг.

И в этой тишине в распахнутых воротах башни появился старейшина.

Пред нами возник не мой друг Георгий Балиаури, а чужой дряхлый старик. И старец этот обессиленно, по-стариковски шаркая ногами, пойдет на нас. Селение расступится, дорога опустеет, и этот одинокий старец пойдет этой пустынной дорогой навстречу смерти.

Но старец стоит, глядя на селение беспомощными глазами.

Теперь я вижу лишь эти беспомощные глаза.

И не знаю откуда, то ли из глотки этого разгоряченного селения, а может, с небес громово раздаются последние и роковые слова:

— Забить его!

Господи, обрати на нас свой милосердный взор... Эти слова возвестили нам приближение смерти; и повесть, много лет назад начавшаяся в этих башнях, подошла к концу своего пути. А за концом нет больше ничего, за ним лишь пустота вечности... А ведь я и раньше с упрямой верой предчувствовал подобный конец, все словно бы было известно заранее, заранее нанесено на скрижали судьбы, и теперь от людей требовалось лишь разыграть эту повесть. Книга эта была уже прочитана мной — и начало, и конец этой повести были известны изначально. Образы, отчетливо возникшие предо мной, распаленные собственными страстями и неутоленными желаниями, неудержимо неслись к концу. Канва, вытканная моею мыслью, ни разу не подвела меня, и у меня не было иного выхода, как терпеливо ждать.... Я знал, что за чем последует, где запрудится река повести, где она прорвет преграду и где сорвется в пропасть. Но в любом случае конец был один, и я со страхом ждал этого конца...

Я не знаю, о чем думал мой друг Георгий Балиаури, когда эти роковые и последние слова: «Забить его!» — словно камни угодили в него; когда от пробдевшего всю ночь и растерзанного селения отделился некто и встал перед старейшиной с улыбкой, примерзшей к губам, и глазами, источавшими злобу, а затем, внезапно, с решимостью потянулся за камнем; когда за тем человеком, во мгновение ока, зажав камень в дрожащей руке, последовало обеспамятевшее селение. Я слышал лишь звук... Это камни бились в руках селения, словно малые колокола. Так о чем же все-таки подумал мой друг: испугался ли он потерявшего голову селения или же содрогнулся от презрения к нему? Принял ли он все безропотно или в груди его вспыхнул несказанный бунт? В ту минуту я не видел его глаз. Повернувшись спиной к селению, он так и застыл — спиной к селению.

Пока селение глядело в лицо старейшине, пока оно видело его старческие, спокойные, но все взве-

шивающие глаза, оно не осмелилось бы кинуть в него камнем. Камни, судорожно сжатые в руках селения, остались бы лишь сигналом тревоги, а потом медленно попадали бы на землю. Но то, что старейшина повернулся спиной, селение сочло за проявление трусости, теперь перед глазами селения маячила лишь бессильная и согбенная спина труса.

Эта мысль, словно молния, прорезала серую тучу селения, а затем все случилось само собой...

Передо мной стоял обливающийся потом, заискивающий мужчина с камнем в руке. Он с трусливой улыбкой глядел на старейшину, и дрожь била его худое тело. Так дрожит в ожидании неминуемой гибели или божественного чуда грешник, силой подтолкнутый к краю пропасти. Он дрожал, с мольбой глядя на проглотившее язык селение, которое в страхе перед пропастью незаметно пятилось назад в поисках выхода. И только трепещущий мужчина попытался было выронить камень из рук и с обреченным криком отскочить от пропасти, как с площади вновь раздался уже знакомый голос: — «Забить его!» На сей раз голос был писклявым и колючим. Кликуша, согнутая в три погибели у ног Хирчлы, растрепав волосы, подхватила его призыв. Обливающийся потом мужчина вновь судорожно сжал камень. Теперь глаза его блуждали где-то в пустоте. «Не бойся», — шептала подскочившая к нему кликуша. «Я не боюсь», — шептал мужчина, а в глазах его вновь промелькнуло вероломное любопытство труса.

Боже мой, эти глаза! Я узнал их... Столько лет спустя, после стольких дождей и снегопадов! Вокруг меня шипит тишина... Это шипение ветра пустыни... По пустыне мчится босоногая девочка в лохмотьях, а за ней с лаем несутся псы. Да, шипит ветер и лают псы. Я слышу лишь шипение ветра и псиный лай, и вижу лишь эти глаза, равнодушные, бессмысленные, тупые глаза селения, примерзшие к пустоте. И в глазах этих лишь одна-единственная крохотная страстишка, достаточная лишь для этого мгновения, для сиюминутного действия. Потухнет эта крохотная страстишка—и глаза безнадежно опустеют. Останется лишь пустота, а голоса эти рассеются в пространстве.

Но пока что не израсходована ни единая капелька этой страстишки, голоса не рассеялись в пространстве, и теперь до меня доносится голос юнца, трепещущего от вождения: «Голышом... голышом... голышом...» Жар пустыни сразу гаснет, но дрожащий от вождения юнец по-прежнему стоит передо мной. Теперь он, не сводя с меня глаз, карабкается по ограде моей башни. Народ гогочет, подучивая и подбадривая юнца. А мальчик все карабкается, не сводит с меня глаз и, потерянно улыбаясь, задышливо и вероломно шепчет: «Скидывай ясу, поп...» Да, эти глаза! Глаза, устремленные ко злу!

Вокруг вновь потемнело.

Открыв глаза, я обнаружил, что стою, прикрыв собой моего друга Георгия Балаури, и не свожу глаз с замешанного, словно глина, потного и растерянного селения. Того дрожащего, сжимающего в руках камень, обливающегося потом мужчины нигде не было видно. Вокруг зияла пустота. Не существовало ни мира, ни нас.

И в этой пустоте я ощущал лишь мокрую и теплую спину своего друга... Да, мы возвратились в детство... За моей спиной теперь дрожал тот самый мальчишка, который много лет назад, одержимый страстью познания, взобрался на вершину хребта и взглянул на свое селение, как победивший полководец на поверженный им город.

Теперь мы тронемся в путь и пойдем, пойдем...

Георгий Балаури разжал мои пальцы, высвободил руку и, не оборачиваясь, пустился в путь...

Лавина селения мигом окаменела.

Селение стояло, не сводя с меня глаз.

Селение, казалось, вчистую забыло о Георгии Балаури и теперь только и пыталось вспомнить, кто есмь я, чего я хочу, почему я вдруг ни с того ни с сего оказался посреди площади, заслонив собой друга, и отчего не свожу с селения глаз.

Звук падающих камней извлек меня из пустоты. В моих ушах по-прежнему били мелкие колокола, один за другим падая на землю. Наконец раздался надтреснутый звон последнего колокола и воцарилась тишина.

Селение повернулось ко мне спиной.

Я в полном одиночестве остался посреди площади.

По пустынной дороге брел Георгий Балиаури, согбенный, опустошенный, обуглившийся. А передо мной, повернувшись ко мне спиной, роптало селение, казалось бы, сжатое в кулак жаждой мести, но все же разобщенное, жалкое, подернутое мглой. Отчего селение побросало камни, почему не забило ими обреченного, осужденного на крушение идола, к которому оно не испытывало уже ни любви, ни страха? Неужели же его отрезвил лишь один мой взгляд, тот отчаянный затравленный взгляд? Неужели именно он заставил свернуть с пути готовое на все, беззаветно верящее всем слухам, терзаемое подозрениями, одинаково предрасположенное к добру и злу селение? Эта мысль овладела мною тогда и долго еще терзала меня, когда я размышлял о конце жизненного пути старейшины, а думал я о нем всегда — днем и ночью, под стылыми сводами монастыря и пред иконой спасителя, преклонив колени и благочестиво склоняя голову. Мой страх не мог испугать селение. Никто никогда не испытывал предо мной страха. И несмотря на это, селение все же побросало камни на землю и повернулось ко мне спиной.

Видно, тогда я и мой друг были селением, и селение испугалось себя самого.

А друг мой брел в полном одиночестве.

Окрест по-прежнему царила тишина.

И в тишине этой раздался напоследок чей-то голос: — Мор!

Я оглянулся и увидел возвышавшегося над селением Хирчлу.

И в то же мгновение раздался выстрел. Мимо толпы верхом на белом коне пронесся Георгий Балиаури Младший. Конь, заржав, остановился как вкопанный, потом взвился над площадью и был таков вместе со своим всадником.

Пока селение приходило в себя, я взглянул на то место, где по моему предположению должен был валяться Хирчла, повергнутый пулей Георгия Балиаури Младшего. Но вместо поверженного тела, среди груды золы и пепла валялась лишь старая бурка... Хирчлы словно бы и не было вовсе, словно бы сатана в его обличье шнырял повсюду, навязывая окружающему свою волю, словно бы у него не было ни лица, ни

плоти, ни прошлого, ни будущего, и эта невесть откуда взявшаяся тень исчезла так же, как и появилась.

Селение внезапно задвигалось, загудело. С криками и плачем, с проклятиями и причитаниями оно вдруг рассыпалось по дворам и башням, выгнало из хлевов скот, набило хурджины, перебросило переметные сумы через спины ослов, вытащило колыбели, завернуло в одеяла детей, связало постели, скатало ковры и, разлетевшись в щепы, распавшись на части, растеклось по лесным тропинкам. Селение прямо на глазах таяло и уменьшалось. Башни осели, дома съжились, а само селение, словно ласточкино гнездо, нахохлившись, вжалось в подножие хребта. Таково было наше село и тогда, когда мы впервые взглянули на него с вершины хребта. Это крохотное селение не смогло вместить в себя все добро и зло подлунного мира и теперь, горя от стыда, вновь ушло в подошву горы.

* * *

Георгий Балнаури, бредущий дорогой смерти, остановился возле забора одного дома.

На крыше дома маленький карапуз играл с кошкой. Хозяйка полола огород. Хозяин куда-то вышел. Хозяйский конь пасся тут же, на лугу. Теплый дым, стлавшийся над домом, смешивался с серым небом. Над очагом, булькая, варилось лобио. С луга шла корова, и теленок, протяжно мыча, ждал мать. В расслабляющей тишине приятно трепетало печальное и немудреное счастье семьи.

Увидев у забора нищего старца, хозяйка бросила тяпку и поспешила к калитке.

— Добрый вечер, — сказал старец.

— Да не обделит тебя господь своей милостью, добрый человек.

Старец стоял и смотрел на женщину печальными глазами.

— Пожалуйте в дом, добрый путник, гость в дом, бог в дом. Хозяин вот-вот вернется... — сказала женщина.

— Спаси вас бог... — ответил старец, — мне предстоит долгий путь.

Потом он повернулся и пошел прочь.

საქართველოს
ხალხთა ენის
სამეცნიერო
ბიბლიოთეკა

Женщина долго смотрела ему вслед.

Старец одолел долгий путь и вышел в пустыню.

В пустыне стоял могучий дуб.

Обливаясь холодным потом, старец рухнул на колени и прислонился к стволу дуба.

Здесь должен был встретить смерть мой друг Георгий Балиаури.

Я подошел поближе и стал ждать.

В его глазах брезжил лишь бессильный сумеречный свет.

— Помоги... — сказал он.

* * *

«И поведал я вам повесть свою от начала всего и поныне...» Так завершает повесть монах Гареджского монастыря Зосиме (в миру Матвей). Но легенда продолжается, легенда предлагает нам иной конец. В селении, где давным-давно случилась эта история, стоит теперь лишь пяток полуобвалившихся домов, и столько же стариков с обветренными лицами сидят на невысокой каменной ограде. Упершись подбородком в посох, глядят они вдаль погасшими глазами. Старухи сидят поблизости и вяжут носки. В кои веки пройдет тут, случается, какой-нибудь путник, остановится на минутку перевести дух и разговорится со стариками. И те охотно, в один голос поведают ему историю своего селения. А в конце скажут, что Георгий Балиаури и монах Зосиме и поныне еще бредут дорогой жизни, и поныне ищут друг друга и не могут найти. Хирчла где-то хоронится, и никто не ведает, в каком селении он объявится завтра или чье обличье примет на время. А юный Георгий верхом на белом коне еще давеча промчался по гребню хребта и вновь сгинул неведь куда... Старики надеются, что Георгий появится вновь...

Прошлое погребено в земле, но мы живем на этой земле и слышим глухой гул из ее недр... Это гудит прошлое, то и дело напоминая нам о себе.

Перевод Ушанги РИЖИНАШВИЛИ

ОТЧИЗНА

Тихой
Молчаливою любовью
Я люблю,
О, Родина моя,
Горные нелегкие дороги,
Гордые прекрасные края.

Знаю я:
Уйдя навек из жизни,
В ней я никогда не повторюсь...
Но не это,
Милая Отчизна,
Вызывает скорбь мою и грусть.

Русский читатель, знакомясь с поэтом Шота Кватарадзе, не может не почувствовать, что с ним беседует сдержанный,

волевой человек, чье сердце, говоря словами Роберта Бернса, всегда стремится в горы.

И это понятно. Высоко в горах — его Мтиулет, ущелье Белой Арагви, от Чартли до Млеты, Пасанаури, где он родился. А у слияния рек Белой и Черной Арагви, в домике дорожного мастера прошло его детство.

Шота Кватарадзе учился в сельской школе. Зимой здесь гудела чугунная печь и совсем близко, к самому дому, подходили волки.

Окончив факультет немецкого языка Тбилисского института иностранных языков, он возвратился в родное село и преподавал в школе, в кото-

Просто жаль —
Свои сыновьи силы
Не смогу уже тебе отдать,
Не смогу своей Отчизне милой,
Ей одной,
Служить и помогать.

Чордж, Чумлаки, Сончо да
Гвидаке¹...

Для чужих вы —
Странные слова,
Только для меня вы —
Свет во мраке,
Вера,
                кровь
                                и славные дела!

Тихой
Молчаливою любовью
Я люблю,

¹ Чордж, Чумлаки, Сончо, Гвидаке — названия селений.

рой некогда учился сам. В долгие зимние ночи он не спешил перелистывать книги Важа Пшавела, Бачана, Тедо Разикашвили — подлинных рыцарей благородного духа.

Поэзия — это жажда бессмертия и отчаянная борьба с забвением. Ко множеству стихов в грузинской поэзии, написанных в форме мольбы, прибавилась и «Мольба» Шота Кавтарадзе:

Повтори, всевышний,
                                повтори,
Повтори когда-нибудь
                                меня!
К новой жизни снова
                                сотвори,

Не гаси навек души
                                огня!..

В стихах Ш. Кавтарадзе оживает горное село, дрожит одуванчик, молчат и поросшие репейником и бузиной молеельни, и заледенелый колокол в древней колокольне. И вдруг... сверкнет в шерстяном хевсурском носке преломленный в водах Ардоти луч солнца, закипает гордая кровь охотника и ощущается его неизбежная, извечная вера в Гуданский крест. И во всех этих стихах чувствуется ритм времени, дыхание сегодняшнего дня.

Гиви ГЕГЕЧКОРИ

О, Родина моя,
Горные нелегкие дороги,
Гордые прекрасные края.

Нежное, святое, дорогое
Чувство в своем сердце берегу...
Лишь однажды встретившись с тобою,
Я с тобой расстаться не могу!

ЖИНВАЛИ¹

Пока еще
Здесь петухи кричат.
Пока еще
Арагви в старом русле.
И осыпается
Под ветром
Алыча...
Но сердцу почему-то
Очень грустно...

Идет, гудит
Упорная страда.
Размах работ
Ты остановишь разве?!
Соединит плотина берега
И остановит
Вечный бег
Арагви.

Все наново
Изменится вокруг...
И в ясном свете
Утренней лазури
Останешься лишь ты,
Мой старый друг, —
Волшебный контур
Древней Ананури!..²

¹ Жинвали — село в Грузии, где строится ГЭС.

² Ананури — старая крепость неподалеку от Жинвали.

МОЙ ПРЕДОК

По узким тропам
Снова ты идешь
В косматой бурке,
В чохе черной.
Ты песню непокорную
Поешь,
И эхо ввысь ее несет
К вершинам горным.

И первозданный снег,
Как легкий пух,
Ложится, невесом,
Тебе на плечи...
Мой славный предок,
Пахарь и пастух,
Да будет путь твой счастлив,
Человече!

Проходишь ты
Сквозь бури и века,
Любуешься красой
Родного края.
И поступь
Горделива и легка:
Идешь вперед,
Усталости не зная!

Мой гордый горец,
Предок мой и друг,
Твой путь в веках
Тяжел и бесконечен.
И первозданный снег,
Как легкий пух,
Ложится, невесом,
Тебе на плечи...

* * *

Свершилось!
Ты, моя подруга,
Моя любовь —
Моя жена!..

Но если б не нашли
Друг друга —
И ты и я?..
То что тогда?!.
Нет-нет!
Такое невозможно!
Нам это было суждено —
Пусть чуть пораньше
Или позже —
Тебя нашел бы все равно!
И все ж...
При этой мысли холод
Пронзает тело,
В сердце — дрожь:
Меня не встретив,
Став женой другого,
Ты с ним хозяйкой
В дом его идешь!..
Я радость жизни,
Солнце и весну
Узнал с тобой лишь рядом,
Дорогая...
Спеша к тебе,
Об этом размышляя;
Лаская встречные цветы,
Дурную мысль гоню:
Я твердо знаю,
Что это бы
Была не ты!

ОДНОКЛАССНИЦАМ

Ваша фотография с письмом,
Что прислали мне давным-давно...
Нежно вспоминая о былом,
Я смотрю как будто бы в окно.

Вижу тот далекий Новый год,
Тот, что вспоминал потом не раз,
Праздничный снежинок хоровод,
Беззаботный блеск веселых глаз...

Вы, друг к дружке ласково прильнув,
Стайкой шаловливых оленят,
Грациозно шеи изогнув,
Смотрите с улыбкой на меня...

Это было много лет назад:
Кажется, что вечность пронеслась!..
Через новогодний снегопад
В наше детство я шагнул сейчас...

Отшумела времени метель,
Праздничные банты унесла,
Возложив на выросших детей,
Взрослые заботы и дела...

Помню, как любили вы мечтать,
Строить замки выше облаков...
Где же мне теперь вас отыскать?
У каких домашних очагов?

Счастливы? Устали от забот?
Радуетесь детским голосам?..
Тот неповторимый Новый год
Я решил в стихах напомнить вам!

* * *

Мы должны навеки сохранить
В самой глубине души своей
Золотую солнечную нить —
Память наших самых светлых дней.

Будут дни без солнца, может быть,
В очаге погаснуть может жар...
Золотую солнечную нить
В жизни нелегко сберечь, Тамар...

Надо постараться навсегда
Чувство непогасшим сохранить,
Чтобы нам сверкала сквозь года
Золотая солнечная нить!

Я видел сон,
Как поднялась река
Зловонного губительного дегтя,
Как беспощадно залила она
Просторы улиц,
                                    площадей
  и скверов

Большого города
И потекла
К моей родной деревне...

Лавиной липкой,
  черной
  и густой

Заполнила зеленые поляны,
Опушку леса...
Повалила
Волной ленивой и неодолимой
Тот колышек,
К которому когда-то
Привязывал я легкого коня...

Испуганно собрал свои пожитки
Погонщик...
Пичужка,
                                    перепуганная,
  пискнув,
Куда-то,
                            вдруг сорвавшись,
  улетела...

Остановилась мельница
В испуге...
И лес дрожит,
Приговоренный к смерти...

Идет, течет ленивая река
Зловонного губительного дегтя...

Говорят, меняются на свете
 Русла рек,
                     погода,
                                     климат,
   ветер,

И в начале каждого пути
 Можно окончание найти...

Разрушает время бастионы
 Непрístupных некогда твердынь,
 Там, где град шумел во время оно, —
 Хмурое безмолвие пустынь...

Лишь одно на свете бесконечно,
 Словно солнце, льет свои лучи:
 К Родине любовь сияет вечно,
 Песней нескончаемой звучит!

С каждым годом мне она дороже,
 Все прекрасней, ближе и родней...
 Никаких знамен поднять не сможешь
 Выше стяга Родины моей!

Говорят, меняются на свете
 Русла рек,
                     погода,
                                     климат,
   ветер...

Только повторяю я вновь и вновь:
 Неизменна к Родине любовь!

МОЛЬБА

Повтори, всевышний, повтори,
 Повтори когда-нибудь меня!
 К новой жизни снова сотвори,
 Не гаси навек души огня!

Душу с плотью вновь соедини
 И прерви на время вечный сон!

К сердцу свою руку протяни —
Снова буду молод и влюблен!

Пылкой страстью снова одари,
Смелостью горенья и борьбы!
Дай мне сердце, верное в любви,
Радости и трудности судьбы!

Дай пройти по снежной целине,
Дай увидеть блеск полночных звезд,
Сотворить добро родной земле,
За нее поднять задравный тост!

Повтори, всевышний, повтори,
Повтори когда-нибудь меня!
К новой жизни снова сотвори,
Не гаси навек души огня!

Перевод Юрия АНОХИНА

РАССКАЗЫ

ЛАВИНА

Сначала все увидели, как что-то дрогнуло в графически четком рисунке гор. Потом метрах в двухстах от автобуса начал скользить по склону большой сугроб. И так плавно, будто по смазанному желобу. Когда сообразили, что это такое, в уши ударил тяжелый упругий звук.

Из ущелья, куда сошла лавина, поднялось облако снежной пыли, будто муку просыпали. Дорога была закрыта. Надо было ждать бульдозер, который уберет снег и камни с нашего пути. Уже спустившись обратно на Голубое озеро, все долго чувствовали озноб, и в голове вертелась в разных вариантах мысль: а если бы на двести метров левее?..

И еще: звук, ударивший в уши, был удивительно знаком. Где я могла его слышать? Ну, конечно же! Сколько раз я стояла у полотна железной дороги, пережидая поезд. Мимо грохотало нечто быстрое, горячее, увлекающее за собой. Потом в воздухе долго танцевали сухие листья. Поезд мчался, как лавина. Лавина — как курьерский поезд.

А потом, много позже, я слышала — грохот лавины сравнивали со звуком орудийного выстрела.

...В Сочи, на вокзале, томилось несколько студентов-туристов. Они что-то перекладывали в своих туго набитых рюкзаках. За ними внимательно наблюдал седоватый мужчина с орденской колодкой на пиджаке. Чуть ниже орденской колодки у него висела медаль «За оборону Кавказа» на порядком потертой ленточке.

Студенты опять завозились в рюкзаках, тихонько переговариваясь, стали извлекать из них коробки гильз, пустые обоймы, осколки.

Мужчина подошел к ним и глухо спросил: «Откуда это у вас?»

Худой очкастый парень с готовностью ответил:
«Нашли на Марухе».

Мужчина подержал в руках осколочную «рубанку» гранаты, покачал, будто взвешивая.

— Под Санчарским перевалом, пастух рассказывал, — продолжал студент, — лавина сошла как-то и притащила с собой станковый пулемет. Лента вставлена была.

— Лавина, она может... — Помолчали. — Я своими глазами видела лавину, — вмешалась я в разговор. — Как поезд пронеслась, и звук долгий, тяжелый.

Мужчина недоверчиво посмотрел на меня, я не обиделась. Откуда ему знать, что я — экскурсовод и езжу с туристами в горы. И спросил: «Как будто орудие выстрелило?»

Такая аналогия мне в голову не приходила.

— У нас, воевавших в горах, лавины вызывали сравнение не с поездом, а с орудиями. Вначале звук даже казался одинаковым, не отличали, бывало. А бывало и так: выстрел — и тут же лавина сойдет. На Марухе что было, не слышали?

— Про моряков? Читали, — почти хором ответили студенты.

— На Марухский перевал к защитникам прибыло пополнение — морская пехота. Несколько сот парней в огонь и в воду могли пойти. — Тут голос у мужчины странно задрожал. — Погибли все сразу, под одной лавиной. Даже в самом жестоком бою бывают уцелевшие, раненые. Здесь же — никого, только один боец ходил к соседям-пехотинцам для связи и остался жив. Один из батальона.

Из-за поворота выползла зеленая электричка. Мужчина поднялся со скамьи, кивнув нам головой, сказал: «Ну, бывайте, братишки!» — и вскочил на подножку вагона. Электричка уехала. Некоторое время все сидели молча. Только очкастый парень сказал: «Это был тот матрос».

— Какой матрос? — недоуменно переспросили его ребята.

— Ну тот, который в живых остался, связной.

— Скажешь тоже, — протянул кто-то из студентов.

— Скажешь! А как он попрощался с нами? «Бывайте, братишки!» Это же морское «До встречи!»

— А вы тоже! — язвительно бросил очкарик в мою сторону. — «Лавины, как поезда, грохочут!» Лавины сходят, будто батарея фугасными шпарит.

Я даже не успела обидеться, как подошел их поезд, и тот же парень скомандовал: «Поехали!»

Они подхватили рюкзаки сильными молодыми руками и один за другим скрылись в вагоне. Поезд тронулся. Я увидела их головы в окне вагона. Один из них помахал мне рукой.

ГОРЫ НАЧИНАЮТСЯ С ПОДНОЖИЙ

Полдень. Дрожит и струится над горами воздух. В небе ни облачка, и солнце такое яркое, что даже в защитных очках слезятся глаза. Жарко, очень жарко сегодня в городе. Горячим и вязким стал асфальт на улицах. Очереди у киосков с газированной водой. У секретаря райкома Мирона Аланиа испорчено настроение. Он стоит на ступеньках лестницы главного входа в райком и разговаривает с инструктором сельхозотдела Леваном Лакрба, морща от недовольствия лоб.

— Кто же так? — говорит секретарь. — И человек-то он, так сказать, растущий... Как же так?

— А вот так, — разводя руками, отвечает Лакрба. — Взяли и отвод дали.

— Царба отвод дали? Так какого председателя им подавай? Никак они там с ума посходили?

— Тут без стариков не обошлось, — спокойно и как бы ненароком вставляет свое слово инструктор сельхозотдела.

Худощавый, с иголки одетый, стоит он перед Аланиа и носком новенькой туфли пытается незаметно сбросить со ступеньки лестницы клочок оброненной кем-то бумажки.

Секретарь бросает на Лакрба быстрый неодобрительный взгляд.

— Шамба?

— Что Шамба! — машет рукой инструктор. — Там и без него умных много.

А дело-то все вот в чем: уже давно в районе имели виды на колхозного агронома из Амзары Заура

Царба. Был он человеком молодым, грамотным, энергичным и прямо-таки предерзостно смелым. Это последнее качество в Царба особенно подкупало Аланиа. Сам правдолюб, он ценил любовь к правде в других, восторгаясь, хотя и не без внутреннего протеста, той беспощадностью, с какой обрушивал правду на людей, не считаясь ни с кем, Заур Царба.

И стали метить Заура Царба на выдвижение председателем колхоза в Амзаре. А теперь пожалуйста...

— Нет, тут что-то не так, — твердит секретарь. — Поеду!

И он едет в самый солнцепек за двадцать пять километров в Амзару.

Узнав о приезде секретаря райкома, колхозники сходятся к управлению, на утопанный пятачок в самом центре села. Рослые, подвижные, крепкие виноградари и чаеводы, — одним словом, горцы! И Аланиа ловит себя на том, что любитесь ими.

— Вы что, — шумит он, — никак по росту председателя себе хотите?

Шестидесятилетний, но еще не согнутый годами Керим Шамба, попыхивая трубкой, делает вид, что принимает шутку.

— Для мужчины хороший рост — не последнее дело.

— Царба ростом не обижен, чего председателем не хотите?

Наступает пауза.

— Непригоден он для этого дела, товарищ секретарь, — произносит наконец один из колхозников.

— Как же так? Вы же сами знаете — грамотен, активен...

— Активен, — соглашаются люди.

— Умеет работать...

— Умеет...

— И в бригадирах передовых ходит.

— Ходит, — подтверждает Шамба. — Отчего ж, Заур свое дело знает.

— А председателем?

— Нельзя, непригодный, — говорит Шамба.

— Злой он, товарищ секретарь, злой сердцем. — Это Шота Губаз, племянник Керима Шамба, чаевод, поднял на Аланиа серые и какие-то непримиримые глаза.

— А вам что, слезливых подавай? Царба правду любит в глаза говорить! Может, не нравится это кому? — возвышает голос Аланиа.

Шамба вынимает изо рта трубку.

— Товарищ секретарь! — И в глазах Керима появляется суровый огонек. — Товарищ Аланиа, языком Царба мастер, а делом левша! И правда-то у Царба не потому, что она правда. От злости она. Вам никогда не казалось, товарищ секретарь, что когда он ту правду говорит, у него на зубах будто чьи-то кости трещат?

— А кому он хоть раз помог? — взвизгивает над толпой чей-то молодой голос. — Над чьей бедой, кроме своей, хоть просто головой покачал? За кого порадовался? Не было такого. А что он работает неплохо — так это тоже не для людей, а для себя. Вот, мол, поглядите, каков я. Не годится он в колхозные вожаки... Если вожак хорош, то и тот, кто следует за ним, неплох! — Все весело засмеялись.

— А верно ли решили, товарищи? — задает вопрос Аланиа, когда стих смех. — Вдруг сломаете судьбу молодому специалисту? А?

— Ничего, не сломаем! Горы начинаются с подножий! Так что если он настоящий человек, будет идти к вершинам. А нет... На нет и суда нет... Так что нельзя вожаком поставить того человека, у которого в сердце добра маловато... Никак нельзя!

— Нельзя, никак нельзя, — в раздумье повторяет Аланиа и улыбается. — Гм, горы начинаются с подножий, хорошо сказано!

Летняя ночь застает Мирона Аланиа в пути. Машина медленно едет по дороге, обсаженной кипарисами. Ночью, в свете фар, кипарисы кажутся бархатными. Аланиа просит шофера остановить машину у реки и заглушить мотор. Тогда все звуки ночи слетаются к машине, и секретарь слушает, как поет на все лады горная вода, ощущает на своем лице дыхание горного ветерка, едва уловимо шуршащего в хвое кипарисов. Они едут и снова останавливаются, и снова слушают ночь. Она так хороша в Абхазии!

А в райкоме Лакрба ждет Аланиа. Он ждет возвращения секретаря и надеется, что Аланиа поставил на место этих амзарцев. Ишь, до чего додумались: решения райкома отменять!.. Он идет по коридору, ус-

лышав шум подъехавшей машины секретаря, видит улыбающегося Аланиа, стремительно шагающего ему навстречу.

— Я же говорил вам, что там старики заковыростые. Все им не так. Если их вовремя не осадить, неизвестно до чего они завтра там додумаются... — опережает он Аланиа.

Аланиа проходит мимо него в кабинет, на ходу бросая непонятно почему: «Горы начинаются с подножий!» и, уже открывая дверь в кабинет, вдруг говорит: «Где нет хороших стариков, там нет и хорошей молодежи». И закрывает за собой дверь.

Взгляд Лакрба скользит по давно знакомой двери, по привычным предметам, столу и стульям, телефонам в приемной. Вздохнув, он направляется в свой кабинет. Он ждет, пока уедет секретарь райкома.

ШТОРМ

Всю ночь над Пицундой бушевала гроза. Утихла она только к утру, и из окон пансионата было видно, как уходила гроза в Бзыбское ущелье, волоча за собой серый хвост ливня. Молнии еще изредка полыхали над горами, и казалось, что это гордые олени полощут под ливнем свои золотые рога. Рассветное небо слилось с серым, взрытым волнами морем, и теперь казалось, что они вместе несутся на берег, к самшитовой роще, где вознес свои этажи пансионат писателей.

К нижнему этажу примыкал павильон, где размещалась столовая. Стоял декабрь. В сущности, начало зимы. И фиолетовые флоксы, поздние цветы, стояли в вазах совсем безжизненные. Все давно перезнакомились и выбрали себе друзей. За столиком у большого стеклянного витража, откуда всегда было видно море, обедало четверо. Молодой писатель из Тбилиси по имени Джаба, фамилия у него была сванская — Липартелиани. Он носил джинсы и белую сванскую шапочку, резкий излом черных густых бровей придавал его лицу не то удивленное, не то вопросительное выражение. Чета молодоженов, он был долговязым нескладным парнем в очках, она —

толстушка с усеянным веснушками лицом. Приехали они из Киева, оба журналисты украинского телевидения — Андрей и Лена. И четвертый — высокий, сухопарый старик, очень проворный, голова повязана башлыком, одет в черную выдавшую виды черкеску с двумя рядами серебряных газырей и черные галифе, талия перехвачена поясом, на котором позвякивает в старинных ножнах дорогой кинжал. Выше газырей два ряда орденских колодок. Он не был ни писателем, ни журналистом. Старый человек был кияризовцем, лично знал Серго Орджоникидзе, за старшинство его почтительно величали Зосимом Кегуровичем, приехал он отдыхать из Очамчире.

Обычно в половине девятого утра все четверо собирались на завтрак. После грозовой ночи у Джабы болела голова и он еле нашел в себе силы спуститься в столовую. Молодожены уже сидели на своих местах. Не было только старого Зосима.

— Заболел наш старина, — сказал Джаба, болезненно морщась. — Немудрено, погода скверная, у стариков давление, сердце пошаливает...

— Надо пойти к нему, завтрак отнести, — забеспокоилась Лена, глядя на мужа.

— Конечно, — заторопился Андрей. — Сейчас я узнаю, что с ним. — Он поднялся из-за стола и торопливо побежал к лифту. Выйдя на седьмом этаже, Андрей подошел к двери комнаты, где жил Зосим. Было тихо. Андрей прислушался. Возможно, старик еще не встал. Он осторожно постучал, ни звука в ответ. Тогда Андрей толкнул дверь и вошел. Комната была пуста. Постель аккуратно заправлена.

— Чудно, — сказал он, вернувшись в столовую. — В номере его нет. Куда он мог подеваться так рано?

— Надо поискать его в роще, — сказала Лена, прислушиваясь к шуму моря. — Им, старым, всякие мысли приходят в непогоду.

— На море настоящий шторм, — сказал Джаба и опять болезненно поморщился.

Втроем они вышли в рощу. Самшитовые деревья отсвечивали тускло и холодно. На берегу, где начались сосны, они увидели старого Зосима. Старик стоял, держась обеими руками за шершавый ствол

сосны, а ветер бессердечно трепал полы его черкески. Они побежали к нему, одолевая мокрый песок растерянных сосен, с которых ветер срывал хвоинки и даже слабую смолистую кору. Море яростно набегало на берег мутными злыми валами. Старик стоял к ним спиной и глядел на море.

— Ой, унесет ветер, — боязливо сказала Лена, держась за руку Андрея.

— Батоно Зосиме! — сказал Джаба, когда они, наконец, подошли к нему. — Почему вы не пришли завтракать? Что случилось? Мы вас слушаем, не обидели чем?

— Что ты, сынок, какие обиды! Разве вы не видите, какой шторм! — громко прокричал он им. — Я еле дождался утра, чтобы прийти сюда.

— Н-да, сила! — сказал Джаба, вглядываясь в бушующее море.

— А знаете, почему это особенно впечатляет? — спросил старый кияразовец, когда, постояв на берегу, они направились обратно к пансионату, поддерживая его под руки. — Потому, что в штормовой буре родились судьбы Грузии, Армении, Украины и нашей милой маленькой Абхазии! Родилась вся наша великая страна.

— В общем, конечно, — согласились они.

— Обратимся к настоящему, — сказал старый абхазец, когда они пришли в столовую и уселись за столик. — Вьетнам — разве это не шторм в мире капитала, уничтоживший эксплуатацию и принесший освобождение людям? Еще один разрушенный причал мирового капитала, и, как ни стараются империалисты, им не удастся вернуть там старый порядок. На планете тревожно, бурлят человеческие сердца и когда-нибудь объединятся революционные ветры и вихри и сметут всю нечисть с земли, и тогда на головы детей больше не будут падать бомбы. Жаль только, я до этого не доживу... А вы удивляетесь, молодые люди, почему я сегодня забыл о завтраке!

— Вы меня восхищаете, батоно Зосиме! — сказал Джаба. — Вы гораздо моложе меня, хотя мне тридцать лет.

— Не преувеличивай, сынок,—погрозил ему ^{паль}цем Зосим и засмеялся легко и весело.

— Ну, Зосим Кегурович! — недовольно сказала незаметно появившаяся около столика высокая седая женщина — директор пансионата. — Вы разгуливали по берегу в такую непогоду! О вас просто не стоит беспокоиться!

— Не сердитесь на меня, — сказал Зосим Кегурович, взяв женщину за руку. — Приезжайте ко мне в гости, в селение. И скажу вам по секрету: женщине с красивыми зубами нужно чаще улыбаться. — Каким-то неувлимым изящным движением он поднес руку седой женщины к своим губам и поцеловал.

— На вас просто невозможно рассердиться, — засмеялась уже и директор. Зубы у нее действительно были красивые, и улыбка очень красила ее строгое лицо.

— А гулять надо именно в непогоду, тогда и людей лучше поймешь, ведь народ трудится в большинстве своем под ветром, в любую непогоду. Ведь и широта души человеческой от лесов, от гор, от моря синего.

Джаба незаметно выскользнул из пансионата и пришел к сосне, где стоял утром старый киаразовец. Море по-прежнему волновалось. На берег с грохотом неслись горбы мутных волн. Джаба прижался к стволу сосны грудью, и, вглядываясь в бушующее море, он по-настоящему понял, что в гневe моря есть что-то схожее с судьбой всей земли и что старый Зосим навсегда заразил его этой мыслью.

Гурам КАНКАВА

ВЫСОКИЙ ПРАВСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

ОБЗОР ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГРУЗИНСКИХ ДРАМАТУРГОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 1979 ГОДУ

Почти все пьесы, напечатанные в 1979 году в журналах «Сабчота хеловнеба» и «Цискари», отличаются искренностью публицистическо-гражданской убежденности и остроты этической проблематики. Хочется верить, что не за горами время, когда столь же уверенно можно будет говорить и о художественных достоинствах драматургических произведений грузинских авторов, об их глубоком литературно-художественном проникновении в осваиваемый материал.

К сожалению, о художественной правде и убедительности, вдохновенности и поэтичности произведений грузинских драматургов на примере одного — 1979 — года приходится пока высказываться в плане пожеланий. Ведь даже при активном участии и помощи режиссера-постановщика, живом олицетворении персонажей пьесы актерами, как известно, усиливающим ее воздействие на зрителя, недостаточность художественной суггестии, художественного вдохновения полностью невосполнима.

Творческие же возможности наших драматургов позволяют надеяться, что и этот рубеж будет ими преодолен.

* * *

Патриотическая устремленность драмы Левана Готуа «Шота Руставели» выражена с таким накалом, что воспринимается как своего рода завещание писателя, хотя нам неизвестно, была ли она одним из его последних произведений. Автор касается различных аспектов патриотизма, являющегося, по его мнению, неоднородным понятием. Это — многоплановая категория, вмещающая в себе многогранное содержание. Не каждый способен быть патриотом, потому что «человек должен быть подобен глубоководному роднику — если земля на него разгневалась — должен иссякнуть, но не замутиться!»¹. Иными словами, только выдержав суровый

¹ Здесь и далее перевод цитат подстрочный.

экзамен жизни, ты можешь стать патриотом. Такова суть этого афористического высказывания.

А вот другой рассмотренный писателем аспект патриотизма:

«Пусть никто не думает, что появление хорошей книги значит меньше, чем победа в войне!.. Поэзия и мирное строительство имеют много общего».

Леван Готуа считает, что патриотизм — также чувство и общечеловеческое (это ступень, предшествующая «братству народов»). Ведь уже одни такие качества, как высокая нравственность, социально направленная целеустремленность, чувство долга и ответственности перед обществом, благородное стремление к уважению других народов, делают истинного патриота гражданином мира.

Жизнь — тяжкое испытание, широкое поприще для всесторонней проверки личности, а иногда — урок, соответствующий страстям библейского Иова. «Боже, — говорит в пьесе Шота Руставели, — какую великую любовь нужно питать к родине и к человеку, чтобы выдержать тяготы жизни и сохранить человеческую гордость!»

Со всей остротой поставлена в произведении кардинальная проблема свободы и ограничения творчества.

«Шота: — Я никому не слуга! Кроме моего народа, а через него — человечества! Я — свободный побратим всякого добра... Нет для меня на земле ничего хуже порабощения, но как назвать порабощение мысли и мудрости! А? Вы исказили мне «Деяния венценосцев» и заставили отказаться от них! Извратили мои «Восхваления». Теперь же, не успев я еще закончить «Вепхисткаосани», как вы уже требуете изменить его главную сущность! Где же тут смысл или причина? Какую цель преследует это насилие?»

По пьесе, великого поэта вынуждают покинуть родину. И автор задается вопросом — если в принципе возможно пожертвовать даже автором «Вепхисткаосани», изгнать его из отечества, что же тогда вообще устойчиво и неизменно в этом мире? Коли на земле господствуют тирания, фанатизм, жди всяческого зла...

Довольно большое место отводится в пьесе анализу исторических фактов, в частности — событий, связанных с зарождением в Грузии парламента, истории возникновения классовых институтов в общественной жизни нашей страны в далеком прошлом.

Эта патриотическая драма, написанная высоким стилем в духе возвышенной риторики, внушает сознание того, что Шота Руставели — национальная победа, и Грузия, породив такого человека, выиграла величайшую из жизненных битв. Она победила тогда своей великой культурой. Причем победила окончательно. Благодаря Руставели наш народ занял определенное место в истории и утвердил свое бытие.

Так выглядит в этой пьесе фигура Шота Руставели в национальном плане. А его «Вепхисткаосани» предстает перед нами как первенец грузинской любви, как книга-мечта.

* * *

Главное внимание в своей пьесе «Калмасоба» (подготовлено по имениному произведению Иоанна Багратиони) Георгий Платошвили прищивили сосредоточил на путешествии Ионы Хелашвили по дорогам Грузии, ее городам и селам. Построена она на острых конфликтах. С одной стороны, в ней беспощадно обличаются разнузданные, темные инстинкты вельмож, державших в руках всю силу власти, с другой — во всей полноте показаны нравственный стоицизм, жажда справедливости, духовная чистота, высокие проявления человечности беззащитного, одинокого монаха Ионы Хелашвили. Несмотря на своеобразный счастливый финал, не совсем согласующийся с духом пьесы, мы видим, как один человек, обладающий возвышенным духом, может внести смятение в стан обнаглевших темных сил, подчинивших себе страну.

Классические эпизоды и колоритные сцены, столь драматически разыгрывающиеся в грузинских дворах, на проселочных дорогах, в тюрьме, у церковных развалин или на лесной опушке, скитания Ионы Хелашвили с целью сбора средств в пользу монастыря под постоянной угрозой разбойников, набегов лезгин и разнузданности грузинских феодалов, по своей природе, как мне кажется, прямо просятся в киносценарий, который в отличие от пьесы дает возможность сохранить первостепенное значение местной среды.

Кроме того, помимо приключенческой части (а произведение в целом действительно носит приключенческий характер) драматургом в обилии представлены бытовые сцены и пейзажные панорамы. Вспомним хотя бы пролог, текст которого, — чисто зрелищный по своему характеру, — в силу сценической ограниченности читается диктором. Или возьмем в качестве примера одну из ремарок первой же картины: «Край пашни. Там же, на пашне, брошенный плуг с длинным дышлом, на которое насажено несколько ярем.

На заднем плане — на фоне садов и виноградников — княжеский дворец и крепость с башней, обнесенные стеной.

На переднем плане — старый дуб...»

На фоне этого мирного, окрашенного национальным колоритом ландшафта разыгрывается острый, волнующий эпизод лезгинского набега — попытка похитить грузинского юношу. Этот эпизод со всеми подробностями и тонкими деталями мне так и видится на киноплёнке.

Подобная картинность, острая динамика и непрерывные опасные приключения «Калмасоба» в кинофильме, на мой взгляд, оказались бы более впечатляющими, запоминающимися и образными.

* * *

Пьеса Валерьяна Канделаки «Сократ» посвящена памяти известного грузинского философа Серги Данелия. Образ жизни, который вел С. Данелия, действительно, до некоторой степени напоминал образ жизни великого греческого философа.

Но вот почему эта пьеса названа комедией? Она скорее напоминает серьезную драму. Да и тематика ее совершенно не соответствует избранному драматургом жанру.

Отдавая должное боевому настроению, умелому использованию исторического колорита эпохи, античного реквизита, приходится признать, что персонажи пьесы более напоминают фрески, чем живые художественные образы. Стремясь сказать как можно больше, автор словно забывает наделять своего главного героя художественно убедительными чертами, Сократ — это скорее рупор гражданской философии самого драматурга, а не психологически точный художественный образ. Он все время говорит афоризмами, как некий запрограммированный компьютер. Драматург оправдывает это тем, что все произносимое им — очень важно. И хотя это действительно так, мы вынуждены постоянно напрягать свое внимание, чтобы усвоить все высказанное им.

Смело описаны в пьесе автократичность тиранического государства, диктаторская логика, безнравственность Совета пятисот. В таком государстве (как легко догадывается читатель, и сам Сократ, и Афины того времени — образы полностью обобщенные) меньше всего ценятся гражданские права человека и нравственные нормы. Здесь нет необходимости различать черное и белое. Нравственный дальтонизм тут — широко укоренившееся заболевание.

«Сократ: — Если все мы скажем, что солнце — тыква, созревшая в огороде у Сократа, как ты думаешь, от этого солнце станет тыквой?»

Надзиратель: — Если установим, что ж, почему бы и нет? Солнце будет тыквой, созревшей в огороде у Сократа...

Сократ: — Скажем, элевасты установили, что Сократ не воспитывал молодых людей, а убивал их, — так от этого Сократ станет убийцей?»

Надзиратель: — Воистину, убийцей!..»

Таков надзиратель афинской тюрьмы, представитель государства Аппиос, бывший до того сикофантом или профессиональным шпионом в Афинах. И в обществе подобных людей проводит свои последние дни Сократ, неповторимость личности которого — в его этическом стоицизме. Он выливает полную чашу цикуты, чтобы еще раз проучить афинян, внести последний штрих в их воспитание. Для утверждения добра и борьбы против беззакония, по убеждению Сократа, нужна жертва. В этом смысле он — первый в истории великий образец самопожертвования. И данное обстоятельство роднит его этику с христианской, приближая его к Христу.

«Сократ: — Надо принести себя в жертву беззаконию, чтобы на земле утвердилась справедливость.

Симон-циник: — Не насмехайся над нами.

Сократ: — Тебя волнует честолюбие, Симон-циник, меня же — чувство долга.

Симон-циник: — Ты хочешь принести себя в жертву беззаконию! О-о, какой ты грозный мудрец, ты хорошо зна-

есть: апофеоз беззакония — жертва! Кто бы мог подумать нет, ты — не человек, ты — железо».

В пьесе Валерьяна Канделаки содержится ряд мотивов важного нравственно-социального значения. Заключенный в тюрьму великий грек жалуется пришедшим к нему на свидание жене и детям: «Моя вина — только в том, что я сказал правду, и потому я сижу в тюрьме». Ксантиппа, сварливая жена Сократа, возражает на это так: «Ты что — мудрее всех в Аттике?... Есть еще многие другие, причем вместе с мудростью они наделены и умом: из любви к жене и детям они помалкивают. С чего это взбрело тебе в голову высечь всех людей?»

Исходя из этики Сократа, следует пожертвовать благополучием семьи ради нравственного очищения государства и народа. Жертвуя собой, Сократ стремится изменить ход истории.

Драматургом поднят еще один исключительно важный и актуальный вопрос современной философии культуры, касающийся противопоставления дионисовского начала сократовскому разуму и самопознанию. Стоявший в преддверии классической философии Сократ пытался направить жизнь человека в сферу самопознания, разложить эту жизнь на составные понятия, логические формулы и обуздать жизненные пороки с помощью рассудочных норм и морали, опирающейся на разум. Всему этому противопоставляется свободное, спонтанное проявление в человеке стихийных страстей, неосознанных стремлений, первородность, дионисовская естественность и органичность которых имеют немало защитников и в наш век.

Автор, конечно же, защищает рациональную доктрину сократовского разума, его умственной морали и закона, олицетворением которых и является его главный герой. Но однажды в пьесе в унисон с ним он и сам восторгается мироощущением Алкивиада, наслаждающегося бытием.

«Алкивиад: — Брось заниматься мыслями, теориями, стремлением проникнуть в сущность, самопознанием. Предоставь богам заниматься божьими делами. Пойдем с нами, со святыми пьяницами всего мира; все законы пишет природа и стирает природа... Да здравствует голая жизнь!..»

Чрезмерная перегруженность содержания философскими изречениями утяжеляет восприятие пьесы, обилие «умных» мыслей и положений утомляет. Поэтому так ждешь хотя бы одного взволнованного монолога, исполненного художественной правды...

* * *

Судя по двум последним пьесам Тамаза Чиладзе «Роль для начинающей актрисы» и «Гнездо на девятом этаже», их автор подвел более строгую и четкую психологическую основу под нравственно-духовные искания человека, чем это ощущалось в его предыдущих произведениях. Писатель, глубже осознал необходимость рассмотрения жизненных явлений и событий в остропроблемных масштабах. Идейный каркас его пьес составляет актуально назревшая проблема, которая затем

обретает художественно-образную остроту, позволяющую придать ей поэтизированное сценическое воплощение.

«Роль для начинающей актрисы» отличается новизной драматургических принципов, своеобразием композиционного осмысления. В ней максимально используется художественная техника условности (демонстративная условность). Довольно оригинально сценическое решение пространства в пьесе. Она словно приобретает эластичную выразительность кинематографа.

Тамаз Чиладзе избегает ремарок и подробных пояснений. По его мнению, такая детализация бесплодна как для читателя, так и для режиссера-постановщика. Игнорируя ремарки и давая текст без подробных пояснений, он рассчитывает интенсифицировать воображение читателя, полностью освободив его, и вместе с тем — не дублировать функции режиссера. Любопытны соображения на этот счет такого авторитета в искусстве театра, как английский режиссер Питер Брук. В его известной книге «Пустое пространство» сказано, что слово — всего лишь маленькая зримая часть огромного незримого целого: некоторые драматурги пытаются осуществить свой замысел и намерения с помощью ремарок и пояснений, но удивительная вещь — самые талантливые драматурги редко прибегают к дополнительным пояснениям. Они понимают, что лишние пояснения, как правило, бесполезны...

Ощущение необычности вызывает и сценография автора. Все персонажи пьесы находятся на сцене (а не в каком-либо конкретном локализованном месте), до конца остаются на ней и поочередно, сменяя друг друга, вступают в игру. Эта особенность драматургического и сценического мышления также восходит к известной театральной доктрине того же Питера Брука о «пустом пространстве»: в пустом пространстве сцены, представленном в пьесе, нет декораций, почти не показан реквизит, даже телефонные разговоры осуществляются условными движениями (нет аппаратов). Поэтому внимание читателя (зрителя) почти не задерживается на внешних моментах. Оно целиком перенесено на содержание пьесы и конкретизировано. Как уже говорилось, все персонажи стоят на сцене, неподалеку друг от друга, последовательно вступая во взаимный контакт. На воображаемой машине они «прогуливаются» по тому же месту сцены, где через минуту будет воображаемый будвар с постелью, на которой лежит главное действующее лицо — Ано. Любое пространство — по утверждению того же Питера Брука — ничем не заполненное, можно назвать пустой сценой. Человек движется в пространстве, кто-то на него смотрит — и этого уже достаточно для того, чтобы родилось театральное действие.

В композиционном осмыслении пьесы, на первый взгляд, построена как интермедия. Краткий жизненный путь главного персонажа — Ано — составляет ее второстепенный сюжет: после триумфального представления шекспировского «Гамлета», или между его двумя представлениями. Одна-

ко это только на первый взгляд. В действительности же автор показывает жизненную драму молодой девушки, новые духовные ориентиры которой подразумевают бытие «Гамлета» и должны возвышаться и расшифровываться на его нравственном фоне.

«Ведущий (хлопает в ладоши): — Ладно, ладно, хватит, «Гамлета» мы уже сыграли, и успешно. Лучше теперь посмотрим за нашим покойником.

Уча: — Покойником?

Ведущий: — Давайте еще раз вспомним все мелочи. Постепенно и к правде придем. Из маленьких камней большой дом строится».

Из этого диалога мы узнаем, что на суд читателя вынесен один отрезок жизни человека, разыгранный в повседневном быту исполнительской труппы. Когда она с огромным увлечением готовила спектакль (шекспировского «Гамлета»), от внимания ускользнул человек — исполнительница главной роли Ано. Театральная труппа, и особенно ее режиссер-постановщик Уча Гамрекели, которые со всей глубиной показывают в спектакле обреченность чистоты Офелии (труппа добывается славы этим спектаклем), параллельно с осуществлением постановки проявляют такое же безразличие (что, по пьесе, равнозначно нравственному терпору) к двадцатидвухлетней Ано.

Так каково же назначение театра, Шекспира в нашем быту? — нанвно спросим (уже в который раз) мы. И с такой же простотой ответим: театр фиксирует существование людей, подобных Ано. Иными словами, показывает, что жажда борьбы сама дает нам силы к существованию. Театр учит нас и тому, что мы не должны ошибаться в предвидении судьбы Ано и таких, как она...

В соответствии с эстетикой автора, уость природы, наглость и бесстыдство могут быть преодолены посредством бескорыстной системы чувств, именуемой поэзией, когда она приобретает оттенок духовной чистоты, становясь важнейшим критерием в пьесе. Однако процесс этот крайне затруднительный. Ано так же неподкупна, как и вечно современный образ поэзии в нашем представлении. В то же время автор убеждает нас в том, что Ано, или Поэзия, многим довольно чужда.

Наибольшего интереса в пьесе, конечно, заслуживает Ано. Другие персонажи, уже в силу своей осознанной тривиальности, составляют сравнительно бледный психологический фон для развития ее образа. И все же мы не можем сказать, что Ано — героиня. Процесс дегероизации основательно затронул и ее.

История дегероизации, как известно, восходит к тем временам, когда мировая литература перенесла свои культурные и художественные ориентиры с внешнего поведения и героических поступков человека на его неудовлетворенные внутренние нравственные стремления, на разрушение несбыточных мечтаний и на несомненные данные душевной дисгармонии. Кроме того, чем больше углублялся писа-

тель или художник в сознание и подсознание человеческого «я», тем убедительнее становилось мнение об однородности и схожести людей, делающих нецелесообразным заострение внимания на их исключительных, героических поступках или необычных, особых качествах в эпоху научно-технической революции.

С другой стороны, подобная крайность довела буржуазную культуру до асоциального искусства. Американский критик Поль Цвайг иронически писал, что радикальная заинтересованность «подпольем» человеческой души привела нашу культуру к таким воззрениям, согласно которым, казалось бы, можно считать существующими превыше всего тайные движения и скрытые устремления, возникающие в бесконтрольной, «свободной» зоне нашего «я». Подобные воззрения служат выражению демократичности, поскольку даже у самого бездельного человека (социального ничтожества) все же существует подсознательное. Все мы поэтому можем считать себя действительно существующими, и нам вовсе не обязательно доказывать это какими-то особыми поступками...

И все же, заключает Цвайг, истинный герой литературы — общественный человек.

В пьесе Тамаза Чиладзе заметны явные признаки дегероизации, приобретающие даже принципиальный характер. Но с ними естественно совмещается тот факт, что Ано, будучи личностью нестандартной, вместе с тем является именно общественным человеком, бесспорно обладающим всеми достоинствами, которые сегодня украшают личность в обществе. Отсюда следует, что нестандартность содержит в себе и нечто идеальное. Начать хотя бы с того, что духовный мир Ано в пьесе неприкосновенен, ибо он нестандартен, личность ее не поддается сомнительным метаморфозам, она защищена от нравственной коррозии (это — современная, «дегероизированная» Офелия). Но что делает ее необычным человеком и является, на наш взгляд, наиболее важным, так это тот факт, что Ано — непримиримый враг конформизма. Эта грузинская девушка противопоставляет себя всему, утратившему живое содержание, атрофированному творческому отношению к жизненным явлениям и событиям, всему существующему лишь в силу инерции. Ано противопоставляет себя изощренной лжи и серому безразличию.

Но ведь сколько прекрасно уживаются с этой ложью делая ее силой, когда она закована в надежную броню притворства и затасканных взглядов. Если возможно так жить, то почему же не продолжать далее подобного существования? Почему мы тогда боремся с конформизмом и однообразием? Наверное, потому, что люди, сильные духом, не могут жить в таком окружении. Мы же, постоянно внимающие сильной личности, в смятении взвращающие на ее незапрограммированные действия, не можем не воспринимать силу ее воли, лучистую энергию ее устремлений. В таких случаях мы чувствуем, как тяжело дается решение свободного выбора, обращение воли к свободному действию, сама свобода. Ибо все,

что противопоставляется конформизму, есть творческий акт свободы.

Пожалуй, первые классические образцы преодоления конформистского духа в грузинской литературе даны Важа Пшавела. Его бессмертные поэмы, особенно «Алуда Кетелаури» и «Гость и хозяин», изображают трагические эпохальные характеры, под знаком которых осуществляется атака, направленная против конформистского общества. В поэмах Важа, говоря известными словами Шекспира, нарушена связь времен, и восстанавливать ее пришлось Алуде и Дяколе.

Нормы и стереотипы внутреннего конформизма общинного строя, социальные санкции и социальный контроль со стороны настолько слепы, что в своем окаменелом единстве они уже не видят человека, и Алуда Кетелаури становится жертвой этого социального униформизма.

В поэмах Важа Пшавела защитники неприкосновенности общины избегают нарушать правила, сложившиеся в доисторические времена. Всякое нарушение правил и обычаев, установленных общиной, вторжение и утверждение в ней ощущения моральной свободы вызывают у них мистический ужас (ибо они даже представить себе не могут, к чему приведет дух обновления). Для большинства этих людей мотив покорности, конформизма — иррациональный страх перед обществом, перед его социальными нормами, социальными запретами и санкциями. Против таких людей восстает Дякола (из поэмы «Гость и хозяин»). Он — типичный нонконформист, выразитель мировоззрения самого Важа Пшавела: человек не должен уклоняться от своего свободного выбора, не должен бояться свободы. Наоборот, всю свою жизнь ему предтоит готовиться к тому, чтобы причаститься, наконец, ее священному ощущению.

Ано также стремится к нравственной свободе. Всем существом своим желает она достичь духовной чистоты шекспировской Офелии, но в то же время смело выступает против того, что нивелирует общественную жизнь, делает ее монотонной, однообразной. Ано борется против конформизма эпатажем, острой иронией, гипертрофированием явлений, но прежде всего — большой и суровой правдой.

Разве только сам человек виновен в создавшемся положении? Разве только его окружение — единственная тому причина? В данном случае они объединены в безграничном процессе взаимотворчества. По глубокому убеждению автора, жизнь нужно сделать менее пуританской и лицемерной, в нее надо внести взлет мысли и дерзкое искание истины. Тогда человек, робкий по натуре, гораздо свободней и смелее сможет сделать осмысленные общественно значимые шаги. Это будет серьезным ударом по конформизму. Таков нравственный пафос пьесы Тамаза Чиладзе «Роль для начинающей актрисы».

Говоря словами одного современного английского писателя, единообразие конформизма пустило такие глубокие корни в человеческой душе, что искоренить его уже невоз-

можно. Даже сама богема, божественный образ жизни — конформистские. Только мы добавили бы, что это конформизм наизнанку, выражающийся в его незащищенности, когда пьют по инерции, просто для того, чтобы заполнить искусственный вакуум, только по привычке, когда беспельное времяпрепровождение становится основным жизненным ритуалом...

Театр — явление неконформистское, — считает автор пьесы вместе с главной героиней, — во всяком случае, должен быть таковым, и возможно, в этом — его главная сила. Именно эта сила влечет Ано к театральным подмосткам. Она стремится и на сцене воплотить собственный образ жизни, и именно в этих условиях, в это время ее замечают и, представьте, приглашают в театр сыграть роль Офелии.

«Ано: — Как хорошо, когда тебя кто-то увидит, заметит, хорошо, когда кому-то ты понадобишься. Как хорошо, когда ты знаешь, что кто-то о тебе думает, помнит тебя. Вот, оказывается, как устроен этот мир: если ты хоть одно стихотворение знаешь наизусть, ты кому-нибудь непременно, непременно, непременно когда-нибудь, когда-нибудь, когда-нибудь все-таки понадобишься...»

«Кто-то о тебе думает...», то есть тебе удалось нарушить конформистскую серятину, а это так нужно человеку. Для Ано этот выбор должен произойти в театре с помощью поэзии: «если ты хоть одно стихотворение знаешь наизусть...»

Так возникает любовь Ано к режиссеру, сумевшему выявить ее талант. Это — самая счастливая пора в ее жизни: театр, роль Офелии, встречи с интересным человеком.

«Ано:—Я лежала и думала: когда же настанет расцвет? И во сне я снова была в театре, на репетиции, с вами... Там, где вы, я чувствую себя счастливой. Как только вы уходили, весь мир пустел. Я стала вашим спутником, вернее — тенью. Ходила за вами по всему городу, поджидала на улице, часами просиживала на ступеньках лестницы в том подъезде, куда вы ходили два раза в неделю...»

Но мы ошибемся, допустив, что «Роль для начинающей актрисы» — любовная драма, романтический исход которой разочаровал Ано в жизни. Такие любовные перипетии были бы слишком банальны для нее, для автора, для читателя... В этой любви для самой Ано существенным является то, что она, двадцатидвухлетняя девушка, хочет оторвать пятидесяти-четырёхлетнего мужчину от его жены, порвать ту ложную и искусственную связь между ними, которая приносит им одну только горечь. Таков действительно «неконформистский» конфликт пьесы.

И рваные джинсы Ано здесь — своеобразное знамя неконформизма. Ее приход в семью Эло в этих брюках — всего лишь нравственный эпатаж.

Как известно, пьеса Тамаза Чиладзе сразу же была поставлена в театре имени Руставели. В интересном спектакле, осуществленном Робертом Стурца, значительно усилен «фон»: спектакль «Гамлет», на которого проецируется постановка, становится резонатором основной ее идеи.

Итак, из пьесы в спектакль почти без изменений перешла практика дегероизации основных персонажей, но в то же время в последнем заметно расширилось и возросло по отношению к связи с нравственным стержнем «Гамлета»: поединком с миром, с обществом. Отсюда напрашивается вывод, что как для автора пьесы, так и для автора спектакля нравственная достоверность, подлинность шекспировского «Гамлета» — оружие, бесценная сокровищница его человеческих ценностей. Архаический же постамент снят: из дворца действие перенесено в современное общество.

Подчеркнем лишь один момент: на наш взгляд, в пьесе Тамаза Чиладзе Ано держится более вызывающе, и романтичность вовсе не мешает ей переходить в наступление. В спектакле же она более похожа на жертву, на мишень. Это — белая ворона, привлекательный образ которой создает артистка Татули Долидзе.

Если община осуждает Алуду Кетелаури из поэмы Важа Пшавела, ставя ему в вину неотрубленную руку убитого врага, то Ано провинилась в том, что в полночь открывает дверь и впускает в свою комнату раненого молодого человека в сопровождении двух товарищей. «Тебе-то какое дело, зачем ты открываешь дверь, пусть бы они себе шею свернули, ты, что ли, исправишь этот мир? Что — это твой брат или возлюбленный? Теперь все такие, но ведь за всеми ты не присмотришься? Тогда действительно всем нужно открыть двери...» и т. д., и т. п. В этих словах фельдшерницы выражен дух конформизма («теперь все такие»), являющийся условием для нравственно прогнившего существования закоснелой души обывателя.

Теперь послушаем интерпретацию матери Ано: «Ты нас опозорила, у всей деревни на глазах грязью нас замарала, мне уже столько раз пришлось это выслушивать: «Оказывается, кто к ней ночью ни постучит — она всем двери открывала». Ну, хорошо, я замолчу. Заткнушу, чтоб у меня рот вот так же землей забило. Ну, а ты, — кто только тебе в окно ни постучит...»

Именно в этот момент читатель начинает понимать со всей остротой, как нужны людям сильные духом личности, чтобы не погрязнуть в единообразии бессмысленного, безотчетного страха. Читатель убеждается в необходимости твердых духом людей, таких, например, как Ано, которые способны бороться против удушающей атмосферы конформизма. Именно такие люди создают моральные стандарты, нормы человечности и новые культурные ценности.

По словам друзей Ано, ее дом был для них «островом свободы». Эти девчонки еще не знают, что такое свобода, но рядом с Ано они ее уже ощущают. Именно это (ощущение нравственной свободы) привлекает их в доме Ано: «Квартира Ано была нашим логовом, нашим «островом свободы». Если у кого-нибудь из нас была радость — мы ее отмечали там».

В пьесе представлена как бы «трехликая Офелия»: героиня Шекспира, образ и душа которой постоянно ощущаются,

воплощающая этот образ Ано и, наконец, девушка-призрак, исполнительница роли самой Ано.

Вообще этот образ хорошо продуман автором. Ано не принадлежит к интеллигентному кругу, но и провинциальной девушкой ее считать нельзя. Мы не можем отнести ее ни к одному социально определенному слою, и когда она произносит слово «репутация», ей самой оно кажется странным. О такой личности говорят, пользуясь словами поэта: «ее национальность — человек». А по социальному происхождению она — «из категории мечтателей»... Для характеристики натуры Ано автор пьесы подыскал удачный штрих: она страдает комплексом вежливости в отношении себя самой. Ей доставляет особое нравственное удовольствие, когда знакомые обращаются к ней на «вы» (а как по-другому должен был бы обращаться к молодой девушке интеллигентный Илико?).

Ано — цельная личность, призванная, по существу, размышлять над здоровым, бескомпромиссным, творческим отношением к жизни.

Наиболее образно воплощается в пьесе актуальная идея некоммуникабельности и несоответствия людей. Удушающее, губительное это явление олицетворяют показанные в основном ретроспективно отдельные картины жизни Учи Гамрекели и его жены Нато, представляющие не связанные друг с другом бытовые фрагменты. Вообще «Роль для начинающей актрисы» — словесная драма, драма проблем, абстрагированных от жизни, — почти из тех, о которых Антонен Арто писал: мы не будем играть написанную пьесу, но мы попытаемся создать спектакль вокруг тем, фактов или известных произведений. Нам поможет само расположение комнаты...

Но тут, думается, имеет место смешение проблем. Нато считает причиной семейного конфликта, несовместимости с мужем, своей полной некоммуникабельности уже другую проблему: то, что у нее нет ребенка, точнее — то, что она не меняла свою жизнь на жизнь ребенка. Эта драматическая перипетия представляется не совсем убедительной. Вообще попытки познания психологического механизма некоммуникабельности, сделанные в пьесе, не следует низводить до таких перипетий. Одну проблему нельзя объяснять другой, поскольку она требует большей автономности, особенно с психологической точки зрения.

Возможно, неудовлетворенность этой частью пьесы объясняется отчасти тем, что конфликтная ситуация некоммуникабельности перенесена здесь, по сравнению с другими, на второй план.

Вторая пьеса Тамаза Чиладзе «Гнездо на девятом этаже» — значительно более статичная драма. Ее драматический стержень составляет роковое пересечение жизненных путей двух семей. В центре внимания зрителя — образ уважаемого представленного архитектора Видзины, который скончался в самом начале пьесы, а все ее действие развивается во время панихиды. Таков и весь ее фон — панихидный. В этом отношении время и пространство в драме по своей структуре несоразмерны, не совпадают.

Исключительный интерес к образу Бидзины (несмотря на то, что его уже нет в живых) обусловлен не только тем, что он более всего заслуживает сочувствия и жалости, риторический герой, но и тем, что остальных персонажей — Маку и Бесо (не говоря уже о Додо) — автор представляет гораздо бледнее.

Бидзина в этом произведении — человек несколько странный, из тех, у кого имеются в обилии всевозможные причуды, и в силу этого своего свойства «всепрощающе, всепонимающе добрый». Надо полагать, это всепрощение распространяется и на собственные причуды. Вообще же автору следовало гораздо нагляднее и впечатляюще показать, в чем состоит доброта Бидзины. Однако он этого фактически не делает. Зато больше показывает его странные качества, которые как будто надо зачесть Бидзине как добро (в действительности Бидзина — только мягкосердечен): «Бидзина любил собак, кошек, — всех он любил, весь животный мир. У него и аквариум был, и клетки. И кролик, и белая мышь. Однажды он принес черепаху, и та разгуливала себе по комнате, как будто нас там и не было...» Или же показывает, как этот солидный человек прыгает и кувыркается в комнате, украшенной цветами и разноцветными бумажными фонариками, в день рождения его жены Маки.

Поскольку в пьесе подчеркивается доброта Бидзины, а мы фактически ничего не знаем о его добрых поступках, о том, какое добро он мог совершить, хотя бы даже для самых близких людей, постольку естественна наша нравственная поддержка его бывшей жены. Объясняя его поступки, вслед за Макой повторим: «Вот мне, например, кажется, что доброта Бидзины — выдуманный им способ прикрыть бездарность». И, пожалуй, еще добавим — компенсировать свои причуды и личные слабости.

Наверное, делу не помогает и то, что все свое человеческое честолюбие, все свои профессиональные возможности Бидзина вкладывает в свой последний проект (который проектная организация единогласно отвергает, и на этой почве у Бидзины происходит разрыв сердца...), чтобы доказать Маке свои способности, показать, что у нее в свое время был не инертный, не творчески бесплодный муж. Подобное стремление чувств заслуживает уважения. Но это — не добро, это скорее глубоко завуалированный комплекс, последний бой потерпевшего поражение человека за сохранение прошлого, в котором Мака в то время больше не нуждается, ибо ее связывает настоящее чувство с Бесо.

Добро всегда нужно. Но то, что делает Бидзина, не нужно никому. Бидзина — рохля и никчемный человек. Всю свою сознательную жизнь он, как конвейер, выпускал серые, стандартные проекты многоэтажных зданий, и для жены остается таким же бесцветным, никчемным.

Бидзина — рядовой архитектор, который, вместе с ему подобными, наводнил республику типовыми проектами и построенными по ним домами. Однако осознание этого в то же время отравляет ему жизнь, еще более обостряет в нем подо-

зрения в собственной неполноценности. Он пытается искупить свое личное и творческое бессилие, мечтая воздвигнуть, как обыкновенный дворец, проект которого, как уже было сказано, единодушно отвергли на заседании, где председательствовал Бесо, любовник бывшей жены Бидзины. А ведь кто знает, насколько мог он быть объективным, хотя бы по этой причине. Бидзина чувствует, что жизнь его кончена. Он жаждал доказать Маке, что его прошлое не должно ее стыдить. Но эти угрызения совести и раскаяние стали у него если не комплексом вины, то, во всяком случае, навязчивой идеей, тем более, что жизнь на каждом шагу доказывает Бидзине, что ничего путного, значительного им не создано. Однажды, еще во время супружества, он просит у Маки прощения за свою бездарность. Несмотря на все усилия автора, мы не можем признать Бидзину человеком, преисполненным добра. Ведь «всепрощение» — пассивное состояние, тогда как добро — активный, творческий акт. Прежде чем окончательно позволить себе умереть, он идет к Бесо, имеющему свою семью и двоих детей, с просьбой не покидать Маку. Это — предел самоуничтожения, до которого может дойти человек.

По нашему мнению, больше правды в натуре Маки, в самом ее поведении, в суждениях и решениях, когда они касаются отношений с людьми. Она не заслужила одиночества.

И все же должна ли была Мака оставлять Бидзину, семью? Этот вопрос — сложный. Его следует решать путем бескомпромиссного художественного исследования, а не на общерезонансном уровне. Покинуть семью — значит обрекать себя на одиночество. Вне семьи — пустыня и т. п..

Должна ли женщина, подобная Маке, приносить в жертву Бидзине всю свою жизнь только из страха перед одиночеством, перед жизнью? Женщина очень часто бывает согласна принести такую жертву, но ценою чего?!

Однажды Мака, раскрывая в интересах истины глаза Бесо, занимающему высокую должность, говорит ему: «Ты никого не любишь и тебя никто не любит». Мы бы сказали, — и автор пьесы в том числе. Да и не могут такие персонажи нравиться, восприниматься как приемлемые — очень уж они обыденны и бесцветны. Сравните хотя бы адюльтер Маки с выступлениями и выпадами Ано. Ано вызывает восторг! Может быть, действительно нужно, чтобы главные персонажи или сильно привлекали к себе, в первую очередь самого автора, или же были настолько отталкивающи, что вызывали бы желание изгнать их и уничтожить! Жизненно-художественный нерв пьесы не терпит вялого развития действия, незначительности сюжета или художественного образа.

Вводный мотив острой проблемы стандартизации строительства органически увязывается в пьесе с безликостью действующих лиц. Бесчисленные стандартные дома в городе, еще больше — стандартных людей... Олдос Хаксли влагает в уста одного из героев своего романа «Шутовской хоровод» слова о том, сколько же можно протестовать низкопробными архитектурными домами! Все, что делается человеком, для него и

от его имени, подразумевается в этой фразе, должно содержать элемент протеста против всего безликого и бездушного. И жилой дом в идеале — выражение смысла бытия и назначения человека, его достоинства, величия и возвышенности духа.

Бесо: — ...Наши стандартные проекты всем нужны!

Мака: — Да, стандарт нужен всем. Но, может быть, мы лишаем себя чего-то такого, что никогда не восстановишь?..

Бесо: — Чего же?

Мака: — Ну, вот хотя бы того, что имеет эта твоя сумасбродная марокканская принцесса — дворец, пальма, балкон, луна — словом, всякое излишество... Ведь нельзя же всем раздать стандартную луну!»

Жертвой эпидемии стандартизации стал и Бидзина.

Читателя (и зрителя) сегодня интересует, главным образом, препарирование страстей, неодолимых аффектов, расчлененный показ движения чувств, тонкое художественное исследование, достоверность психологического рисунка. Всего этого мы вправе ждать от новых произведений Тамаза Чиладзе.

* * *

Основная идея пьесы Лаши Табукашвили «За ставнями — весна» в следующем: пока человек на себе не испытает ту или иную трагическую ситуацию, пока все существо его не объемлет ужас при виде горькой гримасы жизни, его нравственное созревание трудноосуществимо. Автор убежден, что интересный, значительный человек обязательно должен хотя бы на миг узреть своими глазами ад, чтобы за этой стадией нравственного совершенствования последовало ощущение полноты бытия. Лишь пройдя через чистилище, личность может обрести совершенство. Каждый из нас, по убеждению драматурга, начинает как Адам, и в свое время, отведав удивительный плод древа познания, пройдя долгий путь очищения, сможет постигнуть трагическую и великую реальность бытия.

Значительная личность, — утверждает он, — дана в ее развитии, видоизменениях, а стимулом духовного развития служит способность к страданию. К сожалению, обладают ею не все. И потому представители рода людского могли бы быть поделены на два разряда — тех, кто одарен способностью страдать, и тех, кому нравственные муки и угрызения совести неведомы.

Эту свою концепцию автор раскрывает с полной ясностью в четвертой картине пьесы:

«Кока (берет листок и читает): — В самый трагический момент они переживают глубокий нравственный кризис, своеобразный катарсис, и обогащенные им ..уже не возвращаются к прежней жизни, не знавшей внутреннего волнения. Они — не протестанты на мгновение, а заново рожденные в нравственном отношении люди».

Кока — центральный персонаж пьесы — сам лишь тогда расстается с безнравственной и бездумной жизнью, когда оказывается покинутым всеми — иные умерли, иные разочаровались в нем.

По мнению автора, личности надлежит пройти упомянутые нравственные метаморфозы еще в молодости. Кроме того, человек не может стать полноценным индивидом, если не способствует конструированию собственной личности. Адам спустился на путь совершенствования, лишь будучи изгнанным богом из рая, что и явилось предпосылкой этицизма. Таков библейский миф. Такова же и основная направленность пьесы Лаши Табукашвили, написанной с некоторой фетишизацией красоты. Думается, такое увлечение автора — чрезмерно. Это касается не только стилистики и формы пьесы, но и духовного строя персонажей, характера их мышления и образа действий. Выдвижение на первый план красоты, ее самодовлеющей роли порой затрудняет полноценное восприятие духовного и этического планов произведения.

Трудно согласиться с той весьма значительной мыслью, согласно которой один из крупных человеческих пороков или недостатков в том, что люди носят маску, скрывающую их истинную сущность. Так они, якобы, чувствуют себя защищенными или кажутся сфинксами. Мне же представляется более важным то, что скрывается под этими масками. Последний монолог Коки таков:

«Кока: — Бабушка моя, уходя, думала, что оставляет светлого мальчика. А я родился грешником — чтобы дать мне жизнь, моей матери пришлось умереть. Сам же я вынес приговор собственному ребенку и искалечил душу любимой девушки! А ты мне говоришь, — весна! Когда это бывает, Вадри, что в один прекрасный день ты обнаруживаешь в себе свинью? Мы примеряем миллионы масок и в конце концов подбираем себе самую безобразную, и она так прилипает к лицу, что хочется с кожей отодрать ее, проклятую, но нет уже сил...»

Углубление проблематики, тонкость психологического рисунка, нравственный радикализм, думаю, со временем помогут молодому драматургу при анализе человеческого бытия обратиться не к такому внешнему и поверхностному явлению, как маска, а к более спонтанным проявлениям души и жизни человека.

* * *

Кетэван Кучукашвили назвала свою пьесу «Девчонка Хохе» комедией-сказкой. Вероятно, она имела в виду то обстоятельство, что в сказке все бывает как в жизни, но душа человека там гораздо более обнажена и по-детски мечтательна. У сказки — свое время, больше условностей, значительнее роль случая, и воля автора нередко обходит обязательные законы реализма. Однако такое понимание, думается, и привело к утрате пьесой художественной силы драматургической завязки, основательности драматургического мышления, лишило ее четкости, завершенности, уподобив персонажи властью авторского произвола марионеткам.

И все же комедия-сказка К. Кучукашвили, несомненно, в чем-то привлекательна. Очень оживляют ее, например, эпизоды переодевания Хирхилы. Как только эту настоящую марионетку облачают в какую-либо форму, она сразу начинает чув-

ствовать себя личностью особого значения. Но сняв ее, мгновенно снова превращается в социальное ничтожество. И сожалению, таких моментов в комедии-сказке «Девчонка Хохе» немного.

Украшает пьесу великолепный образный язык, органичный, идущий из самых глубин народной речи. Автор (особенно в первой половине) использует художественный гротеск и почти нигде не прибегает к стилизации, хотя действие происходит в сказочно-экзотическом краю далекого прошлого. Сочно передан языческо-патриархальный быт былого, находящегося за пределами времени. Люди здесь никогда не смотрят в небо, глаза их постоянно устремлены к земле:

«Дардала: — Зима — это хорошо, хорошо. И мы отдыхаем, и земля отдыхает. А как земля зашевелится — и мы на ногах.

Хохе: — Так, так. Земля очнется — и мы завертимся.

Дардала: — Когда поле покроется травой, так нам уже ничего не страшно.

Хохе: — Уж раз потеплеет и трава взойдет, так и свиньи обрадуются.

Дардала: — Ты пойдешь за Хохе: Хохе свиней выгонит в поле, а ты — гусей...»

Если б Кетэван Кучукашвили придала своей пьесе более стабильные формы притчи, ее «Девчонка Хохе», на мой взгляд, во многом бы выиграла.

* * *

Данная статья в силу своего обзорного характера не претендует ни на глубину анализа, ни на окончательность выводов. Наша задача — ознакомить русского читателя с грузинской драматургической продукцией одного года, выявив при этом ее основную тенденцию.

Типизация национального характера

НА ПРИМЕРЕ ПЕРСОНАЖЕЙ ДАВИДА КЛДИАШВИЛИ

Исследователи творчества Давида Клдиашвили, и старые и новые, единодушны в том, что самобытный талант этого большого мастера, своеобразие метода и стиля, высокое мастерство с наибольшей полнотой проявились в его пьесах и рассказах, отражающих быт дворян.

Давид Клдиашвили создал грустную эпопею уходящего класса — «осеннего дворянства», некогда могущественного, а в его время уже обреченного историей, эпопею, без которой удивительно бедна была бы грузинская литература.

«Давайте заглянем в лучшие рассказы Давида Клдиашвили — это эпопея жизни обнищавшего и обанкротившегося дворянства» (К. Абашидзе).

«Клдиашвили уделяет дворянству особое внимание... Имеретинский дворянин в переходную эпоху или «осенний дворянин», его жизнь, его устремления — вот объект внимания Давида Клдиашвили» (И. Гомартели).

«Если бы не Давид Клдиашвили, мировой литературе не был бы известен Соломан Морбеладзе, ни один писатель не отобразил бы Бекину и единственного на всем Черноморском побережье Дариспана-путешественника.

Если бы не Давид Клдиашвили, осталась бы ненаписанной Карожна, прекраснейшая из прекраснейших Карожна» (Галактион Табидзе).

«Давид Клдиашвили оставил нам в сущности одну большую книгу, главным героем которой является обнищавший дворянин со своими удивительными приключениями» (А. Гацерелиа).

Именно благодаря теме «осеннего дворянства» в творчестве Давида Клдиашвили имя его нередко упоминают рядом с именами Сервантеса и Диккенса, Гоголя, Чехова и Бунина.

Давид Клдиашвили создал легенду о целом сословии, и легенда эта опиралась не на вымысел, а на живую действительность.

Клдиашвили — великолепный мастер описания жизни уходящего дворянства. Равного ему в этом нет в грузинской литературе. Впоследствии на смену ему придет Нико Лордкипанидзе, большой писатель и непосредственный его по-

следователь, и отслужит последнюю панихиду по разоренным «дворянским гнездам».

В грузинской реалистической литературе XIX века дворянство, как эксплуататорский класс, подвергалось резкой критике. В творчестве Д. Чоикадзе, И. Чавчавадзе, А. Церетели, Г. Церетели эта критика носила гневный, обличительный характер. Борьба против крепостничества и его последствий, являясь составной частью национально-освободительной борьбы, составляла основное содержание грузинской литературы на этом этапе.

И это естественно. Маркс писал, что в условиях эксплуатации человека человеком в социальной сфере основным пафосом критики является гнев, основным ее назначением — разоблачение....

В этих условиях грузинская литература, как и русская, все чаще обращалась к такой форме беспощадного разоблачения, какой является сатира.

Комедии Г. Эристави, шедевр грузинской реалистической прозы «Человек ли он?», сатирические стихи А. Церетели, романы Г. Церетели и многое другое, знакомя нас с жизнью уродливого общества, во всей его неприглядности, разоблачали антинародную и паразитическую сущность пришедшего в упадок дворянства.

Смех, которым грузинская литература провожала сходящий со сцены истории класс, был беспощаден.

В творчестве грузинских шестидесятников, в пору, когда дворянство все еще представляло собой довольно серьезную социальную силу, оно было объектом уничтожающей сатиры. Классическим памятником того периода является произведение И. Чавчавадзе «Человек ли он?». Говоря словами критика, эта повесть — эпопея жизни дворян, бездельников и ротозеев. Сатира И. Чавчавадзе сурова и безжалостна, это вольтеровская сатира, внушающая отвращение к человеческой низости¹.

Картину жизни дворянства в крепостной Грузии венчает написанная кистью большого мастера гротескная фигура «блестательного» князя Луарсаба Таткаридзе.

Это произведение И. Чавчавадзе явилось первым актом грузинской комедии об исторически обреченном классе, дворянстве, главным героем которой, несомненно, являлся Луарсаб Таткаридзе.

Написать следующий акт этой комедии с драматическим финалом выпало на долю Давида Клдиашвили.

В критике отмечалось, что ему присущи вдумчивость, тонкий, нежный юмор и поэтическая грусть, которые в полной мере проявились в «Соломане Морбеладзе» и «Мачехе Саманишвили».

Критик И. Гомартели, в частности, считал, что тонкий, грустный юмор, который, по его мнению, является украшением рассказов Д. Клдиашвили, есть оборотная сторона «черных, горьких дум» о жизни.

¹ К. Абашидзе. Этюды, с. 194.

К. Абашидзе, обобщив все высказывания по этому вопросу, характеризуя художественный стиль писателя, впервые употребил по отношению к его творчеству выражение, ставшее впоследствии весьма распространенным: «смех сквозь слезы». Критик провел параллель между Клдиашвили и Гоголем, творчество которого теми же словами охарактеризовал еще Белинский.

Лейтмотивом к этюду К. Абашидзе служат слова: «Этот человек... Его можно было бы пожалеть, если бы сама история не была столь смешна».

Итак, отличительной чертой художественного стиля Давида Клдиашвили является смех сквозь слезы, объясняющийся трагическим восприятием действительности.

Хомлели с поэтической восторженностью характеризует юмор Д. Клдиашвили, видя в нем «тихую, спокойную, безнадёжную печаль».

С. Чилая пишет, что «в рассказах Д. Клдиашвили встречаются в равной мере сменяющие друг друга трагические интонации и комические ситуации»¹.

В современном русском литературоведении принято считать, что для рассказов Бунина о дворянстве характерны «слезы сквозь смех» — т. е. слезы, затем смех. Чехову приписуется и «смех сквозь слезы», и «слезы сквозь смех».

Нельзя не согласиться с известным исследователем творчества Н. Гоголя С. Машинским: гоголевский смех сквозь слезы расширяет границы юмора. Это слезы горечи и негодования и в них было все: веселье и печаль, милосердие и гнев, любовь и ненависть. «Этот юмор был грозен и обладал беспощадной разрушительной силой, но вместе с тем он проникнут нежной и самоотверженной любовью к человеку»².

И что примечательно: несмотря на различие художественных и мировоззренческих позиций писателей, и у Гоголя, и у Чехова, и у Бунина, и у И. Чавчавадзе, и у Д. Клдиашвили юмор носит ярко выраженный человеколюбивый, гуманный характер.

Вместе с тем в реалистической литературе XIX века, составной частью которой являлась и грузинская литература, юмористический либо трагико-драматический пафос, как правило, был обусловлен социальным содержанием эпохи, борьбой политических, экономических и социальных сил, свидетельствовавшей о зарождении и утверждении капитализма.

Пример тому — творчество Давида Клдиашвили. В статьях Хомлели, К. Абашидзе, И. Гомартели, Ал. Цулукидзе в основном верно, у некоторых даже с марксистских позиций, охарактеризованы конкретные исторические и экономические условия и социальный фон, которые обусловили

¹ С. Чилая. Предки и друзья. Изд. «Литература да хеловнеба», Тб., 1964, с. 13.

² С. Машинский. Художественный мир Гоголя. М., Просвещение, 1971, с. 352.

творчество Давида Клдиашвили, его мировоззрение и эстетико-художественное отношение к отображаемой действительности.

Стоящие ближе к марксистским позициям критики под-черкивали, что Давид Клдиашвили реалистически отображал характер и жизнь дворянства, в результате бурного развития капитализма окончательно лишившегося почвы под ногами.

Рассказы на крестьянскую тематику, в силу их одно-сторонности, в ту пору меньше интересовали критиков.

И только их стараниями можно объяснить тот факт, что имя Д. Клдиашвили как большого писателя связывается исключительно с произведениями, написанными о дворянстве. В то время как его рассказы о крестьянстве содержат не меньше интересного материала.

«Город потряс современную деревню. Крестьянина и часть дворян потянуло в торговлю. Теперь среди них нема-ло денежных людей, которые живут лучше своих прежних господ. Борьба за существование рождает в нашей действи-тельности все больше таких типов, жизнь и духовные устрем-ления которых требуют пристального внимания к ним, изу-чения и таланта отображения»¹, — писал Хомлели.

Писателем такого масштаба и считал Хомлели Давида Клдиашвили.

«Давид Клдиашвили тщательно изучил жизнь задавлен-ных нуждой грузинских мелкопоместных дворян. С удиви-тельной правдивостью рисует он картину их постепенного обнищания, нужду, рисует новую зарождающуюся жизнь, посте-пенный уход из села в город, уход, диктуемый нынешним экономическим строем», — пишет К. Абашидзе. И там же: «Д. Клдиашвили — поэт, отразивший печаль пустеющего села и равнодушно отмечающий господство города»².

«Новая жизнь застала дворянство врасплох: оно было не подготовлено к ней и хотя самоотверженно боролось, пытаясь приспособиться, но жизнь повергла многих. Д. Клдиашвили рисует нам поле боя, на котором одни уже повержены, дру-гие из последних сил оказывают сопротивление, но не сегод-ня-завтра будут побеждены», — писал И. Гомартели.

Еще более ясно выразился критик-революционер и марк-сист Ал. Цулукидзе: «Дворянство, как сословие, нарост на теле современной действительности. Уже ни для кого не сек-рет, что нужда гонит мелких производителей в промышлен-ные центры. Ценность этой вещи («Невзгоды семьи Каму-шадзе») — именно в правдивом отображении действитель-ности в литературе».

С. Горгадзе, рецензент журнала «Мцкემси» («Пастырь»), откликнулся на рассказ Д. Клдиашвили «В приходе». В статье он дает довольно полную картину жизни грузинского села 90-х годов, особо подчеркивая стремление обедневших слоев сельского населения в город. Причину этого он видит

¹ Журнал А. Церетели «Кребули». 1899, № 9, с. 51.

² К. Абашидзе. Этюды, с. 441.

«в том уровне развития общества, которого не так давно достиг грузинский народ... В разрушении крепостнической и воцарении нового «городского» капиталистического, в падении села и все усиливающемся господстве города».

Это именно тот случай, когда совпадают жизнь и художественная действительность.

Критики единодушно подчеркивали глубокое знание жизни писателем и объективное, порой документальное ее отображение. По выражению Г. Кикодзе, Клдиашвили был «фанатиком действительности». Это уже новое качество грузинского реализма, и здесь он смыкается с реализмом Гоголя, Толстого, Чехова, Бальзака.

Величайший реалист новой эпохи Т. Манн писал: «Я утверждаю, что способность выдумать персонаж и интригу не является критерием писательского дарования. Я утверждаю, что величайшие писатели никогда в жизни ничего не выдумывали, а только наполняли своей душой и преобразовывали уже известное...»

Последние слова с полным правом можно отнести к Д. Клдиашвили и Э. Ниношвили.

«Секрет всемирного вечного успеха — в правдивости», — говорил основоположник критического реализма Оноре де Бальзак.

Мопассан говорил, что писатель, чтобы взволновать читателя, «как его самого взволновало зрелище жизни... должен построить свое произведение при помощи таких искусных и незаметных приемов и с такой внешней простотой, чтобы невозможно было увидеть и указать, в чем замысел и намерения автора». Это в полной мере можно отнести к творчеству Давида Клдиашвили.

Давид Клдиашвили удовлетворял самым строгим принципам реалистического отображения, с огромным знанием действительности воссоздавая ее картины.

Реализм в Грузии берет начало в 50-60-х годах прошлого века.

Грузинское литературоведение немало трудов посвятило творчеству писателей-реалистов 60-х годов. Тем более странно утверждение современного русского советского ученого С. М. Петрова о том, что в Грузии и Армении только в начале XX века появилась плеяда писателей-реалистов¹, так же как и на Украине, в Белоруссии, Латвии, Литве и т. д. Петров перечисляет ряд имен: П. Мирный, И. Франко, Коцюбинский, Я. Купала и др., не упоминая ни одного грузинского писателя. Думается, что в этот список обязательно должен был бы попасть и Давид Клдиашвили. Бесспорно одно — реализм «переходного» периода, крупнейшими представителями которого являются Э. Ниношвили и Д. Клдиашвили, отличается от реализма

¹ С. М. Петров. Основные вопросы теории реализма. Москва, 1975, с. 38.

И. Чавчавадзе и А. Церетели. Это признали и упомянутые выше грузинские критики.

Каждый рассказ Д. Квдиашвили отображает моменты в жизни персонажа, какую-то ее часть или даже картину, но вместе взятые, по словам К. Абашидзе, они создают эпопею жизни обнищавшего дворянского сословия — азнауров. Говоря, словами А. Гацерелия, это одна книга, главный герой которой — «осенний дворянин». И заголовком к этой книге может служить то же выражение — «Осенний дворянин».

Кто же он, этот «осенний дворянин»? Кем он был раньше и что он представлял собою в 90-е годы прошлого века?

Как свидетельствуют историки, этот — один из наиболее сложных и значительных в истории социальных взаимоотношений Грузии — вопрос до конца еще не исследован.

Из трудов И. Джавахишвили, С. Джанашиа, Н. Бердзенишвили мы узнаем, что с XV века в Грузии уже нет независимых, живущих в своих наследных поместьях дворян (азнаура). Азнауры находятся при царе, церкви или князьях (тавадах). Большинство из них владеет мелкими поместьями и небольшим числом крепостных, дарованных им патроном.

Обязанности азнауров перед царем и тавадами (высшим дворянством) заключались в сопровождении их повсюду, в участии в походах и охоте. Азнаур должен был являться к патрону в соответствующей военной экипировке, с конем и слугами.

«Основным признаком, отличающим мелкопоместного азнаура от крестьянина, являлась личная свобода»¹, — отмечается в исследовании Г. Акопашвили.

Это заслуживающее внимания замечание. Однако порой так наз. личная свобода сводилась на нет. Нередкими бывали случаи, когда тавад продавал азнаура, дарил его или давал в приданое дочери. С царскими азнаурами это случалось реже. И не случайно азнауры искали службы у царя.

По свидетельству тех же историков, азнаурство как социальная прослойка, было исключительно грузинским явлением, неизвестным в социально-общественных отношениях других стран. Поэтому грузинское азнаурство не имеет параллелей в других странах. Можно отметить некоторое сходство с испанскими идалго, германо-французским обедневшим рыцарством и польской шляхтой, но оно чисто внешнее, а суть различна.

Своеобразное социальное положение этой прослойки сформировало тот тип, который традиционно у нас называется азнаурским и в котором по-своему проявился грузинский национальный характер.

¹ Г. Акопашвили. Из истории социальных взаимоотношений в Грузии XV—XVIII вв. Мецниереба. Тб., 1965, с. 5.

Во всех случаях, чтобы избежать ошибок, анализируя художественные произведения Д. Кидиашвили, нужно учитывать некоторые характерные для азнаурского характера черты.

Каковы же эти черты?

Как уже было сказано, в конце XIV столетия дворяне (азнауры) выделились из так называемого «большого» дворянства. Последние стали тавадами — господарями. Нередко среди тавадов и азнауров встречались люди, носящие одну и ту же фамилию. И азнауры из поколения в поколение лелеяли мысль о возвращении в тавадское сословие. Отсюда обостренная сословная гордость. В лучшем случае азнаур мог заслужить титул тавада, проявив храбрость и мужество в походе, но, бывало, заслуживал его подлостью, подхалимством, а иногда даже предательством. За особую храбрость, мужество и государственные заслуги тавадский титул был пожалован, например, дворянскому роду Георгия Саакадзе (в начале XVII в.).

Отсюда двойственность азнаурской природы: с одной стороны — геройство, мужество, с другой — раболепие, лживость, предательство.

Азнаур был ратником, наездником, охотником. Он любил путешествия, опасности, приключения. Его верные друзья — конь и оружие. Он всегда готов явиться пред очи своего властителя, «сопровождать» его: он нарядно одет, конь седлан, оружие в порядке.

Если по каким-то причинам ему не удалось принять участие в походе или охоте, он сам придумывает себе приключения, подвиги. Отсюда самовлюбленность, показное мужество, хвастовство, преувеличение своих заслуг, чванливость. Отличался он и драчливостью. Недаром в народной песне об азнауре говорится: «Люблю я щегольнуть, заломив шапку набекрень, пройтись по деревенской улице, повсюду затевая драки».

Малоземельный или вовсе безземельный азнаур чаще всего уходит из отчего дома. Он чурается деревенской работы, бежит от плуга и сохи. Поэтому он вечно голоден, завидующими глазами смотрит на чужой кусок. «Что нужно азнауру? Тоненькая красная веревочка, чтоб потуже затянуть ее на поясе и пойти погулять по деревне», — говорил народ.

Очень часто он незванный, нежеланный гость. Хотя справедливости ради нужно сказать, что сам он гостеприимен и не жалеет ничего, чтобы соблюсти правила гостеприимства.

Обостренное чувство собственного достоинства, которое нередко переходит в высокомерие, в свою очередь, вынуждает его быть крайне обходительным, он неукоснительно следует передающимся из поколения в поколение традициям в сфере этики. «Самолюбие азнаура», «обходительность азнаура» подразумевают определенные традиции в сфе-

ре морали и являются одним из отличительных сословных признаков.

Нередко азнаур — слуга двух господ.

В борьбе за объединение Грузии, за централизацию власти, яркими противниками которой являлись крупные феодалы, царская власть опиралась именно на мелких дворян. Тавады и эриставы использовали своих азнауров в тех же целях. Поэтому в их характере — осторожность, мнительность, двуличие, лживость.

Можно перечислить еще множество, иногда взаимоисключающих, сословных черт характера, выработавшихся в течение веков и в большей или меньшей степени передавшихся после распада феодального общества и новому поколению. Заметим, что это были именно черты характера, а никак не актерская маска, как утверждают некоторые исследователи. Вообще-то артистизм, присущий грузинскому характеру, — стремление к возвышенному, приподнятому — является, естественно, и чертой характера азнаура.

Именно двойственность характера и обуславливает социальный облик азнаура, его самобытность, драматические и комические проявления его натуры, его негативные и позитивные стороны.

Таким образом, исторически в модели грузинского характера в определенной мере присутствует то, что принято называть азнаурским характером.

Наблюдения над грузинским национальным характером пробуждают множество отрядных и в то же время горьких дум у великих деятелей просветительского движения XIX века — И. Чавчавадзе, А. Церетели, Г. Церетели, Н. Николадзе. В их трудах преобладает обличительный пафос, самокритика, но во всех случаях это раздумья о настоящем и будущем грузинского народа. Заботясь об оздоровлении общества, занимаясь поисками «самой верной, целесообразной модели национального самоутверждения» (Г. Асатиани), все симпатии свои и усилия они направляли на улучшение положения угнетенного крестьянства. В этих условиях на первый план сознательно выдвигается разоблачение негативных сторон тавад-азнауурского сословия, как привилегированного класса.

«В старину наше тавад-азнауурство делилось на две части: патриотов, самоотверженных людей, и подлых, двуличных предателей», — писал Акакий Церетели. Перечисляя исторических героев, «которые более служили врагам, нежели друзьям», он продолжает: «что мешало этим необыкновенным героям делать у себя на родине то, что они делали за ее пределами? Зависть и жадность, вызывающие вражду между родами... явление, распространенное по всей Грузии. Один сеет — другой в обратную сторону боронит, один прядет — другой назло ему распускает пряжу. Правда, сегодня уже тавады и азнауры пришли к своему концу, — продолжает Акакий, — но в наследство нам достались зависть, вражда, злоба и т. д.»¹.

¹ А. Церетели. Сочинения, т. 14, с. 174.

В новых социальных условиях эти отрицательные качества проявились в азнаурах во всей своей уродливой сущности. Полнейшая неспособность этого сословия приспособиться к новому помещичье-буржуазному строю ускорила процесс его вырождения.

В 1867 году в газете «Дрозба» был напечатан фельетон «Записки путника или Киколика, Чиколика и Кудабзика». Это первое большое произведение одного — из представителей грузинской реалистической прозы, выдающегося писателя Георгия Церетели. В нем с документальной точностью были изображены картины тогдешней действительности, в особенности жизнь села в последний период крепостничества. Место действия рассказа — Верхняя Имерети.

Персонажи «Записок путника» в основном сатиро-юмористического плана, в особенности же Кудабзика¹.

Кудабзика — слово, которым характеризовали обычно азнауров — в рассказе Г. Церетели имя собственное. «Он был проворен и резв, этот выскочка. По седым волосам, носу, похожему на клюв, и тоненьким, в ниточку, усам в нем сразу можно было признать имеретинца... Очень горд и высокомерен был этот благословенный Кудабзика, хотя сидел на вздерошенном и тощем коне — одни кожа да кости. Поминутно натягивая поводья и нещадно колотя по впалым бокам каблуками со шпорами, чтоб хоть как-нибудь взбодрить своего породистого коня, он при этом гордо поглядывал на окружающих, взгляните, мол, на каком скакуне я сижу. У бедного коня же от шпор были ободраны бока»². Если к этому прибавить те комические ситуации, в которых часто оказывался Кудабзика, то портрет этого чванливого азнаура получится исчерпывающим.

Нужно сказать, что Кудабзика — самый удачный и завершенный художественный образ в этом, несколько расплывчатом по сюжету, рассказе, больше того, это уже тип. Анализируя рассказ, грузинская критика особо выделила образ Кудабзики. «Если бы во всем этом рассказе ничего не было, кроме образа Кудабзики, и тогда в нашей литературе навечно остались бы «Записки путника», потому что Кудабзика — настоящий тип»³, — писал Н. Николадзе.

В образе Кудабзики критики отметили наличие множества сословных черт. Так или иначе, но Кудабзику считают предшественником азнауров Давида Клдншвили.

Акакий Церетели, величайший знаток национальной культуры и быта, с самого начала признал Кудабзику грузинским национальным типом и рассматривал его в ряду с другими мировыми национальными типами. В одном из своих фельетонов, названном «Пестрые мысли», он остроумно охарактеризовал Дон Кихота и Фальстафа, отмечая сходство и различие между ними. Оба этих типа национальны и в то же время интернациональны. А Кудабзика Г. Церетели, которого

¹ Кудабзика — чванливый, заносчивый.

² Г. Церетели. Избранное. Тб., 1947, т. I, с. 41.

³ «Моамбе», 1894, № 3.

сближают с ними юмористические приключения и некоторые свойства характера, — «исключительно грузинский национальный тип», и притом тип новый, из сегодняшней действительности», — отмечал писатель¹.

По его мнению, Кудабзика — плод несостоятельной, неверно понятой культуры. А «кудабзикоба» — чванство — проявление отрицательных сторон грузинского характера. А. Церетели считал этот признак характерным для всего привилегированного общества, а выражение это прочно утвердилось в его фельетонах. Выдающийся писатель и просветитель занимался изучением противоречивой природы грузинского характера. В гениальной поэме Шота Руставели он видел прежде всего грузинскую действительность и в первую очередь — грузинский характер. Акакий Церетели создал блестящие этюды о грузинском национальном характере, противопоставляя друг другу карталинский и имеретинский характеры. В его этюдах подмечены как поверхностные признаки, так и глубокие, причинно-следственные. Акакий болезненно воспринял Кудабзика как национальный тип, а автора рассказов об «осеннем дворянстве», которому довелось завершить, отшлифовать этот образ, он признал величайшим мастером новой грузинской реалистической прозы. Сто лет назад он разглядел в характере имеретинского дворянина то, что наш современный критик считает исконным признаком грузинского характера: «Природный артистизм, врожденное стремление ко всему возвышенному, необычному, «патетическому», ко всему, что связано с творчеством, искусством, фантазией, выдумкой» (Г. Асатиани).

Азнауры Давида Клдиашвили абсолютно идентичны описанной Акакием модели имеретинского характера. Они идентичны и модели грузинского характера, описанной современным критиком. «В каждом грузине одновременно сидят два существа — два антипода Давида Клдиашвили: несчастный, готовый умереть от стыда Платон и бесшабашный Кириле», — отмечает Г. Асатиани.

В лице Давида Клдиашвили в грузинскую литературу пришел большой мастер по лепке национальных характеров, отобразивший как поверхностную, так и глубинную природу целой общественной прослойки, целого сословия, ту противоречивую двойственность, которая, оказываясь, присуща вообще грузинскому характеру. Поэтому Давид Клдиашвили является глубоко национальным писателем.

В период феодального господства, с XV века до середины XIX века, азнауры вместе с тавадами нещадно угнетали крестьян. Позднее, с ослаблением феодальных отношений и с распадом феодального общества в 1864 году, азнауры уже почти ничем не отличались от крестьян. Вспомним: и ранее большая часть азнауров отличалась от крестьян только личной свободой. Теперь же исчезает и это различие. Азнаур и крестьянин уравнились в своих правах. Более то-

¹ А. Церетели. Сочинения. «Сабчота Сакартвело», Тб., 1961, т. 13, с. 126.

го, непривычные к труду азнауры оказались в худшем, чем трудовое крестьянство, положении.

Имущественное и правовое положение азнауров и ранее сильно отличалось от положения тавадов, а в период зарождения капитализма этот разрыв еще более увеличился.

«Тавады и после уничтожения крепостного строя сохранили большую часть земельного фонда, — говорится в «Очерках по истории Грузии», — в особенности крупные землевладельцы. Что касается мелких и средних землевладельцев, хотя они численностью и превосходили все остальные группы, в их руках была сосредоточена небольшая, незначительная часть земли, незначительна была и их роль в общей экономической жизни страны».

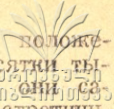
В этих условиях азнаурство окончательно теряет свои функции и, оказавшись между тавадами и крестьянством, превращается в деклассированный элемент. Немало интересного с этой точки зрения в статье революционера-демократа Н. Николадзе, опубликованной еще в 70-е годы XIX в. и озаглавленной «Наш дворянский пролетариат». Из этой статьи мы узнаем, что большая часть преступлений — бандитизм, воровство, разбой — приходилась на долю представителей этого сословия. Публицист пытается постичь причины этого и дает интересный анализ тогдашнего положения азнауров. По его мнению, после крестьянской реформы «выработался новый тип азнаура, который... живет за чужой счет и питается обедками... Он не может жить, обрабатывая землю, так как физический труд в его кругу, к сожалению, все еще считается уделом черной крови — крестьянства... Если даже азнаур преодолет этот предрассудок и решит взяться за соху и косу, и тогда тяжелый физический труд не даст ему возможности жить достойно своего звания. Наш кавказский дворянин не может жить без слуг, отказаться от хорошей одежды... Но такую жизнь не может ему дать ни маленький участок земли, оставшийся ему после реформы, ни физический труд — обработка этой земли»¹.

Выход Н. Николадзе видит в том, чтобы правительство открыло азнаурам путь в военные учебные заведения, где они смогли бы проявить присущие их сословию способности к военному делу.

Н. Николадзе приводит интересную справку: азнауры в то время составляли 10 процентов населения Имерети, на 1000 человек приходилось 105 азнауров. Для маленького, отсталым хозяйством края это очень большая цифра. Становятся ясными причины, вызвавшие социальный и экономический упадок этого сословия, — «опролетарение». Статья Н. Николадзе написана специально в связи с участвовавшей преступностью в среде азнауров — контрабандой, воровством, бандитизмом.

Как писал Н. Николадзе и впоследствии А. Церетели, азнауры «в поисках счастья» уходили в город и поступали в услужение к богатым людям либо в гостиницы, рестораны.

¹ Н. Николадзе. Соч. «Сабчота Сакартвело», Тб., 1964, т. 4, с. 534.

В статье «Имеретины» А. Церетели обрисовано положение азнауров в 90-е годы. «Из Имерети ежегодно десятки тысяч уезжают в другие края на заработки или, как они сами говорят, на поиски счастья. Где только ни встретишь имеретина! В Тбилиси число их перевалило за несколько тысяч, и стоит, пожалуй, внимательнее приглядеться к ним».

Среди них, замечает Акакий, «большая часть — сыновья имеретинских азнауров, которые по бедности не могут получить образования дома и, приезжая в город, постунают в услужение»¹. Некоторые достигли определенного положения. Но счастливы ли они? — спрашивает Акакий. — Многие погибли если не физически, то морально.

Формируется своеобразный тип «имеретинского слуги» — грузинского Фигаро — который с такой полнотой отобразила грузинская комедиография: Г. Эристави, З. Антонов, Р. Эристави, А. Цагарели, А. Церетели. Этот «имеретинец» дворянского происхождения — постоянный персонаж грузинской сцены XIX века — старается всем угодить: и хозяину, и его друзьям, и даже недругам. Он всегда шутит, разряжен в пух и прах, словоохотлив. На чьей стороне сила — тому он и служит, поэтому легко может предать того, кому вчера был верен. Он не теряется в обществе горожан, склонен к подражательству, имеет покладистый характер. Любит опасности — различного рода интриги, легкий флирт, похищение женщин, охотно помогает адюльтеру, в меру смел, дерзок, в меру осторожен, если нужно, с удовольствием примет участие в драке, картинно хватаясь за кинжал. Но в то же время постарается вовремя улизнуть, да еще и выгадать что-нибудь.

Таков, так сказать, городской вариант обнищавшего азнаура. Определенная часть их навсегда остается в городе, сливается с ним, некоторые становятся городскими пролетариями, иные — «счастливчики» — пополняют ряды состоятельных горожан. Часть же возвращается в село и ведет «благородную жизнь», пока нужда не вынудит вновь отправиться на поиски счастья.

С ростом капитализма еще более явной становится совершенная неприспособленность азнаурского сословия к новой жизни.

Особенно болезненно этот процесс шел на селе, там, где находились наследные «дворянские гнезда». Положение дворянства как потерявшего свои функции сословия широко обсуждалось в прессе второй половины XIX века. Об этом писали И. Чавчавадзе, А. Церетели, Н. Николадзе, Г. Церетели, А. Пурцеладзе и другие.

Вот, например, какую картину нарисовал корреспондент газеты «Квали». Он пишет об азнаурах села Ивандиди (Нижняя Имерети): «Посмотрим на жите-бытие здешних азнауров: расшатанный деревянный отчий дом, двор не обнесен, а если обнесен, то так, что через изгородь перепрыгнет и поросенок. Пустой кукурузный амбар со свалившейся крышей, позабытый и

¹ А. Церетели. Газ. «Квали», 1894, № 14.

мышами. Что случилось с ивандидскими азнаурами, почему они так обнищали? — задает злосчастный вопрос корреспондент статьи и сам же отвечает: — Опиравшийся на чужую силу ивандидский азнаур неподготовленным вступил в период, когда время — деньги, когда побеждает тот, кто умеет бороться за свое существование... Вместо того чтобы уйти из отчего дома в город и принять участие в сегодняшней жизни, он не расстается со своим двором, не мыслит существования без своего крова, его две грядки ничего ему не дают, он же только на них и рассчитывает...»¹

Причиной бедственного положения азнауров автор считает суеверие, невежество, отсталость. Не без юмора он пишет: «Ивандидцы могут похвастаться тем, что они занимают первое место в такой науке как «суеверие». В Ивандиди нет старых женщин, которых бы не обвинили в колдовстве. Некоторые здешние «господа», пользуясь темнотой и невежеством своих односельчан, откалывают шутки, которые вся деревня принимает за чистую монету...»

Что это — эпизод из рассказа Давида Квдиашвили, или? Нет, это картина из грузинской действительности, увиденная и описанная талантливым, наблюдательным человеком, который не без иронии подписал корреспонденцию «Азнаур Гела Ш-иа». Блаженной памяти азнаур «Гела Ш-иа» не оставил истории своего настоящего имени, и нам неизвестно, какой след проложил он в публицистике. Но он не забыт благодаря этой удивительно живо написанной картине, достойной пера мастера. Это — ценное свидетельство, документ эпохи.

Вот еще одно свидетельство из прессы тех лет: в Хони на ярмарках азнауры торговали с повязанными лицами, чтобы их не узнали знакомые. Они стыдились. Бедные азнауры! Им было стыдно торговать, стыдно работать. А жизнь принуждала их к этому. Народ же подмечал все. В метких рифмованных пословицах он беззлобно высмеивал азнауров: «Скончалась у азнаура жена от голода, а он сказал, что от болезни», «Раньше азнауры занимались соколиной охотой, а ныне их жены пасут свиней» и т. д.

«Осенними дворянами» назвал их Давид Квдиашвили. Он ввел в употребление выражение, которое точно определило социальное содержание дворянства и эстетическое отношение к нему общественности. Выражение это возникло на стыке двух веков, в 1900 году, хотя оно уже давно зрело, вертелось у всех на кончике языка и ждало, чтоб его произнесли.

И вот оно произнесено. В рассказе «Невзгоды семьи Намушадзе» есть сцена, где выведена целая галерея типов, великолепная картина пиршества азнауров. Дворяне Камушадзе решили крестить сына и в крестные отцы ему выбрали богатого крестьянина Самададзе. Чтоб не ударить лицом в грязь перед родственниками и соседями, «достойно справили крестины». Среди гостей был азнаур Серапион Гор-

¹ Газ. «Квали», 1898, № 42, с. 695.

деладзе — типичный кляшвилевский азнаур — весельчак, острослов, в первую очередь посмеивающийся над собой, мастер полшутя говорить полуправду. Он просит хозяина посадить его рядом со священником, так как от голода, как он признался, кишки присохли к позвоночнику, священнику же будут посылаются лучшие куски, и ему, дескать, кое-что перепадет. Среди гостей также — азнаур Николоз, который хвастается тем, что у него много «чувяков и калош», осоловевший от вина и еды священник, который, как «приколоченный», сидел на стуле и, не имея сил сказать хоть слово, время от времени бессмысленно поводил глазами. Тут были и горожане: бродячий адвокат, азнаур Порфирий Бегашвили, готовый сам стать крестником богатого крестьянина, лишь бы что-нибудь перепало на его долю, Беглар Джинчарадзе, удививший общество мазуркой, и двоюродный брат хозяйна — Отии Камушадзе — Бесарион Камушадзе, молодой человек, который после долгого бродяжничества вернулся домой. Ну и, разумеется, крестный отец Самададзе. Все уже сильно навеселе, и Бесарион Камушадзе едва сдерживается — назревает скандал. И вот здесь и берет начало история термина «осеннее дворянство».

Разозленный Бесарион ударил Самададзе и повалил его на пол, крича, что крестьянину не место с благородными господами. Самададзе вне себя от обиды и ярости поначалу не мог обрести дара речи, а затем: «...Я крестьянин? — взревел он, выпрямляясь. — Да, я крестьянин, но я, во всяком случае, лучше, чем ты — «осенний дворянин».

Эта фраза вывела всех из равновесия. В тексте рассказа это выражение повторяется часто и каждый раз воспринимается присутствующими, разумеется, азнаурами, как нож в сердце. Насмешливое прозвище «осенние дворяне», брошенное крестьянином Самададзе в лицо азнаурам, превратилось в термин эпохи.

В центре «батальной сцены», мастерски нарисованной писателем, стоит богатый, состоятельный крестьянин Самададзе, на которого с руганью навалились пьяные азнауры. Но его не так-то просто повалить. И Самададзе, чувствуя свою силу, берет на себя историческую миссию — выносит им безжалостный приговор.

«Осенний дворянин» — это термин-приговор, термин-функция, в котором отобразилась трагедия и комедия целой социальной прослойки. Этот термин вместил в себя все те черты, которые определяли социальный облик и характер азнаура.

Лали АВАЛИАНИ

«ГРУЗИЯ... НАВСЕГДА ОСТАНЕТСЯ В МОЕЙ ПАМЯТИ...»

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТУРНЕ ФЕДОРА СОЛОГУБА И ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА ПО ГРУЗИИ

Весной 1913 года литературное турне по Грузии совершили Федор Сологуб, известный в свое время писатель, со своей супругой, тоже писательницей, Анастасией Чеботаревской и молодой поэт Игорь Северянин, едва ступивший на путь недолгой славы.

Их визит в Грузию был первым и последним. И хотя вряд ли они оставили глубокий след в грузинской поэзии, равно как и Грузия, пожалуй, не сыграла заметной роли в их творчестве, все же с точки зрения здешней литературной атмосферы той поры, а также творческой биографии самих русских поэтов, небезынтересно ознакомиться с подробностями их пребывания тут.

Путешествуя по югу Российской империи, Федор Сологуб и Игорь Северянин побывали в 39 городах, в том числе в Тбилиси, Кутаиси и Батуми.

Но прежде коротко о них самих.

1913 год был зенитом писательской славы Сологуба. Правда, уже намечался некоторый спад его популярности, и это турне в какой-то мере являлось попыткой отстоять завоеванную высоту. Северянин же только ступил на шаткие подмостки, ведущие к титулу «короля поэтов». Примечательно, что к его поэтическому сборнику «Громокипящий кубок» (1913 год), явившемуся значительной вехой в творчестве поэта, предисловие написал именно Федор Сологуб.

Сологуб — признанный мэтр старшего поколения русских символистов, Северянин — довольно самоуверенный

лидер маленькой группы эгофутуристов. Одному было около пятидесяти, другой шел навстречу двадцать шестой весне.

Разница в возрасте, мировоззрении, темпераменте, а также различие поэтических почерков, как видно, не помешали успеху их совместных литературных вечеров. Сологуб проявлял особую заботу по отношению к молодым поэтам. Так же как и Валерий Брюсов, он выделил из футуристов Игоря Северянина. Его восторженное предисловие в значительной степени способствовало популяризации «Громокипящего кубка» Северянина. Вышеупомянутое турне также сыграло определенную роль в росте популярности молодого поэта.

Сейчас тома Сологуба стали библиографической редкостью (в 1909-1912 годах вышло в свет двенадцатитомное собрание сочинений писателя, начался также выпуск двадцатитомника; до революции многократно издавался роман «Мелкий бес» и др.). То же самое можно сказать и о сборниках стихов Северянина (в 10-х годах лишь «Громокипящий кубок» был издан десять раз). И только в 1975 году, после длительного интервала, были изданы поэтические сборники Сологуба и Северянина, познакомившие современного читателя с их творчеством.

Один из самых видных представителей старшего поколения русских символистов Федор Сологуб (его настоящая фамилия Тетерников) прошел трудный, противоречивый, порой парадоксальный путь жизни и творчества. Несмотря на нужду, трудолюбивый и способный юноша сумел проторить себе дорогу к успеху.

Писать стихи он начал с юных лет. В 1889 году впервые перевел Поля Верлена. Страстно увлекся «чистым искусством», «новыми пророками» — Шопенгауэром и Ницше. Тем не менее восторженно встретил революцию 1905 года и горько переживал ее поражение. Драматические обстоятельства личной жизни усугубили пессимистический настрой его творчества.

К тому времени Сологуб был уже автором «Мелкого беса» (1905 год), справедливо признанного одним из лучших русских романов начала века. Писатель интенсивно трудился — писал рассказы, пьесы, публиковал сборники стихов.

Особенно выросла популярность Сологуба в годы реакции. По свидетельству Андрея Белого, «Андреев, Куприн, Горький и Сологуб стали одно время четверкой наиболее знаменитых писателей. Четверку эту превозносила критика 1908-1910 годов».

В 1908 году 45-летний Сологуб обзавелся семьей. Он женился на только что вернувшейся из Парижа писательнице Анастасии Чеботаревской, переводчице Стендаля, Мопассана, Метерлинка. Чеботаревская в корне изменила жизнь и общественное положение мужа, что весьма саркастически было подмечено его собратьями по перу. «Сологуб сменил мещанский быт на «шик-модерн», обрил бороду и стал большим писателем», — писал один из его современников.

Метаморфоза, видимо, была настолько явной, что даже Александр Блок, ценивший творчество Сологуба, удивленно отмечал в своем дневнике: «Женившись и обрившись, Сологуб разучился по-сологубски любить Смерть и ненавидеть Жизнь».

Во время первой мировой войны писатель, живя за границей, примкнул к шовинистам, а революцию 1917 года, как это ни парадоксально, встретил восторженно. Однако все это было позже. А в 1913 году Федор Сологуб взял под свое покровительство Игоря Северянина, посвятил подробное предисловие его «Громокипящему кубку» и предложил провести совместные литературные вечера.

Игорь Северянин (его настоящая фамилия Лотарев) опубликовал свои первые стихи в 1905 году. Первый поэтический сборник его вышел в 1908 году. Одно время он объявлял себя последователем Константина Фофанова и Мирры Лохвицкой. В 1911 году Северянин организовал в Петербурге группу эгофутуристов. Фактически с его стихотворения «Пролог эгофутуризма» и началась история русского футуризма. До выхода в свет «Громокипящего кубка» имя Игоря Северянина было известно лишь узкому кругу читателей поэзии. Именно с этим периодом совпало литературное турне Сологуба и Северянина по Грузии.

Несмотря на внутреннюю противоречивость и духовные колебания, творчество Федора Сологуба было цельным с художественной точки зрения. Этого нельзя сказать о поэзии Северянина, популярность которой обусловили диаметрально противоположные мнения и оценки современников.

Так, Максим Горький высоко ценил поэзию Северянина. По мнению Блока, это был «настоящий, свежий, детский» талант. Брюсов гордился, что гораздо раньше других открыл подлинное дарование Северянина. Сологуб еще в 1913 году выразил свою восторженность в предисловии к «Громокипящему кубку». А Владимир Маяковский после раскола эго- и кубофутуристов безжалостно обнажил недостатки Северянина, назвав его «маркитанткой русской поэзии». Корней Чуковский писал о лакированной, «парфюмерно-буржуазной» поэзии Северянина, а его самого называл «галантным поэтом с эстетикой сноба». Однако следует отметить, что и Горький, и Блок, и Брюсов прекрасно понимали слабые стороны поэзии И. Северянина; Маяковский, в свою очередь, не отрицал начисто таланта своего соратника по перу, а Чуковский за «вульгарной личностью сноба» видел талантливого поэта.

Поэту, еще в 1912 году писавшему: «Мне скучен королевский титул, которым бог меня венчал», падкая на литературные сенсации аудитория в феврале 1918 года в зале Московского Политехнического музея на самом деле присвоила титул «короля поэтов». Это относилось к тому времени, когда большинство критиков было встревожено «северянинщиной», превратившейся в «общественное бедствие».

По иронии судьбы, именно после его посвящения в «короли поэтов» начала таять слава Северянина — кумира мелкобуржуазного общества. Позже, очутившись в эмиграции, он

оказался лицом к лицу с одиночеством, забытый всеми, угнетаемый разлукой с родиной. Скончался поэт в оккупированном фашистами Таллине.

Роль третьего участника литературного турне — писательницы и переводчицы Анастасии Чеботаревской (1876—1921 гг.), видимо, ограничивалась рамками жены и популяризатора творчества известного писателя.

5 апреля 1913 года в тбилисских газетах «Сахалхо газети» и «Кавказ» были напечатаны объявления о первом вечере Сологуба и Северянина. Из объявлений хорошо видно «соотношение сил» — в них сказались различная степень популярности русских поэтов в Грузии. (Очевидно, «Громкопиющий кубок» Игоря Северянина еще не был издан, во всяком случае грузинский читатель не был знаком с этой книгой).

«В концертном зале общества артистов в пятницу 5 апреля состоится чтение произведений Федора Сологуба. Участие принимают: Анастасия Чеботаревская (супруга Ф. Сологуба) и поэт Игорь Северянин. Ф. Сологуб прочитает лекцию на тему «Искусство наших дней». Во время лекции будут прочитаны новые, пока еще не опубликованные произведения», — писала «Сахалхо газети». О том же сообщала и газета «Кавказ» с небольшим различием: «Лекция будет иллюстрирована чтением новых, пока еще не опубликованных произведений лектора». Объявления создают впечатление, что это был вечер Федора Сологуба. На самом же деле молодой Северянин внес не меньший вклад в успех вечеров, чем Сологуб.

В 1913 году еще не существовало группы грузинских символистов — «голубороговцев». Поэтому нельзя говорить об отношении представителей грузинского символизма к мэтру русского символизма — Сологубу. Грузинская футуристическая группа была создана лишь в 1921 году, поэтому Игорю Северянину, как футуристу, не было оказано особого внимания.

Грузинский читатель, заинтересованный «новой поэзией», был хорошо знаком с творчеством Сологуба. И до 1913 года, и позже в грузинской прессе печатались переводы его стихотворений.

В 1911 году кутаисская газета «Колхида» публикует статью критика Кюки Абашидзе «Пессимизм в поэзии Сологуба» (№ 63, 15 июня). Как видно, грузинский критик правильно понимал сущность его мировоззрения и творчества.

Визит Сологуба и Северянина в Грузию не был широко освещен грузинской и русской прессой того времени. Тем больший интерес представляют две статьи обзорного характера, посвященные их литературным вечерам.

Первая статья — «Лекция Сологуба», написанная плодовитым и весьма известным в свое время критиком Михаилом Цулукидзе (газета «Тэми», 1913, № 118, 8 апреля), касалась вечера поэзии в Тбилиси, а вторая — юного поэта Паоло Яшвили «О вечере Сологуба и с Сологубом» (газета «Колхида», 1913, № 30), помимо отчета о вечере в Кутаиси, содержала и небольшое интервью.

Для более полного представления о докладе Сологуба приведем запись Паоло Яшвили, сделанную во время лекции в Кутаиси:

«Главнейшим смыслом лекции является то, что современное искусство, как и искусство будущего, должно быть только лишь символическим. След, оставленный в искусстве прошлым, крайне тенденциозен. Лозунг «искусство для искусства» несовершенен и над всем этим довлеет символизм. Он глубок и наиболее близок к словам Поля Верлена: «музыка, музыки прежде всего». Постепенно изменяясь, символистское искусство входит в демократические рамки, но не потому, что символизм является достоянием толпы: так искусство никогда не должно мельчать. Символизм притягивает демократический элемент, но не подчиняется народу, он сковывает его влияние, уничтожает народную тенденцию. Символизм является воплощением народной мощи, так как в нем превалирует интуиция. Для исследования бытия необходимо интуитивное переживание. Отсюда Сологуб переходит к двум жизненным факторам, подлежащим исследованию: лирике и иронии. В качестве примера лирики он приводит Дульцинею, а иронии — Альдонсу («Дон Кихот»). Новое искусство опережает жизнь; оно возвышает человеческое «я», объединяет веру и мировую волю.

В символистском искусстве красота и смерть возвышают жизнь; первая украшает ее, а вторая придает ей ценность. Свой доклад Сологуб закончил словами молодого поэта Игоря Северянина, которые являются гимном духовной страсти искусства как стержня символизма».

Оба обозревателя, М. Цулукидзе и П. Яшвили, единодушны в оценке Сологуба-лектора. Первый старался сгладить его недостатки за счет горячности чувства и искренности переживаний: «Г-н Сологуб произвел впечатление своей лекцией потому, что все, сказанное им, было плодом его переживаний; поэтому общественность простила ему нелегитимное чтение и наградила аплодисментами».

Паоло Яшвили же после вечера Сологуба не мог скрыть своего разочарования и огорченно отмечал: «Сологуб-лектор не производит достойного впечатления, он прочитал свое исследование вяло и невыразительно. Если вы знали Сологуба-художника, обладающего какой-то колдовской силой, если вы искали в его стихотворениях необыкновенного человека, то Сологуб-лектор разочаровал бы вас».

Нашей целью отнюдь не является выяснение того, насколько подобало признанному мэтру и теоретику русского символизма заниматься опровержением примата «чистого искусства» и проповедованием «эклектического кредо» — совмещения принципов утилитарности и чистого эстетизма. Следует вспомнить, что с начала 10-х годов намечается явный кризис русского символизма, чем, по-видимому, и был обусловлен эклектизм Сологуба.

М. Цулукидзе и П. Яшвили, несмотря на большую симпатию к Сологубу, сумели критически отнестись к размышлениям теоретика символизма.

По мнению М. Цулукидзе, «лектор не объяснил нам хорошо, почему символистское искусство является истинным искусством, а не одной из необходимых частей направления искусства — реализма. Разве события жизни и художественная энергия не являются составными элементами реализма? Хотя ход мыслей лектора с логической стороны закончен, однако, по-моему, он односторонен и поверхностен».

П. Яшвили отметил «противоречивость мыслей», несовместимость общего и частного в лекции Сологуба: «Привыкший в художественном творчестве к противоречивости мыслей и неясности, Сологуб отобразил в своей лекции то же самое... отрывки лекции были легко доступны пониманию, трудно было, однако, произвести общий синтез».

Через несколько месяцев М. Цулукидзе в литературном обзоре «Замечания. Современная эпоха. Мимоходом» («Тэми», 1913, № 136-137) вновь возвращается к творчеству Сологуба и основательно раскритиковывает так называемый «культ смерти» в его поэзии.

Интересно, что такое же обвинение было предъявлено Сологубу спустя пятьдесят лет, на этот раз К. Чуковским, который в послесловии ко второму изданию «Путеводителя по Сологубу» писал: «Не без злорадства можно отметить, что едва к Сологубу и в самом деле приблизилась смерть, он не только перестал призывать ее, но, наоборот, стал молить провидение о том, чтобы смерть не спешила к нему» (К. Чуковский. Собр. соч., т. 6, 1969).

Лекция Сологуба об искусстве того времени, которую он прочитал в 39 городах, видимо, позже легла в основу его статьи «Искусство наших дней» (журнал «Русская мысль», 1915, №12).

Как отмечалось выше, объявление о вечере поэзии гласило, что участники прочитают неопубликованные произведения Ф. Сологуба. И действительно, на тбилисском вечере он прочитал рассказ «Невенчанная» (об этом сообщает М. Цулукидзе). А на вечере, состоявшемся в Кутаиси, по свидетельству П. Яшвили, Чеботаревская прочитала рассказ «Венчанная» (?): «Известная русская писательница Анастасия Чеботаревская невыразительно прочитала новый рассказ Сологуба «Венчанная»...

Название этого известного рассказа Сологуба пережило метаморфозу, и в наши дни в сборнике П. Яшвили (издательство «Накадули», Тбилиси, 1975) рассказ был представлен под названием «Вечная».

Интерес грузинского общества к творчеству Сологуба был вполне закономерен. Серго Клдиашвили рассказывает, как он, будучи в то время учеником гимназии, вместе с Тицианом Табидзе сидел на галерке. Т. Табидзе попросил Сологуба прочитать известное стихотворение «Чертовы качели», чем приятно удивил гостя.

Выступление Игоря Северянина вызвало приятное оживление слушателей и придало вечеру своеобразный колорит. Совершенно неожиданной (тем более в соседстве с «академи-

ческим» выступлением Сологуба) была северянинская манера декламации — чтение стихов нараспев. Новая, казалось бы, «непоэтическая» лексика Северянина, намеренно вающий тон должны были быть чуждыми и неприемлемыми для грузинской аудитории. Однако эффект неожиданности обусловил успех молодого русского поэта в Тбилиси. М. Цулукидзе со скрытой иронией и в то же время симпатией рассказывает о Северянине:

«Молодой поэт Игорь Северянин прочитал стихи Сологуба, а свои... спел; оказывается, это новая манера чтения. Общественность наградила поэта смехом и аплодисментами. Когда он читал стихи, особенно «Фисташковое мороженое», а потом «Мороженое из сирени», в зале воцарилось страшное веселье...»

Из статьи П. Яшвили явствует, что особое внимание и доброжелательность юного критика вызвал именно Северянин. В его адрес будущий редактор журнала «Окрос вердзи» («Золотой овен») не жалеет хвалебных эпитетов и, как выясняется, просит стихотворение для журнала:

«Общественность встретила молодого поэта Игоря Северянина — лучшего представителя утвердившегося в России футуризма — с большим вниманием. Его стихотворения, а особенно чтение нараспев привели слушателей в восторг. Одно замечательное стихотворение «Весенний день» автор дал мне для «Окрос вердзи». Это стихотворение вызвало нескончаемые восторженные овации. Несомненно, Северянин займет достойное место в русской поэзии».

Одно из лучших ранних стихотворений Северянина «Весенний день» действительно было напечатано в одиннадцатом номере «Окрос вердзи» в переводе П. Яшвили.

Теперь предоставим слово Ф. Сологубу, который в беседе с П. Яшвили заявил:

«Все, что я увидел в Грузии, сказочно и замечательно, ваш край — это земной рай, и поэтому меня не удивляет, что мне часто говорили: грузинский народ крайне чувствителен, музыкален и любит поэзию. Я слышал дорогие имена ваших лучших поэтов, знаю, что «Витязь в тигровой шкуре» является необыкновенным творением, но, увы, я не могу получить полного представления обо всем этом, так как не знаю языка. Сейчас я хочу его немного выучить, уже знаю несколько грузинских букв и даже хорошо пишу свои имя и фамилию. На мой взгляд, в Грузии крайне необходим факультет восточных языков, это привлечет сюда представителей многих национальностей и будет способствовать популяризации грузинского творчества; грузинский народ должен приложить все усилия к тому, чтобы в Тбилиси была создана кафедра родного языка. Красота, красота, эта боготворимая мной красота — Грузия, и она навсегда останется в моей памяти лелеемой в мечтах сказкой».

Для передачи колорита того времени полностью приводим интервью Сологуба с петербургским корреспондентом, грузинский перевод которого был напечатан в «Тэми» (1913, № 122, 6 мая):

«В провинции очень хотят познакомиться с новой литературой. Общественность была ко мне более чутка, чем газеты и журналы, которые порой лгут. В Тбилиси одна газета напечатала, что зал был полупустым, так как цены на билеты были так высоки, как на шляпинские концерты, а в другой газете было напечатано, что зал был полон». О грузинской общественности Сологуб сказал: Меня там встретила публика, которая по своему развитию совершенно не отстает от столичной. Чтение стихов молодого поэта Игоря Северянина сначала производило на слушателей странное впечатление, а потом ему аплодировали. Северянин читает стихи нараспев; поначалу это вызывало смех, а когда слушатели улавливали музыку стиха, им нравилось. Чтение Северянина было новым для провинции. Там привыкли к декламации актеров, где рифма и ритм теряются и видна одна лишь проза. В Батуми, добавил г-н Сологуб, начальница женской гимназии не разрешила ученицам присутствовать на моей лекции, однако когда сама послушала первую половину лекции, то допустила учениц на вторую, но решение ее было запоздалым, так как многие ученицы уже разошлись по домам.

Так закончилось литературное турне по Грузии представителей символизма и футуризма — двух самых значительных направлений «новой поэзии» России.

Этот, казалось бы, ординарный и малозначительный визит Сологуба и Северянина оказался весьма удачным. В 10-е годы XX столетия он положил начало творческому сотрудничеству грузинских и русских поэтов, их тесным личным контактам. В то время Грузию еще не посетили почитатели грузинской культуры — Константин Бальмонт, Андрей Белый, Осип Мандельштам, Борис Пастернак, Николай Тихонов, Николай Заболоцкий...

Сологуб и Северянин невольно оказались предтечами дружбы грузинских и русских поэтов нашего столетия.

Марк ЗЛАТКИН

НАШ СОВРЕМЕННОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Мерани» закончило подготовку и сдачу в набор последнего тома подписного восьмитомного собрания сочинений выдающегося грузинского писателя Константина Семеновича Гамсахурдиа в переводе на русский язык.

Редколлегия: Ираклий Абашидзе, Марк Златкин, Лавросий Каландадзе, Георгий Цицишвили.

Тираж всего издания — миллион четыреста тысяч экземпляров.

Цифра сама за себя говорящая!

Вот дружба и сотрудничество с кем на протяжении ряда десятилетий, как большое счастье, выпали на мою долю.

Нам часто приходилось встречаться на литературном приеме, связанном с переводом на русский язык и изданием его блестящих произведений.

В статье о моей работе «Когда книга сближает народы», вышедшей в 1972 году, Константинэ Гамсахурдиа, касаясь меня лично, как публициста, издателя и редактора, отмечал: «Он с особой любовью вспоминает своих современников». Одним из этих современников, о котором мне хочется рассказать, был сам Константинэ Семенович.

В той же статье он писал: «Издатель — понятие совершенно новое... Я хорошо помню книжки наших великих писателей, выставленные в витрине Общества по распространению грамотности среди грузин, каждая из них не насчитывала и сотни страниц. Издатель появился благодаря Советской власти. В прошлом году издательство «Мерани» объявило подписание на мой восьмитомник. В первый же месяц было получено на 350 тысяч заявок, но остановились на тираже в 200 тысяч».

Обществу по распространению грамотности среди грузин, о котором вспоминает писатель, недавно исполнилось сто лет. Оно было основано в конце семидесятых годов прошлого столетия группой инициаторов, в числе которых имена таких великих писателей и общественных деятелей, как Илья Чавчавадзе и Якоб Гогешавили.

«Много лет назад, — пишет в этой же статье К. Гамсахурдиа, — на одном из писательских пленумов я обратил внимание на человека средних лет, который о чем-то шептался с ныне покойным нашим другом Александром Абашиели. Я спросил Абашиели: «С кем это ты шептался?» — Это

Марк Израилевич Златкин, замечательный человек, его в нынешнем году назначили директором издательства «Заря Востока». Александр Абашели оказался прав. Вот уже много лет я дивлюсь этому человеку и должен сказать, что после покойного Нико Кикнадзе мне редко приходилось встречать столь бескорыстного деятеля. Я свято убежден в одном: только хороший человек может быть хорошим писателем, хорошим ученым, хорошим издателем».

Привожу эти строки, так как именно со встречи на упомянутом пленуме началось наше знакомство, переросшее с годами в искреннюю дружбу. И тем более мне приятно было прочесть в 1962 году на фотографии, где мы изображены вместе, такие строки: «Большому ревнителю грузинской культуры, моему любимому брату, большому другу моей работы, Марку Израилевичу Златкину. Константинэ Гамсахурдиа». И спустя десять лет на первом томе своего собрания сочинений он надписал мне с той же теплотой и сердечностью: «...Моему побратиму, о котором я пишу статью в книге «Мои современники». С глубоким уважением и братской любовью».

Рецензируя мою книгу, Константинэ Семенович выделил главу вторую «Автор—главная фигура в издательском процессе», как «особенно интересную», и главу четвертую «Редактор — друг и советчик автора», причем в отношении этой главы заметил: «К сожалению, это утверждение не всегда оправдывалось. У нас имелись редактора, которым не удавалось быть на высоте своего положения. И такому бескорыстному, самоотверженному деятелю, Марку Израилевичу Златкину, следует воздать должное».

Последнюю фразу можно целиком отнести к нему самому.

Всегда точный — по нему можно было проверять часы; скажет: «Приду в три часа», и ровно в три открывалась дверь. Бескомпромиссно требовательный к себе и к другим людям, связанным с ним по работе, он восхищал всех своей работоспособностью, неутомимостью и преданностью литературе большого дыхания, высоких эстетических категорий. Не уставал работать и над переводами своих произведений с русскими литераторами-переводчиками. «Мне никогда не забыть, — писал с благодарным чувством Гамсахурдиа, — заботы моего искреннего друга А. Н. Тихонова, который шесть месяцев был рядом со мной, когда я исправлял выполненный Ф. Твалтвадзе перевод «Десницы великого мастера».

Многочратно и скрупулезно прочитывал корректуры. В письме ко мне настойчиво просил: «...Когда пришлете корректуру «Десницы»? ...Дорогой Марк! Прошу распорядиться, чтобы эту корректуру сравнили с первым изданием, дополнили и потом мне прислали. Твой Котэ».

Авторская заинтересованность в полноте и безупречности текста проявлялась на всех стадиях производства книги.

Будучи сам блестящим переводчиком ряда выдающихся произведений мировой классики на грузинский язык, он принимал большое, непосредственное участие в подборе перевод-

чиков своих произведений на русский язык и не устал местно с ними трудиться над переводами.

Вспоминается часто им повторявшаяся фраза, когда переводчик «отклонялся» от текста: «Вы оставьте перо критика и возьмите в руки перо переводчика». Он неистово протестовал против каких бы то ни было отклонений от оригинала своих и не только своих произведений. Добиваясь в совместной работе с переводчиками максимального приближения перевода к тексту оригинала, в то же время был противником буквалистской точности, наносящей ущерб художественности и духу языка, на который переводится произведение.

Обращение Константина Гамсахурдиа к средневековью не ограничивалось созданием персонажей на фоне сложной, разветвленной и многоплановой композиции, но также являлось проникновением в традиции древней грузинской письменности и приближением к истокам грузинской культуры, и в особенности литературы и языка.

Особенно остро проходила в тридцатых годах дискуссия о правомерности использования в современном литературном языке архаического языкового материала, соответствующего той эпохе, в которой разворачивается повествование на историческую тему. И, как правильно заметил известный критик Виссарион Давидович Жгенти, «позитивные результаты поисков и находок Константина Гамсахурдиа в сфере языка не только были признаны и разделены широкими читательскими массами, но и оказали определенное влияние на развитие современной грузинской литературной речи».

Перед тем как предлагать издательству свои произведения для перевода, Гамсахурдиа тщательно просматривал их в оригинале, иногда дополнял и даже перерабатывал отдельные главы и эпизоды. Так, в письме от 4 сентября 1954 года он писал мне: «Прошу внести в издательский план 1955 года первую и вторую книги «Давид Строитель». Эти книги подвергнуты мною переработке и думаю их издать и по-русски в таком виде».

В начале шестидесятых годов возник вопрос о переиздании романа «Похищение луны», переведенного на русский язык в середине тридцатых годов. Мы согласились с мнением внешнего редактора издательства — литературоведа и критика Владимира Георгиевича Мачавариани, что старый перевод не стоит на уровне оригинала, что нарушен внутренний ритм романа, и провели большую, главным образом стилистическую работу по улучшению перевода. При этом учитывали все пожелания и замечания автора.

В дни Декады грузинского искусства и литературы в Москве в марте 1958 года роман Константина Гамсахурдиа «Цветение лозы» с согласия автора был передан на обсуждение в подстрочном (буквальном) переводе, ибо работа над изданием его только начиналась. Интересным представлялось восприятие художественного произведения в таком незавершенном переводе. Критик Александр Макаров предупредил, что его восприятие романа «Цветение лозы» оказалось более рациональным, чем эмоциональным, плодом разума, а не чувства, и да-

лее сказал: «Каким бы ни был подстрочный перевод, он никогда не создает живого ощущения поэтических образов. Мы видим как бы только силуэт дерева, только ствол с сучьями, веточками, но не ощущаем на этих веточках трепета листы, который так пленяет нас в природе. Литература — искусство слова, а очарование слова, его эмоциональное наполнение — все, что играет такую важную роль в создании художественного эффекта, — в подстрочном переводе обычно исчезает».

Этим высказыванием мне хотелось подчеркнуть, каким трудоемким процессом является переводческое дело, каким большим талантом и вкусом должен обладать переводчик, как ему надо работать, чтобы переводимое произведение уподобилось оригиналу и достигло бы, по словам А. Макарова, «художественного эффекта». И все же эрудированный критик признал достоинство романа в передаче национального колорита. По его мнению, даже через подстрочник угадывается, что «роман написан оригинальным и своеобразным художником, обладающим своей манерой письма».

Много раз нам с Константином Семеновичем приходилось обмениваться мыслями по вопросам организации перевода грузинской художественной прозы на русский язык. При этом он говорил не только о своих произведениях, но только с позиции автора, а вообще в интересах всей советской культуры. И исходил обычно из реальной оценки положения вещей.

Отдавая много сил и энергии организации переводческого дела в республике, К. Гамсахурдия также энергично выступал на всесоюзных писательских форумах и настаивал на улучшении работы с переводческими кадрами. Так, например, на заседании президиума правления Союза писателей СССР, посвященном итогам Декады грузинского искусства и литературы в Москве, он сказал: «Здесь вот говорили, что вопросы перевода прозы далеко не решены. Вы знаете, что проза — это трудный жанр и большим кораблем труднее управлять, чем маленькой торпедной лодочкой. Мы с большим удовлетворением наблюдаем, что передовые русские поэты большое внимание уделяли грузинским поэтам и тем самым выказали большую любовь к нашему народу. А дело переводов прозы обстоит неблагоприятно. Я говорил об этом еще с покойным А. Н. Толстым много лет назад в этом зале».

Большая заинтересованность в хорошей организации переводческого искусства со всей очевидностью выражена в этих словах Константина Гамсахурдия.

Роль нашего издательства в этом отношении не ограничивалась только функциями перевода и выпуска книги в свет, — вся эта работа протекала в общении с автором и с литературной общественностью, в поисках наиболее объективного решения спорных вопросов, коих не может не быть в литературном процессе.

На одной из книг, подаренных мне Константином Гамсахурдия, имеется такой автограф: «...Патриоту грузинской культуры, который в самые тяжелые минуты моей жизни, как родной брат, защищал меня и мою работу». Что означали эти слова, о каких самых тяжелых минутах его жизни и о какой

защите шла речь? Должен заметить, что он не нуждался в моей защите в прямом понимании этого слова, ибо сам обладал исключительным полемическим даром и умел защитить себя с позиций высокой принципиальности и бескомпромиссности. Однако наше издательство не стояло в стороне, не было бесстрастным наблюдателем; оно активно участвовало в литературных баталиях, помогая ему преодолевать трудности на творческом пути. К. Гамсахурдиа неоднократно повторял: «...Когда отдельные догматики и «ортодоксы» переходили на другую сторону улицы, чтобы не подать руки, — издательство выдавало мне авансы и я писал своего «Давида».

Он твердо отстаивал свои эстетические взгляды. Но, обиваясь от вульгаризаторских наскоков отдельных критиков, в то же время чутко прислушивался ко всем благожелательным, трезвым замечаниям, идущим на пользу его работе и вообще развитию литературы. Это с особой силой отражено в его «авторских репликах».

Приведу одну из них:

«Только неразумные чураются критики. Лично я всегда благодарен тем товарищам, которые, относясь со вниманием к литературе вообще и к моей деятельности в частности, критиковали меня. Это постоянно держало меня в состоянии ежеминутной творческой готовности и пробуждало дремавшую во мне потенцию».

Именно такая благодарность, мне кажется, выражена в приведенном мною автографе Константи́на Гамсахурдиа.

Для более полной характеристики творческой личности писателя напомним выдержку из статьи Виссариона Давидовича Жгенти, предпосланной восьмитомному собранию сочинений К. Гамсахурдиа:

«Трудно найти другого художника, творческая биография которого складывалась бы в обстановке столь бурной и ожесточенной полемики. Причина этого заключалась в том, что у Константи́на Гамсахурдиа по всем вопросам общественной жизни и художественного творчества существует собственное, четко сформулированное мнение, которое выражается в художественных творениях писателя и бескомпромиссно защищается им в многочисленных литературно-критических или публицистических статьях, а также в публичных выступлениях. Он не умеет пассивно и послушно повторять и пересказывать взгляды даже самых крупных и всеми признанных литературных авторитетов. В творческих исканиях он нередко ополчается даже на самых своих любимых литературных предшественников и учителей. Естественно, что идейно-художественная эволюция писателя с таким характером и темпераментом не была застрахована от различных крайностей и преувеличений, от отдельных ошибок и неудач. В то же время новаторские устремления писателя, бросающиеся в глаза необычностью и своеобразием его мышления и творчества нередко раздражали всякого рода литературных рутинеров и догматиков. Все это создавало вокруг имени Константи́на Гамсахурдиа напряженную атмосферу, в обстановке которой формировались глубоко оригиналь-

ная индивидуальность писателя, его мировосприятие и эстетическая позиция».

Были в критике попытки отождествления личности автора с героями его произведений, как, например, с Тарашем Эмхвари из романа «Похищение луны», что в принципе неверно. В этом вопросе В. Д. Жгенти придерживался более осторожного подхода; он писал, что Гамсахурдиа «обильно вплетает отдельные черты своей личности или отдельные моменты своей биографии в образы» своих героев. Писателю пришлось однажды печатно взмолиться, чтобы не взваливали на него грехи героя, «ибо с меня и моих грехов достаточно». Но критика не вняла этой просьбе, и во втором издании автор («Улыбка Диониса») уже развивает свою мысль: «А что, если даже и так? Разве герой не плоть от плоти автора и не кровь от крови его?». Так даже в самой ткани художественного произведения или авторского послесловия к нему велась полемика. Константинэ Гамсахурдиа никогда не уклонялся от здоровой полемики, даже как литературный боец; он любил ее, но не терпел сознательного замалчивания или трафаретных уловок со стороны критики. В связи с этим вспоминается одно выступление К. С. Гамсахурдиа. В 1958 году на заседании президиума правления Союза писателей СССР, посвященном итогам Декады грузинского искусства и литературы в Москве, он сказал, что впервые нашел в «Литературной газете» дружеские слова о себе. И далее продолжал:

«...Я свою карьеру почти закончил и последние силы хочу отдать на благо народа. И никакие литературные ложные страсти мною уже владеть не могут. Мы счастливы еще раз почувствовать любовь большого коллектива русских писателей и всего русского народа. Это дает нам крепкую зарядку на многие годы, чтобы рука об руку с вами работать на благо народов нашего великого содружества».

Это высказывание маститого писателя и мыслителя было всеми единодушно поддержано. Председательствовавший Алексей Сурков тогда сказал: «Вы правы, товарищ Гамсахурдиа, поставив вопрос о том, что, когда надо «бить», органы печати у нас находятся, а когда надо дать существенную хорошую заметку, обычно думают: человека «били», зачем мы будем его хвалить? И смешно, конечно, что орган Союза писателей не заметил последнего издания на русском языке «Десницы великого мастера».

Мне приятно, что именно на этой книге автор сделал приведенную выше дарственную надпись с благодарностью за «защиту» его работы.

Высказываясь на страницах газеты по поводу предстоящей Декады грузинского искусства и литературы в Москве в 1958 году, Константинэ Гамсахурдиа отметил, что «благодаря мудрой ленинской национальной политике Коммунистической партии книги грузинских писателей и их герои перешагнули границы нашей республики, стали знакомы читателям всех братских республик нашей Родины и многих зарубежных стран». Это относилось и к его собственным книгам. Популярность его произведений действительно шагнула далеко за пределы республики.

Вот один эпизод: в 1946 году мне довелось быть в служебной командировке на Рыбинском заводе полиграфических машин. На перроне рыбинского вокзала ко мне подошел человек и спросил:

— Вы были у нас на заводе?

— Да, был.

— Вы из Тбилиси?

Я ответил утвердительно. И он тут же рассказал:

— Я прочел роман вашего писателя Гамсахурдиа (удачение на а) «Давид Строитель». Мне эта книга очень понравилась, а вот продолжение нигде не могу достать. Помогите мне, пожалуйста.

Я объяснил, что готовится к изданию вторая книга романа (в ту пору мы располагали только второй книгой, изданной на грузинском языке), что автор задумал его как эпическую тетралогию и продолжает работать над ним.

Такая популярность, думаю, лучшая награда писателю.

Письма, поступавшие в наше издательство или на имя самого автора из самых различных мест нашей необъятной Родины, — отзывы, вопросы, рассуждения, — подтверждают живой интерес читателей к произведению, глубокое проникновение в суть прочитанного. Из множества писем познакомлю с одним, в котором читательница М. Волынская из села Беловодское Киргизской ССР обращается к писателю со своими раздумьями и вопросами:

«Многоуважаемый Константин Семенович! Спасибо Вам большое за Вашу прекрасную книгу «Давид Строитель». Я ее прочла, и столько она мне дала чудесных часов отдыха. Я читала ее и мыслями была в той старой Грузии, только вот я не знаю, окончилась ли книга первой частью четвертой книги или есть продолжение ее, хотя в библиотеке мне сказали, что на этом конец, и потому очень прошу уважить мою просьбу старой женщины и сообщить, на ком женится царь Давид, нашлась ли Дедисимеди и чем окончилась любовь Гванцы к царю. Очень Вас прошу не посчитать за труд и сообщить. Еще раз благодарю за Вашу интересную книгу».

Вот что ответил читательнице К. Гамсахурдиа:

«Многоуважаемая тов. Волынская! (Инициалов полных в письме не было). Спасибо за Ваше теплое письмо. Сообщаю: вторая часть книги уже переведена на русский язык и скоро выйдет в свет. Дедисимеди постриглась в монахини, перед смертью Давида она посещает его. Гванца отравилась, царь женился на дочери половецкого царя. Так кончается роман.

Привет. К. Гамсахурдиа».

Наше издательство дважды предпринимало выпуск по подписке собрания его сочинений. Помимо многократного издания массовыми тиражами отдельных произведений — подписные издания не смогли удовлетворить потребность желающих подписаться. Достаточно сказать, что последнее восьмитомное собрание сочинений Константина Гамсахурдиа, выпущенное нами двухсоттысячным тиражом, не смогло удовлетворить значительного числа читателей, что сам автор отметил в процитированной выше статье.

Нас особенно радует то обстоятельство, что география размещения тиража последнего подписного издания так широка и разветвлена, что охватывает не только крупные страны, но и ее самые северные окраины и Дальний Восток, а число подписчиков в одном только Донбассе превысило тридцать тысяч. И это вполне объяснимо. В произведениях Гамсахурдиа ярко и убедительно отображены картины как исторического прошлого грузинского народа, так и творческий, созидательный труд и жизнь наших современников.

Нелишним будет перечислить публицистические и литературно-критические статьи и исследования, включенные в последний том восьмитомного собрания сочинений писателя, чтобы показать круг интересов, проявившихся в его многогранном творчестве. Константинэ Гамсахурдиа посвятил специальные исследования и статьи Шота Руставели и Сулхану-Саба Орбелиани, Илье Чавчавадзе и Важа Пшавела, Гоголю и Льву Толстому, Аветику Исаакяну и Деренику Демирчяну, Симону Джанашиа и Давиду Какабадзе, Александру Абашели и Ладю Гудиашвили, Нико Лордкипанидзе и Шалве Дадиани, Корнелию Кекелидзе и Ираклию Абашидзе и т. д.

И о каждом из этих корифеев культуры у нас велись оживленные беседы с автором в редакционной комнате. Невозможно было не поражаться широте и глубине познавательного горизонта Константинэ Семеновича, смелым и оригинальным взлетам его пытливого мысли.

С большим интересом читаются его статьи по вопросам современного грузинского театра, о проблемах современного романа и художественного перевода, современного грузинского литературного языка. Никогда не забуду его страстной, полной негодования, яркой речи на антифашистском митинге представителей народов Закавказья в Тбилиси в годы Великой Отечественной войны.

К. Гамсахурдиа был горячим поборником и певцом братской дружбы народов нашей многонациональной Родины. В одной из своих статей он писал: «Социалистическая действительность, грандиозный размах революционных событий привлекают внимание советских писателей к новым явлениям в жизни советского народа».

У писателей братских народов К. С. Гамсахурдиа пользовался особым вниманием и уважением. С. В. Евгенов, например, высказываясь о творчестве К. С. Гамсахурдиа, проявил хорошее знание его произведений, начиная с самых ранних, и даже сопоставил варианты романа «Десница великого мастера», отметив, что последний вариант коренным образом отличается от прежних. Такое сопоставление привело критика к выводу, что «главным героем нового варианта стал уже не Георгий I, а Арсакидзе, строитель-мастер из народа; введен ряд новых народных персонажей — каменщик Бодокия, в первую очередь...» Восхищаясь произведением Гамсахурдиа, Евгенов заключал: «Какой большой и сложный путь прошел писатель от «Встречи с мертвым» (1924) до «Цветения лозы», и наша обязанность — прежде всего обязанность критики, переводчиков, редакторов, — поддержать его на этом пути...»

На творческой дискуссии во время Декады грузинского искусства и литературы в Москве С. В. Евгенов напомнил также, что последнее издание «Десницы великого мастера» привлекло внимание прогрессивной части западной общественности, что роман издается во Франции и других странах прогрессивными издательствами.

Действительно, многие произведения К. С. Гамсахурдиа переводились не только на языки народов СССР, но и на западноевропейские. Издавались они и в Индии.

Экспортное всесоюзное объединение «Международная книга», еженедельно издающее бюллетени «Новые книги СССР», поместило в выпуске от 4 февраля 1972 года фотоснимок и аннотацию к подготавливаемому нами восьмитомнику собрания сочинений Константи́на Гамсахурдиа в русском переводе. На снимке писатель сидит в кресле, на коленях у него — раскрытая книга. Правая рука протянута к сидящей напротив собаке, он ласково глядит на нее.

Я особо остановился на этом снимке, потому что Константи́н Семенович очень дорожил им и просил поместить его в одном из томов собрания сочинений, что мною и выполнено. Прекрасный наездник, страстный охотник, Гамсахурдиа понимал толк в собаках и в годы молодости часто выезжал на охоту.

Хочется вспомнить еще самые последние годы и месяцы нашего знакомства и дружбы. Константи́н Семенович уже не посещал издательство, — он не выходил из дому, точнее из своего Колхского замка, отягощенный недугом. Подступала старость, которую он так не хотел признавать. Ведь это им же было сказано на своем юбилейном вечере: «Должен соznаться, что я не чувствую ни старости, ни усталости...»

Иногда я навещал его. Особенно запомнился летний день 29 июля 1973 года, когда я принес ему первые экземпляры вышедшего в свет первого тома его восьмитомного собрания сочинений. Это была истинная радость для писателя, как бы переживавшего молодость, — ведь собрание сочинений открывалось романом «Похищение луны», написанным им в расцвете творческих сил.

Часто Константи́н Семенович звонил мне в издательство или домой и не потому, что было какое-нибудь личное дело, нет, просто так, хотелось поговорить, расспросить об издательских планах, о литературных новостях и книжных новинках, и я чувствовал, как он сроднился с издательством, с которым был связан долгими годами общения.

Взяв телефонную трубку, я сразу узнавал его тихий, слегка грустный голос: «Марк, ты работаешь? Что нового?». И текла беседа, пока он не уставал... Бывало, спустя несколько часов снова раздавался звонок и снова звучал его голос: «Марк, ты работаешь?» О, я знал, как дорого ему это слово: «раба-та-ть!»

Великий труженик, он до последних дней жизни не переставал работать над новым начатым романом, стараясь досказать то, что не успел поведать.

Ирина КУЧУХИДЗЕ

ПОЭЗИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ГРУЗИНСКОГО КИНО

В поисках современной кинематографии чувствуются две, на первый взгляд, противоположные тенденции, берущие начало из двух основных направлений, проявившихся с зарождением искусства кино.

Факт существования этих направлений в современной кинематографии признают многие исследователи. С точки зрения категории условности к одному направлению причисляют более условное искусство, к другому же — «безусловное» (последнее с терминологической точки зрения относительно, поскольку любая форма отражения действительности обнаруживает собственную строгую систему условности).

В советском искусстве мы встречаемся с плодотворным развитием обеих тенденций. С одной стороны, мы не можем не заметить давнюю традицию стремления к документальности. Так родились первые фильмы С. Эйзенштейна. Хотя в истории того же советского кино мы можем найти также фильмы с широким и принципиальным использованием условных форм. К примеру, фильмы А. Довженко намеренно условно решали сложные жизненные конфликты.

Нетрудно выявить эти две тенденции и в современном грузинском кино. Несмотря на сильный реалистический поток, ворвавшийся в него со второй половины 50-х годов и получивший в дальнейшем успешное развитие, уже в те годы можно было заметить существование более условного, поэтического начала в грузинском кино. В творчестве одних мастеров последовательно развивались и развиваются свойства одной тенденции, в творчестве других — противоположной. Достаточно присмотреться к творческим особенностям двух таких режиссеров, как Отар Иоселиани и Тенгиз Абуладзе, чтоб увидеть в современном грузинском киноискусстве отмеченные выше стилистические тенденции.

Творчество Тенгиза Абуладзе (в особенности последнего десятилетия) характеризуется широкими и условными форма-

ми обобщения, приоритетом интеллектуальности, предельным вниманием к пластике композиции. Исходя из этого, режиссер щедро использует контрасты, произвольные конструкции, символику и др. Он пользуется такими жанровыми особенностями, которые дают возможность, анализируя избранную проблему, не заботиться о систематическом изложении аргументированных выводов, в которых предельно ослаблены причинно-следственные связи. Автор размышляет, излагает, утверждает — и в этом процессе главенствующую роль играет субъективно-лирическое начало, определяющее поэтику фильмов, их стилистические особенности.

Вообще произведения подобной поэтики всегда занимали значительное место в истории развития искусства и, в частности, кинематографии, но следует подчеркнуть, что поиски в этом направлении реже увенчиваются подлинным успехом.

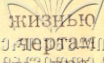
В кинематографе путь этот нередко достигает эффектных результатов, но не так уж много подлинно глубоких, правдивых и волнующих фильмов. Причину этого, вероятно, следует искать не в том, насколько органична сама эта тенденция для киноискусства и правомочно существование в киноискусстве условных форм и характерной для него поэтики, а в особенности конкретного выражения, в особенности разрешения одной из сложнейших проблем, сопутствующей художественному творчеству. Я имею в виду следующее: художник всегда должен стремиться к тому художественному решению реальности, которое не позволит ему довести ее до схемы, что кинематографу, более близкому к жизни и более способному воспроизвести ее многообразие, в особенности противопоказано.

Сторонники второй тенденции выносят на первый план достоверность, как внутреннюю, так и внешнюю правду жизни, каждодневных конфликтов.

Режиссер Отар Иоселиани в своем творчестве не отрывается от реальной почвы, его меньше увлекают литературная символика и метафоричность, острые приемы воспроизведения жизни. Сдержанность средств выражения режиссер заполняет остротой художественной мысли, внутренней динамики, которая проявляется в проникновении в сложную сущность конкретности, в выявлении незримых связей предметов, на первый взгляд, казалось бы, самых далеких. Он стремится к внешне произвольным, но внутренне напряженным, психологически и интеллектуально насыщенным формам.

Стиль режиссера Отара Иоселиани и поэтику его фильмов, думается, определяет своеобразная, специфическая двуединость: они вызывают в зрителе чувство подлинной правды, казалось бы нарочито неорганизованной действительности и вместе с тем чувство крайней устойчивости восприятия, ибо наряду с документально воспроизведенной правдой и объективной стилистикой раскрывается глубоко субъективная, истинно поэтическая конструкция его фильмов.

Отар Иоселиани мыслит режиссерское дело как постоянное, динамичное соответствие времени. Исключительная приверженность к современности, его проблемам является

сутью его творчества. Однако связь художника с жизнью проявляется не только во внимании к современным ~~жизненным~~ ^{жизненным} ~~элементам~~ ^{элементам} нашего быта. Вообще восприятие жизни, сопричастность ~~жизни~~ ^{жизни} мени в искусстве — понятие неоднозначное. И когда мы определяем стилевую направленность этого режиссера как «документальную» — это не значит вовсе, будто мы считаем, что цель его — в фотографировании увиденного. Да, Отар Иоселиани принципиально и последовательно детален и конкретен в своих фильмах, конкретен и плотен сам его кинокадр. Земное тяготение в нем очень сильно, в каждом новом произведении мы чувствуем дыхание непосредственной жизни. Но сегодня, когда уже созданы «Листопад» (1968), «Жил певчий дрозд» (1972), «Пастораль» (1976), очевидно, что творческое своеобразие Отара Иоселиани обладает, если можно так выразиться, некой тайной, которая требует расшифровки.

Художественное кино и до Отара Иоселиани обращалось к документальной стилистике. Фактически документальная стилистика (в меру, разумеется) такой же творческий метод, как и множество других.

Сила творчества О. Иоселиани, безусловно, — не плод его формального мастерства. Благодаря верной интуиции режиссер находит в жизни самую значительную для времени проблему, тему.

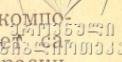
Почему все-таки Отар Иоселиани выбрал для своей безошибочной и блестящей «диагностики» именно документальную стилистику? Думается, выяснить это необходимо, если мы желаем расшифровать своеобразие его творчества.

Метод, используемый Отаром Иоселиани, взят из арсенала поэзии. Это — лирическое обобщение, посредством которого поэт раскрывает перед зрителем истину, используя поистине неожиданный синтез знакомых нам деталей и явлений. Таким образом, поэт создает **антимиметическую композицию**, в которой хорошо знакомые, привычные явления, действия, предметы, люди, детали скомпонованы так, что раскрывается истина, которая прежде была нам неизвестна и которую намного раньше нас почувствовал поэт.

Для того чтоб раскрыть истину, которая давно уже созрела в жизни, режиссер заключает хорошо знакомые нам явления в такую композицию, которая ведет нас к постижению истины. Документальная стилистика необходима режиссеру для того, чтоб дать зрителю возможность прочесть его **антидокументальную и антимиметическую композицию**: поскольку композиция его фильмов состоит из снятых на уровне кинохроники простых непретенциозных кадров, знакомых, привычных для нас эпизодов, в зрителе рождается доверие к композиции в целом.

Автор поначалу как бы разыгрывает нас — использует свойственную человеку любознательность. И если он сумел заинтересовать зрителя, заставить его воспринять композицию, то зритель не уйдет из зала равнодушным — и следовательно, достигнута высшая его цель как автора, как художника.

Произвольное усложнение палитры, уснащение композиции художественными элементами увели бы зрителя от глав-

ного пути — понять и прочувствовать фильм. Потому композиция фильмов максимально проста, режиссер использует самые незатейливые, можно даже сказать, простейшие краски.

Стилистика фильма в нашем сознании связывается с фактом жизни, документом. Поэтому разыгранные в нем эпизоды, лишённые, в свою очередь, какого бы то ни было театрального эффекта, воспринимаются как бесспорный факт. В результате в зрителе рождается доверие к композиции отдельного эпизода или же фильма в целом. В действительности перед нами вычитанная с математической точностью и с большой старательностью, собранная воедино жесткой логикой композиция.

Заканчивается фильм, и становится ясно, что мы еще раз ошиблись — примирились в нашей действительности с тем, что губительно, против чего пора восстать. Миссия автора фильма, следовательно, удалась.

Отар Иоселиани добивается того, что показанные им эпизоды, мимо которых мы в жизни проходим равнодушно, приобретают в его композиции значительность. Происходит это потому, что, во-первых, эти эпизоды — не калька увиденной им жизненной действительности, но освобожденная от каких бы то ни было излишеств модель — уже обобщенная модель, которую мастерски преподносит нам режиссер.

Нет сомнения в том, что перед нами — наша жизнь, а не чужая, поэтому фильм не дает нам покоя, мы становимся на ту же позицию, на которой стоит автор, хоть недолго, но смотрим на жизнь его глазами. Режиссер же видит непривычно и остро

Когда другие режиссеры, лишённые дара, которым обладает Отар Иоселиани, подражая ему, обращаются к тем же стилистическим особенностям, зритель не верит им, ибо они устрашают нас тем, что вовсе не страшно, стараются убедить нас, к примеру, в том, что у нас — повышенное давление, а нас беспокоит совсем другое.

Итак, Отар Иоселиани, как феномен, выражает в первую очередь **свое** видение, **свою** способность прочтения глубоких нравственных проблем. Свои мысли он передает нам посредством простейшего и строгого киноизображения, обычных, простых, непритязательных, нередко даже ничего не значащих диалогов, которые мы слышим в жизни и к которым успели привыкнуть.

Отар Иоселиани не пытается дать зрителю лишь эстетическую усладу, потому его фильмы оставляют равнодушными тех, кто сидит перед экраном в ожидании чисто эстетического наслаждения. В то же время он не моралист и не дидактик, хотя, разумеется, он мог быть и одним и другим, и многое способствовало бы ему в этом, но он чувствует, что мысли его глубже проникают в наше сознание именно тогда, когда мы сопереживаем им произвольно.

Простота, экономичность, точность — эти качества сегодня характеризуют уже многих авторов, но с такими простейшими средствами лишь Отару Иоселиани удается создать произведения неповторимой силы. В основе его простых,

безыскусных фильмов лежит уникальный талант — талант гуманиста, врача, который первым чувствует приближение опасности.

Существование двух противоположных тенденций в грузинском кино не ограничивается и не исчерпывается только творчеством двух отмеченных выше режиссеров. Более того, редко когда творческое развитие конкретно какого-либо мастера последовательно и четко проявляет признаки только одной тенденции и опирается на его особенности. Мы не преследуем также цели доказать приоритет какого-либо одного направления, одной тенденции и органичной для нее поэтики, обсуждать право на существование или несуществование какого-либо из этих направлений в киноискусстве и, в частности, грузинском кино. Отвергать одно или другое невозможно, не принеся тем самым киноискусству определенный и, вероятно, серьезный вред, ибо каждое из них решает свою специфическую задачу. Хотя на определенном этапе развития кинематографии и, в частности, развития отдельных национальных киноискусств возможен (нередко же закономерен и необходим) приоритет то одной, то другой тенденции, что, понятно, не означает того, что в этом процессе противоположное направление с его особенностями будет полностью отвергнуто.

С вопросом развития отмеченных выше тенденций и преимуществ одной из них тесно связан и вопрос жанровых особенностей киноискусства.

Развитие грузинского кино последнего десятилетия дает нам право говорить о том, что в нем на протяжении лет интенсивнее проявляются поиски по так наз. «поэтическому» направлению, которое в творчестве разных мастеров, естественно, отличалось своеобразием художественной индивидуальности. Несмотря на это, в целом становилось заметно усиление таких форм и жанров, которые более соответствуют «поэтическому» направлению и его современной модификации.

Усиление роли относительно условных форм изображения в современном грузинском кино отчетливо проявлялось хотя бы в особом приоритете в нем форм притчи и характерных для этой формы элементов. Их анализ — лишь только подступ к серьезной и значительной проблеме, цель которой — исследование в современном грузинском киноискусстве процесса расширения жанровых границ и диффузии жанров и образов.

Притча является одной из старейших художественных структур. Потому на примере ее современной интерпретации яснее чувствуется та диалектическая связь традиционного и новаторского, которой определяется все развитие искусства. Кроме того, притча в советском искусстве своевременна и с той точки зрения, что высокий уровень ее абстракций отвечает не только возросшим интеллектуальным потребностям человека, но и тенденции сближения науки и искусства. Но самый главный фактор все же — нравственный накал этой формы, требующий от художника как ясной социальной и моральной позиции, так и высокой морально-этической ответственности, поскольку воля и замысел автора, его

моральное кредо острее всего проявляются именно в моменте интерпретации.

Внимание к условным формам, в частности к притчевой структуре, большей частью обусловлено стремлением ответить на грандиозность явлений XX века, попытками отойти от внешнего взгляда на предметы, чтоб лучше проникнуть в суть явления, вплоть до его моральных и философских категорий. В таком размежевании чувствуется диалектика абстрактного и конкретного в художественном познании.

В указанном процессе не менее существенны также и внутренние мотивы развития искусства. С этой точки зрения в комплексе сложных причин сформулировано желание и возможность использования предшествующего культурного опыта, бытующего в виде образов и представлений, необходимость широких ассоциаций, поскольку новые идеи рождаются реже, нежели есть в них потребность. Потому-то, думается, столь значительной становится проблема интерпретации уже существующих в наше время сюжетов, проблема аспекта мировоззрения художника.

В советском киноискусстве теоретический анализ фильмов, явно проявляющих стремление к поэтике притчи и широко использующих их элементы в своей структуре, первым попытался сделать кинокритик М. Блейман. Отмечая общие черты поэтики таких фильмов, как «Мольба» Т. Абуладзе, «Каменный крест» Л. Осыка, «Вечер накануне Ивана Купала» И. Ильенко, «Цвет граната» С. Параджанова и других, автор приписывает серьезные недостатки этого направления (которое сам М. Блейман называет «школой») своеобразию именно притчевой поэтики, которое, по его мнению, привело сегодня в тупик так наз. «живописную школу». Что это за особенности, которые М. Блейман считает характерными для притчевой формы? Во-первых, это попытка ограничиться этнографией и исторической тематикой, во-вторых, акцент на способе изображения, стремление рожденные историей народа образы выразить живописными средствами — статичной композицией, символикой цвета и т. п.

Характерными чертами отмеченной поэтики М. Блейман считает также иллюстративность, отрицание реального движения человека в кадре, что, по его мнению, для киноискусства неорганично и даже губительно.

Мы почти не спорим с автором в разборе и анализе поэтики отдельных фильмов, хотя обобщение конкретных недостатков и объявление причиной этих недостатков обращение к форме притчи и предрекание его неперспективности, думается, не оправдано. Отрицательна не сама форма притчи в общем, а тот путь ее развития в киноискусстве, который крайне односторонне и однопланово использует особенности этой формы, ставит акцент на прямом однозначном аллегоризме, на декоративности и изобразительности этой формы.

Отдельные примеры, подтверждающие связь притчи со статичностью и иллюстративностью, еще не означают того, что последние являются единственными и определяющими характерными чертами притчи.

Уже в конце XVIII, начале XIX веков теоретики искусства (Лессинг, Дидро и др.) выделяли два противоположных типа иносказания. В первом — готовый тезис выражается в символическом изображении; в основе второго лежит конкретный образ. Думаю, второй тип не является для притчи чуждым, несмотря на его функции, которые подразумевают раскрытие и расширение морального тезиса. Стремление к прямолинейной аллегоричности, которое в итоге всего лишь иллюстрирует то или иное положение, приносит меньше всего плодов.

В связи с этим примечательно соображение мыслителя и теоретика искусства эпохи Просвещения Жана-Батиста Дюбо о дидактическом жанре. Вот что пишет он в своем труде «Критические размышления о поэзии и живописи»: «Даже если предположить, что сюжет какой-нибудь Дидактической Поэмы может быть занимателен сам по себе, ее все же никогда не станешь перечитывать с таким удовлетворением, какое получаешь, перечитывая Эклогу. Ведь рассудок не получает удовлетворения от вторичного знакомства с какой-нибудь истиной, в противоположность сердцу, которому доставляет наслаждение еще и еще раз переживать одно и то же чувство»¹.

То же можно сказать о современной модификации притчи, и в особенности — о притче как об определенной киноформе. Когда заключенный в кинопроизведениях подобной формы моральный тезис становится основным и единственным предметом художественного восприятия, что невольно вызывает культивирование характерных для поэтики притчи качеств (статуарности, декоративности, пластической композиции, живописной символики и т. п.), тогда фильм в основном доходит до киноиллюстрации и в этом процессе, несомненно, теряет существенную кинематографическую специфику. Таким образом, в кинематографе намного более плодотворным становится раскрытие притчевой структуры и сочетание с ним других жанровых элементов.

На наш взгляд, в современном грузинском кино развитие притчевой формы характеризуется именно подобными попытками. Поэтому когда мы говорим о грузинской «кинопритче», мы имеем в виду современную модификацию притчевой формы, основная особенность которой заключается в том, что здесь элементы этой формы вошли в систему других факторов.

В киноведческих работах, в первую очередь, отмечают два основных фактора: один связан с существованием комического в притче, что вообще отрицают как характерное для этой структуры; второй же выражается в непереносимой тесной и органической связи необходимых для притчи условных форм с бытовой средой.

Если первая особенность (сочетание комического с притчевой формой) определила жанровое разнообразие этой формы, то второй фактор создает возможность в пределах притчи разрабатывать современную тему.

¹ Жан-Батист Дюбо. Критические размышления о поэзии и живописи, М., «Искусство», 1976, с. 61.

В грузинском кино мы находим примеры как жанрового многообразия притчи, так и использования ее элементов в киноповествовании о жизни одного человека — нашего современника.

В книге «Психология искусства», анализируя теорию Лессинга и Потебни, Л. Виготский выделяет два типа притчи: поэтическую и прозаическую. Если прозаическая притча в основном ограничивается иллюстрацией общей идеи, то особенность поэтической притчи, по мнению автора, заключается именно в том, что она никогда полностью не исчерпывается моралью, всегда остаются такие стороны, которые с точки зрения морали непригодны. По своей структуре эти произведения полностью не могут быть отнесены к притчевой группе.

Думаем, что определение Л. Виготским особенностей поэтической притчи в основном и выражает природу фильмов, представляющих лучшие образцы современной грузинской «кинопритчи».

...Старик очень огорчился, когда у него во дворе высохло дерево редкой породы. Взяв с собой внука, он «обошел девять гор» и наконец нашел питомник с редчайшими саженцами.

Уставший, он пошел обратно, неся с собой драгоценную ношу — саженцы. И когда увидел на дороге машину, которая вот-вот готова была сорваться в пропасть, он, не раздумывая, подложил под замаранные грязью колеса свои саженцы и остановил машину, тем самым спасая и водителя и машину.

Авторов фильма «Саженцы» (драматург С. Жгенти, режиссер Р. Чхеидзе) в основном волнует история человека, который из-за саженцев (плодов от которых он, конечно, не увидит) может пойти за девять гор, но ничего не пожалеет, чтобы спасти попавшего в беду человека.

Мы не ставим себе целью дать подробный обзор этого фильма, говорить о его положительных или отрицательных сторонах. «Саженцы» на сей раз интересуют нас, поскольку в этом фильме проявились, с одной стороны, характерные для притчи элементы, с другой же — такие свойства драматургического строя, что не составляют чистую модель притчи, в частности заинтересованность авторов не самой темой, связанными с ней явлениями, характерами, художественными образами, а скорее — идеей, вернее — назидательной историей.

Мы уже отмечали, что в основном такой путь кажется нам плодотворным, хотя в этом конкретном примере драматургический строй фильма оказался в подчиненном положении по сравнению с начальным тезисом. В фильме, на наш взгляд, не удалось внутреннее раскрытие притчевой структуры и органическое сочетание в нем других жанровых элементов, хотя внешний строй, несомненно, предполагал такую попытку.

Говорить о фильме режиссера О. Иоселиани «Жил певчий дрозд» как о притче трудно. Хотя использование элементов этой формы отчетливо чувствуется уже в названии и финале картины.

Жил на свете добрый и талантливый парень. Многие ему удавалось, но он до конца серьезно так ничем и не увлекался. Шло время, а он все не находил для себя настоящего. 72.0
Декабрь 1933

Многие девушки нравились ему, но никого он не любил до самозабвения. Время шло, а он все не встречал девушку своей мечты.

Его сверстники давно уже нашли себя, знакомые девушки вышли замуж, а он все жил по-прежнему и ждал, что случится что-то. И однажды утром (как и всегда) он перебежал улицу, но не добежал до противоположного тротуара (как обычно) — его сбила машина.

Было или не было это — исчез бесследно добрый и талантливый парень.

Жизнь представлена в фильме в ее многообразном проявлении, в нем много зорких наблюдений, которые, казалось бы, с точки зрения идейно-морального заключения и не нужны. Все это сильно расширяет сферу содержания фильма, что не только раскрывает моральную позицию автора, но и заставляет задуматься над основным вопросом жизни человека и, что главное, приобщает нас к конкретному художественному образу, носящему в себе типические черты современного человека.

Думается, все это во многом обусловлено и тем, что жанровые границы фильма сильно расширены, различные жанровые начала достигают в нем подлинного синтеза. В фильме «Жил певчий дрозд» соблюдены почти идеальные пропорции между киноповествованием и притчей, между началами драматического и комического.

В отдельных случаях мы можем говорить и об использовании формы притчи в грузинских короткометражных фильмах. Хотя роль ее разрешена в них по-новому.

Для примера обратимся к фильму «Кувшин» (режиссер И. Квирикадзе, автор сценария Р. Габриадзе), снятому по мотивам Л. Пиранделло. Эсцентричная история о том, как мастер оказался в кувшине, как хозяин кувшина не позволяет ему разбить кувшин, чтоб выйти на волю, и как в финале кувшин разбился на куски, разумеется, — своеобразная притча о жадности человека. В фильме сюжет насыщен интересными и живыми деталями, жизненным наблюдением, что уже приближается к драматическим особенностям киноновеллы. В фильме сильны также и элементы бытовой комедии.

В своих лучших фильмах грузинская кинематография использует форму притчи и ее элементы как средство конденсированного выражения концепции художника, художественного видения мира (когда в фильмах характерная для этой формы нравственная проблема представлена не абстрактно, а в союзе взаимоотношения героя и внешнего мира), однако встречаются и такие, в которых художественная логика подчинена заранее продуманным схемам, и тогда исчезает жизненность фильма, обедняется его содержание, и ему отводится лишь роль иллюстрации.

Такие примеры свидетельствуют о том, что определенное направление, форма, жанровая структура или поэтика в

искусстве не могут быть универсальными. Для полного, все-
стороннего воспроизведения жизни необходимо и закономерно
в искусстве (и в частности киноискусстве) развитие всех жан-
ров и форм, обращение к разнообразному художественному
языку, стилю и поэтике.

История киноискусства, его прошлое и настоящее под-
тверждают, что у каждого мастера своя тема, свой настрой,
свои стремления, которые, несомненно, заслуживают уваже-
ния, ибо именно отсюда рождается духовное и эмоциональное
богатство художника.

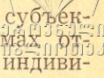
В грузинской кинематографии работают сегодня мастера,
которым близки одновременно как комические, так и драма-
тические стороны жизни, а для других близок конкретно
один или другой жизненный аспект. Проблема не в этом.
Она возникает там и тогда, когда вследствие одностороннего
подхода к действительности затеняется и сужается реальное
содержание художественного произведения. А единый про-
цесс национального киноискусства может стать односторонним
тогда, когда в нем какая-либо тема, форма, жанр или стили-
стика становятся ведущими и преимущество это продолжается
даже тогда, когда на этом пути (который в определенный
период магистрален) исчерпано все главное и основное.

С точки зрения специфики художественного поиска в
грузинском кино (несмотря на разнообразие индивидуальных
стилей и творческих особенностей) в 60-х годах и в начале
70-х все интенсивнее проявлялось стремление к субъективно-
му воплощению; преимущество в художественном образе
субъективного, оценочного момента определяло особенности
в основном почти всех лучших художественных кинофильмов.

Тенденция эта, разумеется, проявилась не в целом, а в
различной системе координат (я имею в виду стиль, сюжет,
жанр и др.). Нередко в том или ином кинопроизведении прояв-
ляется сочетание субъективного и объективного настроения или же,
наоборот, их несоответствие. Следовательно, фильм может
быть субъективным в своей сюжетной сфере и в то же время
объективным в стиле, или же объективным в сюжетной сфере
и субъективным в стиле, или же объективным или субъектив-
ным в обеих сферах.

Для того чтобы яснее выразить, а нередко и навязать
зрителю свою интерпретацию отображаемого, у кинемато-
графа имеется богатый арсенал художественных средств и спо-
собов.

Если в таких фильмах, как, например, «Отец солдата»,
«Саженьцы», «Необыкновенная выставка» (несмотря на нали-
чие в последнем эксцентрико-гротескных элементов), «Пирос-
мани» (несмотря на огромную значимость в этом фильме сим-
волики цвета и пластической композиции), тенденция к оценоч-
ности, интерпретации и субъективности все же сильнее прояв-
ляется в сюжетной сфере, то фильмы «Мольба», «Ожерелье
для моей любимой», «Древо желаний», «Зонтик», «Музы-
канты» и др. проявляют эту тенденцию в субъективной сти-
листике — в пластике кадра, в цветовом его решении и мон-
таже, в деформации реальности.

Еще раз хочется подчеркнуть, что стремление к субъективному изображению проявляется по-разному в фильмах отмеченных нами двух направлений в зависимости от индивидуальных особенностей режиссеров.

Тенденция эта, на наш взгляд, обуславливает и жанровое своеобразие фильмов. Так, к примеру, особая тяга к форме комедии и притчи в грузинском кино на современном этапе, думается, органичное и закономерное жанровое выражение этой тенденции.

Вместе с тем в современном грузинском кино немало примеров, которые по своим эстетическим особенностям находятся в явной полярности с этой тенденцией. Основная особенность таких фильмов и отличие их от фильмов отмеченной тенденции заключаются в стремлении их авторов проникнуть в неоднозначность реальности, раскрыть ее и выразить на экране, воспроизвести реально существующие взаимоотношения в реальном времени и пространстве, интересующую их проблему развить с помощью художественных образов, с помощью такого рассказа и языка, которые почти что полностью исключают деформацию реальности во времени и пространстве. Такое стремление требует внутренне логичного стиливого или жанрового решения. Потому-то в нем сильнее проявляются структурное преимущество и ведущая роль так наз. «документальной» стилистики, психологического, повествовательного жанров, хотя и здесь легко можно заметить наличие других жанровых элементов и форм.

Говоря о фильмах с такими особенностями, мы имеем в виду, в первую очередь, «Большую зеленую долину», «Листопад» (60-е годы)... Несмотря на то, что названные произведения имеют этапное значение не только в творчестве их режиссеров, но вообще в современном грузинском киноискусстве, все же характерные для них эстетические особенности не являются ведущими для грузинского киноискусства 60-х и первой половины 70-х годов.

Что касается второй половины 70-х годов, здесь уже проявились предпосылки, которые, на наш взгляд, выражают интенсивное развитие и усиление в грузинском киноискусстве именно второй тенденции. Об этом свидетельствует как творческий путь режиссера Отара Иоселиани («Листопад», «Жил певчий дрозд», «Пастораль»), так и рождение тех фильмов, которые проявляют стремление к повествовательному, объективному, «документальному» изображению. Один из ярких примеров тому — трехсерийный телевизионный фильм «Пастухи Тушетии» (режиссер С. Чхаидзе, авторы сценария А. Чичинадзе, В. Сулакаури, Д. Иванов, С. Чхаидзе; оператор И. Онопришвили).

С точки зрения стилистики «Пастухи Тушетии» отличаются особой объективностью, естественностью и простотой драматургического развития. Здесь мы не видим активной авторской интерпретации изображенной реальности, которая могла бы проявиться в стилистике средствами поэтического осмысления — метафоризмом, сравнениями, экспрессией изображения, особой условностью организации време-

ни, контрастами и множеством других уже испытанных в кино приемов.

Современное грузинское кино на протяжении последних десяти-пятнадцати лет явно проявляло стремление к более малым кинематографическим формам (имеется в виду не столько сам короткий метраж, сколько способность в ограниченном времени создать в пространстве драматическую напряженность). Если с этой целью грузинские кинематографисты, наряду с ведущими жанрами нашего кино, использовали также структурные особенности малых литературных форм — рассказа, новеллы, — тогда работы последнего года дают нам право думать, что именно элементы и особенности повествовательного жанра занимают все более значительное место в дальнейшем развитии национального кино, что, в свою очередь, усиливает и черты «повествовательной», «документальной» стилистики. Свидетельство тому ряд новых фильмов (созданных ведущими режиссерами), которые, несмотря на разную степень их художественного уровня, выражают общую тенденцию и отмечены определенными жанровыми и поэтическими особенностями («Пастораль», «Пастухи Тушетии», «Пески останутся», «Вершина», «Несколько интервью по личным вопросам» и др.).

Фильм «Пастухи Тушетии» значителен также тем, что принес в национальное киноискусство менее характерную для грузинского кино эпическую масштабность, несомненно, долженствующую найти в будущем своеобразное развитие и продолжение.

Таким образом, в современном грузинском кино отчетливо намечается тенденция расширения жанровых границ, освоения разных форм художественного обобщения, что выражается, с одной стороны, в раскрытии чисто жанровых структур и слиянии с ними других жанровых элементов и форм, с другой — в стремлении одолеть, освоить и развить все киножанры, а также разные стилистические направления. Процесс этот протекает в основном под влиянием двух факторов: социальных условий и внутренней логики художественного развития.

Было бы ошибкой объяснять процесс развития и взаимодействия жанров их имманентным развитием. Причину изменений, вероятно, следует искать и в других сферах: создавая совершенно отличные комбинации и, следовательно, наполняясь новым идейно-художественным содержанием, жанры в своей эволюции отображают и те изменения, которые происходят в общественной жизни людей. С другой стороны, как мы уже отметили, эволюция жанров обусловлена и внутренней логикой развития искусства. Ведущие жанры и формы в грузинском кино 60-х и начала 70-х годов (комедия и ее национальные модификации, притчи) на этом этапе, казалось бы, уже исчерпали свои возможности и сами просят некоторого обновления и дальнейшего развития. К тому же, для полного отображения жизни необходимо также интенсивное развитие других жанров и тенденций.

НАГРАДЫ РОДИНЫ

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О НАГРАЖДЕНИИ ГРУЗИНСКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ГАЗЕТЫ «АХАЛГАЗРДА КОМУНИСТИ» («МОЛОДОЙ КОММУНИСТ») ОРДЕНОМ «ЗНАК ПОЧЕТА»

За плодотворную работу по коммунистическому воспитанию молодежи и мобилизации ее на выполнение задач хозяйственного и культурного строительства наградить грузинскую республиканскую газету «Ахалгазрда комунисти» («Молодой коммунист») орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль.
24 февраля 1981 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О НАГРАЖДЕНИИ ГРУЗИНСКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ГАЗЕТЫ «МОЛОДЕЖЬ ГРУЗИИ» ОРДЕНОМ «ЗНАК ПОЧЕТА»

За плодотворную работу по коммунистическому воспитанию молодежи и мобилизации ее на выполнение задач хозяйственного и культурного строительства наградить грузинскую республиканскую газету «Молодежь Грузии» орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль.
24 февраля 1981 г.

Коллектив редакции и редакционная коллегия журнала «Литературная Грузия» поздравляют своих коллег с высокой наградой Родины и желают им дальнейших творческих успехов в деле коммунистического воспитания молодежи.

С МЫСЛЬЮ О БУДУЩЕМ

В ДНИ работы XXVI съезда КПСС в Тбилиси прошло совместное заседание правления Союза писателей Грузии и Совета по детской и юношеской литературе Союза писателей СССР.

Эта встреча впервые проводилась в столице Грузии. Основная тема разговора — «Грузинские писатели — детям».

В Тбилиси прибыла представительная делегация из братских республик страны — писатели, критики, работники издательств. Среди них — секретарь Союза писателей РСФСР, первый заместитель председателя Совета по детской и юношеской литературе Союза писателей СССР А. Алексин, известные детские писатели Ю. Яковлев, Я. Аким, Е. Николаевская из Москвы, главный редактор журнала «Литературная Армения» К. Симонян, банкинец Т. Махмуд и другие.

В ходе заседаний были обсуждены проблемы и задачи детской литературы, дан обширный анализ новых и ранее публиковавшихся произведений детской грузинской литературы.

Участники встречи побывали в высших учебных заведениях Тбилиси, посетили Дворец пионеров и школьников имени Б. Дзnelадзе, осмотрели достопримечательности Тбилиси, Сагареджо, Телави и Кварели.

ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

ПО ИНИЦИАТИВЕ Грузинского радио была проведена

встреча поэта Хуты Берулава с металлургами Рустави — героями его известного произведения «Русское сердце».

В заводском зале собрались металлурги — представители всех поколений этой трудной и почетной профессии.

Вечер вступительным словом открыл секретарь партийного комитета металлургического завода К. Бакрадзе. В своем выступлении он особо отметил тот большой интерес, с которым труженики завода встретили выход в свет поэмы, правдиво отобразившей славный путь, пройденный металлургами Рустави.

Об идейно-художественных достоинствах поэмы «Русское сердце» рассказал писатель Карпе Мумладзе.

В дни, когда вся страна с огромным трудовым и творческим подъемом встретила XXVI съезд КПСС, разговор об успехах грузинских металлургов вдохновляет весь коллектив завода на новые творческие свершения. Эта мысль была выражена в выступлении передового сталевара, делегата XXVI съезда КПСС У. Иванишвили.

На вечере также выступили рабочий поэт А. Писанец, прославленный сталевар В. Гигиберия, сталевар П. Хашавили и другие.

В заключение поэт Хута Берулава выступил с воспоминаниями о встречах со своими героями, рассказал об интересных моментах работы, прочитал главы из поэмы.

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

ИЗВЕСТНЫЙ литературовед, член-корреспондент Академии наук СССР Георгий Ломидзе стал лауреатом премии имени Н. А. Добролюбова. Этой высокой награды ученый удостоен за книгу «Чувство великой общности. Статьи о советской многонациональной литературе».

Этот труд — итог многолетней научной деятельности — посвящен проблемам многонациональной советской литературы. Автор подробно рассматривает пути развития и углубления идейно-эстетической общности литератур народов нашей страны, исследует творческие достижения отдельных национальных литератур.

Национальные по форме произведения писателей СССР являются достоянием всех народов. Для советской литературы интернационализм — принцип, идейная позиция.

В работе в широком историко-социальном плане характеризуются пути и основные стороны взаимовлияния национальных литератур, анализируется такая ведущая тенденция советской культуры, как сближение уровней развития художественных культур народов нашей многонациональной страны.

Пути развития советской литературы исследуются в книге в сочетании с рассмотрением крупных литературных явлений 60—70-х годов.

ЛАУРЕАТЫ ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА

ПОДВЕДЕНЫ итоги закрытого литературного конкурса, объявленного редакцией журнала «Дроша». Он был посвящен XXVI съезду КПСС, XXVI съезду Компартии Грузии, 60-летию установления Советской власти в Грузии и образованию Компартии Грузии.

Первая премия присуждена Р. Инанишвили за рассказы «Птицы надежды» и «Круг».

Второй премии удостоены: Л. Мрелашвили — за художественный очерк «С высоты», Г. Чиковани — за художественный очерк «Председатель», Р. Мишвеладзе — за рассказ «Енуки», К. Коберидзе — за рассказ «Оползень», О. Деметрашвили — за рассказ «Златоваятеля».

Третью премию вручили: М. Давиташвили, И. Руруа, А. Гецадзе, М. Мосашвили, Д. Мехришвили, Р. Бабунашвили, С. Самхараули и Г. Рухая.

Поощрительные премии получили Л. Чичинадзе, Э. Джапаридзе, М. Арабули, А. Галдавадзе, В. Беридзиашвили.

Жюри дало высокую оценку и рекомендовало к публикации на страницах журнала «Дроша» также 146 рассказов и художественных очерков.

АВАЛИАНИ Лали Автандиловна. Окончила фил. фак. ТГУ. Кандидат филологических наук. Старший научный редактор Грузинской советской энциклопедии. Печатается с 1966 года. Автор монографии «Паоло Яшвили» и ряда литературно - критических статей.

БАРДАВЕЛИДЗЕ Бежан Карлович. Род. в 1932 г. Критик. Окончил ТГУ. Кандидат филологических наук. Доцент. Изучает вопросы теории литературы и истории грузинской литературы. Автор книги рассказов и сборников литературно - критических статей.

ГЕГЕШИДЗЕ Гурам Шалвович. Род. в 1934 г. Окончил филологический факультет Тбилисского университета и Высшие сценарные курсы в Москве. Печататься начал в 1957 г. Автор нескольких романов и сборников рассказов.

ЗЛАТКИН Марк Израилевич. Род. в 1898 г. Журналист, член СП. Главный редактор редакции русских изданий издательства «Мерани». Под его руководством осуществляется издание на русском языке сочинений грузинских классиков и современных писателей.

КАНКАВА Гурам Исаевич. Род. в 1928 г. Литературовед, критик. Кандидат филологических наук. Автор книг «Литературные этюды» и «Литературные заметки», а также монографии «Исторический роман и его грузинские традиции».

ПАНДЖИКИДЗЕ Гурам Иванович. Род. в 1933 г. Окончил факультет черной металлургии Грузинского политехнического института. Прозаик. Начал печататься в 50-х гг. Автор многих рассказов, книг публицистического характера, трех романов. Лауреат премии комсомола Грузии. Был редактором журнала «Цискари», альманаха «Гантиади», в настоящее время директор издательства «Сабчота Сакартвело».

ТЫРКБА Людмила Киаминовна. Окончила филфак Сухумского гос. пед. института им. А. М. Горького. Автор стихов и рассказов, публиковавшихся в абхазской прессе. В настоящее время работает над первым сборником рассказов.

40.17/3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гурам АСАТИАНИ (главный редактор),

Заза АБЗИАНИДЗЕ, Реваз АСАЕВ, Хута ГАГУА, Алексей ГОГУА, Гурам ДОЧАНАШВИЛИ, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТКИН, Натела КАРАШВИЛИ (ответственный секретарь), Эмзар КВИТАИШВИЛИ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ, Владимир МАЧАВАРИАНИ, Отар НОДИЯ, Лия СТУРУА, Эммануил ФЕЙГИН, Гурам ХАРАИДЗЕ (заместитель главного редактора), Георгий ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отдел прозы — 93-31-43, отдел поэзии и искусств — 93-31-43, отдел критики и литературоведения — 93-65-19, отдел публицистики и очерка — 93-65-19.

На первой странице обложки: рельеф фасада церкви в Ахашени (нач. XI в.).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

„ლიტერატურული მხატვრობის“

— უკველავი ლიტერატურულ-მხატვრობის და საზოგადოებრივი პოლიტიკური ჟურნალი (რუსულ ენაზე)

გამოდის 1957 წლის ივნისიდან. № 3, მარტი, 1981 წ.

Сдано в набор 4.II.1981 г. Подписано к печати 16.III.1981 г. УЭ 01518. Формат 84×108¹/₃₂. Высокая печать. Печ. л. 7.0 — усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 9,4. Тираж 8.500 экз. Заказ № 392. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон: 99-06-59.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

КНИЖНЫЕ НО ВИНКИ

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

СУЛАКАУРИ А. «Половодье». Повести и рассказы. Пер. с груз. Вступит. статья С. Соложенкиной. Москва, 1980. 416 с. 50.000 экз. 1 р. 80 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

КАЛАНДИА Г. «Люблю...». Стихи. Авториз. пер. с груз. Москва, 1981, 20.000 экз. 55 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

СТУРУА М. «Потомак на Миссисипи». Несентиментальное путешествие по Америке. Москва, 1981. 320 с. 100.000 экз. 75 к.

«ПРОМИНЬ»

БЕЛИАШВИЛИ А. «Рустави». Роман. Авториз. пер. с груз. Т. Гамкрелидзе и С. Трегуба. Худож. В. Мелешенков. Днепропетровск, 1980. 229 с. с ил. (Б-ка «Заграва»). 100.000 экз. 1 р.

«МЕЦНИЕРЕБА»

ПРИВАЛОВ Е. «Роспись Тимотесубани». Исследование по истории груз. средневековой монум. живописи. Тбилиси, 1980. 319 с. с ил. 1.300 экз. 3 р. 90 к.

КАРБЕЛАШВИЛИ М. «Елена Ахвледиани». Ил. очерк. Тбилиси, 1980. 93 с. с ил. 4.000 экз. 2 р. 90 к. Текст на груз., рус. и англ. яз.

«САБЧОТА САКАРТВЕЛО»

ВАЧНАДЗЕ Г., КАШЛЕВ Ю. «Международный обмен информацией». Его сторонники и противники. 2-е изд. Тбилиси, 1980. 387 с. 3.000 экз. 2 р. 50 к.

